



ЛЕВ ВАСИЛЕВСКИЙ

**ИСПАНСКАЯ ХРОНИКА
ГРИГОРИЯ ГРАНДЭ**

Повесть — воспоминание



МОСКВА
« МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ »
1985

63.3(4Ис)

В 19

Второе издание

Василевский Л. П.
В 19 Испанская хроника Григория Грандэ : Повесть-воспоминание. — 2-е изд. — М. : Мол. гвардия, 1985. — 176 с., ил. — (Стрела).

65 коп. 150 000 экз.

Переиздание книги об известном советском контрразведчике Г. Сыроежке, участнике революционных боев в Испании в 1936—1939 годах. Страницы героической жизни Сыроежкина воссозданы его товарищем по событиям в Испании.

В $\frac{4702012000-145}{078(02)-85}$ 188—85

ББК 63.3(4Ис)+63.3(2)71
9(М)71+9(С)25

© Издательство «Молодая гвардия», 1974 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Как дорогую реликвию храню я фотографию, сделанную в горах Сьерра-де-Гвадаррамы, на вершине со странным названием «Мертвая женщина». Это было в Испании без малого сорок лет назад, во время национально-революционной войны испанского народа 1936—1939 годов. Из семи человек, запечатленных на этой фотографии, мне известны судьбы только троих. Двоих из них уже нет в живых: нет моего незабвенного друга Григория Сыроежкина, которого в Испании называли Григорий Грандэ; нет и комиссара нашего отряда испанца Галарса Переса Перегринна, задушенного гарротой* в застенках мадридской тюрьмы Карабанчель в 1952 году. Пока живу я, уже вышедший из игры.

В Испании, где мы сражались в рядах республиканской армии, как и тысячи других антифашистов-добровольцев из многих стран мира, судьба свела меня с Григорием Сыроежкиным. Там прошли два последних года его жизни. Мы прошагали их вместе по раскаленным дорогам войны, стоившей испанскому народу миллиона человеческих жизней.

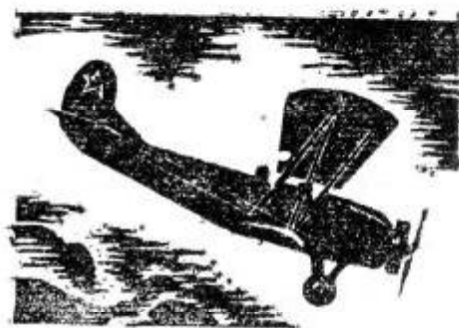
Этих двух лет, наполненных опасностями, риском, всем, из чего складывается жизнь человека на войне, с избытком хватило бы для книги воспоминаний. Но о делах Григория Сыроежкина, в которых он участвовал до войны в Испании, я много слышал и раньше, еще не зная его лично, не предвидя встречи с ним. Мог ли я после двух лет пребывания на войне в Испании, после всего пережитого вместе пройти мимо его прошлого, такого необычного, даже для биографии контрразведчика?

Вот почему я рассказываю здесь об эпизодах героической жизни Григория Сыроежкина, происходивших еще до войны в Испании. Эти эпизоды — звенья одной цепи.

Прошлое не умирает, оно всегда живет в нас. В моем сознании Испания оставила глубокий след. Воспоминания о ней никогда не исчезали, и даже Великая Отечественная война, явившаяся в жизни нашего народа таким всеподавляющим событием, не накинула покрывала забвения на все, что было в 1936—1938 годах. По мере того как уходит время, воспоминания с новой силой всплывают в моей памяти, образы ушедших друзей-соратников неотступно окружают меня. Желание рассказать о людях, с которыми я прошел через эти события, о том времени двигало моим пером, когда я писал эту книгу.

* Гаррота — железный ошейник — орудие казни в Испании.

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С АВИАЦИИ...



У меня все началось с авиации. Крылатый лозунг «Комсомол — на самолет!» в 30-е годы захватил многих из нас, тогда еще молодых людей, выражал наши самые сокровенные мечты. В те годы я служил на границе. Проснувшаяся неудержимая тяга к авиации целиком овладела мною: я бредил самолетами, каждую ночь мне снились полеты. Наверное, слова «кто ищет, тот всегда найдет» сбываются в большинстве случаев. Обстоятельства благоприятствовали мне. В то время спортивное общество «Динамо» создавало первые авиационные школы в крупных городах страны. Одну из этих школ окончил и я, твердо решив стать военным летчиком.

Начальником школы и моим инструктором, научившим меня летать, был старый русский летчик Иван Иванович Егоров. Он был романтиком, энтузиастом своего дела. Выходец из семьи кадровых военных, Егоров оказался в числе тех офицеров царской армии, которые с первых дней бесповоротно примкнули к революции и самоотверженно служили ей, сражаясь в годы гражданской войны на многочисленных фронтах.

Запомнился мне первый полет на учебном самолете У-2. Мы набрали высоту 600 метров, и Егоров сказал мне по переговорному устройству: «Возьми, дорогуша, ручку и попробуй вести самолетик по прямой. Обращайся с ним на «вы» — очень вежливо и нежно, как с любимой девушкой!»

Через какое-то время я был командирован в Москву, где прошел курсы усовершенствования начсостава при оперативном факультете Военно-воздушной академии, а затем, в начале 1936 года, был назначен командиром-комиссаром отдельной авиационной части в Восточном пограничном округе. Так я оказался на границе Синьцзяна, обширной китайской провинции.

Наш небольшой авиационный городок был расположен в старинном урочище, у подножия высокого горного хребта Заилийского Алатау. Его снежные вершины почти круглый год сверкали под лучами южного солнца. На севере на сотни километров, вплоть до огромного озера Балхаш, простирались пустыни.

Мы летали над высокими снежными горами, огромными ледниками, пустынями и большими озерами, тянувшимися цепью на восток, через Джунгарские ворота, где всегда дуют бешеные ветры. Воздух там наполнен мельчайшей гранитной пылью, и кажется, что чья-то гигантская рука накинута на эту суровую землю тонкую, сверкающую вуаль. Кто только не шел по этим тропам сквозь вечный ветер Джунгарии! Монгольские завоеватели, отважный венецианец Марко Поло, русские путешественники Пржевальский, Козлов... Здесь пролегали древние пути, казалось, каждый камень хранил старинные легенды.

Но вот началась война в Испании, и непреодолимая сила потянула меня туда. Представление об этой далекой стране в то время складывалось лишь под влиянием прочитанных книг, прежде всего, конечно, «Дон Кихота» Сервантеса, и было окутано ореолом романтики. Но реальность оказалась сильнее. Желание скрестить оружие с фашизмом заставляло с нетерпением ждать ответа на рапорт с просьбой отправить меня в Испанию. К счастью, ждать пришлось недолго. Через две недели из Москвы пришло распоряжение о моем откомандировании.

Так я оказался в числе советских добровольцев, направлявшихся в Испанию, чтобы сражаться в рядах борцов за свободу и независимость этой страны.

Все, что мне удалось прочесть в библиотеках за короткие дни пребывания в Москве перед отъездом, еще больше усилило мой интерес к Испании, стране с такой бурной, захватывающей историей. И вот теперь на ее земле нам предстояло лицом к лицу встретиться с фашизмом.

ВСТРЕЧА В ВАЛЕНСИИ



Мы ехали в Испанию по железной дороге через гитлеровскую Германию и Францию. Красный паспорт с испанской визой, моя сильно загоревшая под жарким южным солнцем физиономия и вообще весь вид человека, не привыкшего носить штатский костюм, привлекли пристальное внимание нацистских чинов разных рангов и ведомств в Германии. Зато во Франции, в Париже, где в то время проходила очередная Всемирная выставка, на меня и моего попутчика-радиста никто не обращал внимания. Мы чувствовали себя свободно, как и многочисленные туристы, наполняющие всегда этот город.

Но вот последняя французская станция — Сербер. Здесь Пиренеи обрываются скалистым мысом в море. Дальше — Испания. Путь туда лежит через мрачный туннель, который начинается почти у самой станции. Я вышел на перрон чистенького вокзала. Горы с трех сторон теснили маленький городок, расположенный на берегу Средиземного моря. Из раскрытых окон вокзального ресторана доносились аппетитные запахи.

Сытым покоем дышала безмятежная французская земля, а там, за скалистой горой, бушевала война.

Поезд в Испанию ожидало еще несколько человек. По всему было видно, что эти люди, как и мы, ехали сражаться с фашизмом. Холодно и подозрительно смотрели на нас два французских жандарма, проверявшие документы. Протяжный свисток вывел меня из раздумья. Послышались шипение пара и приглушенный грохот медленно подходившего поезда. Маленький паровоз вытащил из туннеля потрепанный вагон и остановился у края платформы. Пассажиров было немного, и без задержки поезд тронулся в обратный путь, тотчас погрузившись в прохладный сумрак туннеля. Несколько минут во мраке — и мы опять под ярким солнцем. Вот

и первая испанская станция Портбу. В станционном здании со стеклянной крышей, сильно поврежденной воздушной бомбардировкой, было пустынно. Здесь не пахло сдобными булками, как в Сербере. На стенах висели красочные плакаты — остались от тех дней, когда переполненные поезда привозили в Испанию иностранных туристов.

Вокзал стоял на площадке, вырубленной в скалистом склоне горы, и от него вниз, к рыбацкой деревушке, круто падала улочка, вымощенная каменными плитами. Только один человек, дежурный по станции, встретил нас на замусоренном перроне станции Портбу. От него мы узнали, что поезд на Барселону уйдет вечером, часов в семь, теперь же было десять утра. Времени оставалось много.

Ко мне подошли молчаливые спутники. Их было семеро: англичанин Даниэль (он пал потом в бою под Брунете), двое латышей — Вилли и Герт (они попали в 11-ю интербригаду, и последний раз видел я их в бою под Гвадалахарой) и четверо болгар (их я больше не встречал). Мы не знали друг друга, но первое чувство дружбы между нами уже возникло.

По перрону, покрытому битым стеклом и штукатуркой, вышли мы со станции и зашагали вниз. Простые дома с выгнутыми решетками на окнах, казалось, стояли столетия, истертые каменные плиты, по которым мы шли, были такими же немymi свидетелями прошедших времен.

Внизу, как зеркало в оправе, поблескивала маленькая бухточка, окруженная зубчатыми скалами. Только с юга виднелся узкий выход в открытое море. В границе скал вырублены причалы, к ним жались рыбацкие лодки. В конце улочки, где берег отлого спускался к воде, была маленькая площадь с квадратным фонтаном, у которого росла старая пиния. Под плоской кроной пинии расставлены колченогие столы деревенской таверны. Неотразимой прелестью веяло от всего вокруг, такого простого и будто бы уже знакомого.

— Буэнос диас, сеньорес! * — приветствовал нас пожилой испанец, хозяин таверны. Ему очень шли черный берет, широкая белая рубашка и брезентовые рыбацкие штаны, подпоясанные черным шарфом.

* Буэнос диас, сеньорес! — Добрый день, сеньоры! (dch.)

Нам сдвинули два стола.

— Есть вино, рыба, фрукты, — предложил он, проводя заскорузлой рукой по выскобленным доскам стола.

— Муй бьен!* — ответил кто-то из нас, впервые используя свой скромный запас испанских слов.

В ожидании еды мы молча глядели по сторонам. Мы почти не понимали друг друга, еще не пережили вместе ни горя, ни радостей. Каждый был погружен в свои мысли и чувства. Для нас все здесь было необычным, но вместе с тем Испания казалась уже близкой и даже родной, ведь мы приехали сражаться за счастье ее народа и, быть может, погибнем здесь.

Вода в бухте была неподвижной. Крепко пахло морем. Летали крикливые чайки. Кое-где на скалах росли пинии, их черно-зеленые силуэты четко вырисовывались на безоблачном небе. Хорошо было сидеть молча и смотреть на все это...

Из черного провала дверей таверны вышел хозяин. Он принес два графина мутно-красного вина и, покуривая черную сигару, уселся на корточках возле меня. Хлопнув по колену, спросил: «Интернационалиста?» Я кивнул в ответ. «Камарада!» — протяжно произнес испанец, дружески улыбаясь. Прошло еще несколько минут, девушка принесла нам на деревянном подносе овощи и сковороду, на которой в кипящем оливковом масле шипели куски жареной рыбы. Все принялись за еду, запивая ее кисловатым и терпким вином. Солнце поднялось уже высоко. Тени ушли в скалы, и чаша бухточки теперь была ярко освещена. Из-за угла на площадь вышли двое. На груди тоненького юноши с блестящими, зачесанными назад волосами висела гитара; высокий слепой старик с неподвижным лицом держался за его плечо.

— Буэнос диас, сеньорес! — произнес юноша, и старик, как эхо, повторил приветствие.

Гитарист сел на стул и легким движением тронул струны. В глубине гитары родились тихие звуки — музыкант заглушил их ладонью. Старик стал за его спиной. Едва заметным движением он надавил на плечи гитариста, и тот начал вступление. Тонкие ловкие пальцы быстро перебирали струны, полились звуки. Закончив вступление, гитарист заглушил ладонью последние

* Муй бьен — очень хорошо (исп.).

Здесь я и познакомился с Григорием Сыроежкиным. Меня сразу захватила в плен непрерывная смена выражений его глаз. То озорные, то задумчивые, то по-детски наивные, они заставили меня залюбоваться им. Буйная русая шевелюра, мужественное лицо, словно вырубленное из гранита. Высокий и широкоплечий, он говорил слегка глуховатым, как бы простуженным голосом. Держался просто, скромно, даже чувствовалась в нем какая-то застенчивость, делавшая его еще более обаятельным.

Сыроежкин был старшим советником 14-го партизанского корпуса испанской республиканской армии, и я поступил в его распоряжение. Армейская субординация укореняется в человеке за время военной службы, и поначалу я чувствовал себя не в своей тарелке, разговаривая с новым моим начальником в комфортабельном номере валенсийского отеля «Мажестик». Представляться начальству в такой обстановке мне раньше не приходилось.

Человек, сидевший передо мной, был не по-военному, просто одет, на нем были серые брюки и рубашка с отложным воротничком без галстука. Внешний вид Сыроежкина никак не соответствовал его должности — советника корпуса.

Испанцы называли его Гриша Грандэ — Гриша Большой. Это прозвище привилось и среди советских товарищей.

Для испанцев было непостижимо, как человек, занимающий высокое положение, не чванится, не придает никакого значения внешним атрибутам, по-простецки разговаривает со всеми и ничем не походит на генералов, знакомых им по старой королевской армии.

В своем неизменном штатском костюме Сыроежкин казался человеком, который вышел из дому на несколько минут. Пиджак и крупнокалиберный пистолет он почти всегда оставлял в автомобиле, где на полу перекатывалось с десятков ручных гранат-лимонок, запалы от которых он носил в портсигаре или небольшом дорожном несессере. Другой пистолет — «вальтер» — находился в заднем кармане брюк. Вряд ли эта огнестрельная «игрушка» могла считаться серьезным оружием в бою!

Еще до того, как я впервые увидел бесстрашного разведчика Григория Сыроежкина в Испании, мне довелось многое слышать о его славных делах. Вокруг

его имени ходили легенды. И вот стою я перед ним, совсем не «легендарным».

Прежде чем начать со мной разговор, Сыроежкин, как бы прицеливаясь, раза два посмотрел на меня. Затем достал из кармана затрепанную записную книжку, полистал ее и не глядя сказал:

— Значит, ты командовал авиационной частью? Кажется, так? Но здесь летать тебе не придется. Да, не придется... — Он помолчал, снова полистал свою книжку и продолжал: — В Испанию присылают летчиков-добровольцев и спустя полгода меняют. Конечно, тех, кто вытащил счастливый билет и не остался в здешней земле... Так-то... Война! А ты не только летчик, но и пограничник, оперативный работник. Здесь такие очень нужны. Здесь найдется для тебя важная и интересная работа. Ну как?

Мне очень хотелось летать в Испании, приобрести боевой опыт летчика, помериться силами с фашистами в воздухе, и я прямо сказал об этом Сыроежкину.

— Этот вопрос решен дома и перерешать его здесь никто не будет. Ты опытный человек, тебе не двадцать лет... Ну как, согласен? — Он засмеялся своему вопросу.

Действительно, вопрос о моем согласии мог быть поставлен только в шутку. Не возвращаться же мне домой лишь потому, что я лишался возможности сражаться в воздухе.

Заметив на моем лице разочарование, Сыроежкин взял со стола кувшин и наполнил два стакана.

— Пей, уж очень жаркий день сегодня.

Неожиданно он по-мальчишески подмигнул мне. И сразу возникло ощущение старого знакомства и дружбы.

— Хочешь поехать в Мадрид командовать интернациональным разведывательно-диверсионным отрядом? — неожиданно спросил Сыроежкин. — Испанцы называют эти отряды «герильерос», по-нашему — партизаны. — Он затушил недокуренную сигарету и добавил: — Они действуют там. — Жест его руки не оставлял сомнения, что речь идет о тылах противника. Правая рука у него выпрямилась не до конца, по-видимому, была сломана и неправильно срослась.

Что ж, Мадрид при всех условиях был местом, куда многие мечтали попасть: о героической обороне испанской столицы говорил весь мир.

— Это самое опасное место, — продолжал он. — День и ночь бомбят, обстреливает артиллерия... В Мадриде не очень выспишься...

— Я согласен...

Григорий одобрительно кивнул и, как старому знакомому, сказал:

— С авиацией расставаться трудно, но ведь и наше дело не хуже, а?.. Знал я одного летчика еще во время гражданской войны. Лихой был летчик. Между прочим, из офицеров царской армии. Иван Егоров, маленький такой, блондин...

Бог ты мой! Он знает Ивана Егорова!

— Это же мой инструктор, учитель. Он выучил меня летать! — задыхаясь от волнения, выпалил я.

Сыроежкин с интересом посмотрел на меня.

— Вот оно что! Значит, ты ученик Ивана. Достойный он человек, с первых дней революции с нами. На польском фронте дрался в 1920 году с французскими летчиками, летавшими на самых по тому времени современных самолетах. А наши — на «гробах» латаных-перелатаных. Один из этих французских асов и сбил его однажды. Но Егоров уцелел, хотя и потерял половину зубов и основательно покорежил свою физиономию...

Все это я уже во всех подробностях слышал от самого Ивана Ивановича, но все же ловил каждое слово Григория о нем...

Весь этот день провели мы вместе. За обедом Григорий рассказывал о людях мадридского отряда. Он не раз уже ходил с ними «на ту сторону».

— Теперь ты походишь с ними. — Он бросил на меня испытующий взгляд. — Там у тебя будет надежный помощник — советский товарищ Александр Рабцевич. Он известен здесь под именем Виктор. Старый белорусский партизан, живет в отряде с бойцами. У тебя будет номер в отеле «Гэйлорд», где живут все советские военные советники. Там линия военной связи: телефон, радио, и я всегда смогу поддерживать контакт с тобой. Но когда этого потребуют обстоятельства, ты будешь ночевать и в отряде. Знаешь, в Мадриде обстановка такая... как тебе сказать? Ну, не очень надежная: много агентов «пятой колонны», анархисты, троцкисты и всякая другая нечисть... Поживешь, сам увидишь...



МАДРИД — СЕРДЦЕ ИСПАНИИ

Из семи дорог, ведущих к этому географическому центру страны, шесть были перехвачены врагом в непосредственной близости от города. И только Французское шоссе, проходящее через Гвадалахару и Сарагосу, вернее, часть его, примерно на протяжении девяноста километров, находилась в руках республиканцев.

В полночь мы выехали на Французское шоссе у Алькала-де-Энареса, городка, в котором родился автор «Дон Кихота». До Мадрида оставалось двадцать пять километров. Ровная дорога шла под уклон. Мадрид угадывался по вспышкам разрывающихся снарядов.

Навстречу нам изредка попадались машины с потушенными фарами. Минуя безмолвные темные окраины, мы въехали на авениду Алькала, идущую к центру города. Когда проезжали парк Ретиро, Григорий сказал:

— Здесь стоит зенитная батарея, и фашисты часто обстреливают парк.

И как бы в подтверждение его слов где-то вблизи парка упал снаряд. А когда мы через минуту объезжали справа арку на площади Независимости, слева от нее разорвался второй снаряд, на мгновение осветив небольшую площадь. Грохот разрыва эхом отозвался в пустынных улицах. С воем пронеслись осколки.

— Мадрид приветствует тебя, — смеясь, сказал Сыроежкин и, похлопав меня по плечу, совсем уж добродушно и очень спокойно добавил: — Скоро привыкнешь...

Я был уверен, что привыкну, но пока чувство тревоги не покидало меня. За аркой мы свернули в узкую улочку, носившую имя короля Альфонса XI, и подъехали к небольшому отелю, отведенному под жилье военных советников. Снаружи он казался необитаемым. Из его зашторенных окон не пробивался свет. В подъезде за тяжелой суконной занавесью был вестибюль,

едва освещенный синей маскировочной лампочкой. Темная лестница вела на верхние этажи, на третьем нас уже ждали. Теплые рукопожатия и бесконечные расспросы о доме людей, оторванных от Родины, обрушились на меня.

На всю жизнь запомнил я тот первый вечер и ночь. После ужина убрали со стола, погасили свет и открыли окна. Мадрид жил обычной жизнью осажденного города, ведь фронт проходил по его западным окраинам в известных уже тогда всему миру предместьях Карабанчель, Каса де Кампо и Университетскому городку. Время от времени где-то в кварталах рвались снаряды, слышалась пулеметная стрельба на ближайшем участке Мадридского фронта у королевского дворца, в полутора километрах от «Гэйлорда».

Сидевшие за столом товарищи не обращали на все это внимания, спокойно продолжая беседу. Я расспрашивал их о положении на Мадридском фронте. Против Мадрида мятежники бросили свои самые боевые кадровые части, называемые «регулярес», или марокканский корпус. Командные должности в нем занимали офицеры-испанцы, прошедшие службу в колониальных войсках; их называли «африканистами», и они считались наиболее реакционной частью офицерства испанской армии. Тогда, кроме корпуса «регулярес», под Мадридом стоял иностранный легион Франко, набранный из авантюристов и уголовников многих стран мира. Любой преступник, совершивший самое страшное преступление в своей стране и бежавший от заслуженной кары, принимался в иностранный легион. Он мог называться любым именем, от него не требовали никаких документов, он давал подписку служить пять лет, после чего получал испанское гражданство и таким образом легализовывался под новым именем, навсегда скрыв свое темное прошлое. Испанский иностранный легион, или терсио, которым одно время командовал Франко, участвовал в подавлении восстаний в Марокко и бастовавших испанских шахтеров в Бискайе. Легионеры отличались холодной жестокостью, они не задумывались, ради чего воюют и чьи интересы защищают. Восемь бандер* легиона носили такие названия: «Хабали» (дикий кабан), «Орлы», «Тигры», «Христос и непорочная дева», «Великий капитан» — в память о Гонсальво

* Бандера — воинская часть. (исп.).

де Кордоба*, «Герцог Альба», «Валенсуэла» и «Христофор Колумб».

Их лозунгом было: «Легионер, к борьбе! Легионер, к смерти! Да здравствует смерть!» Война развязывала им руки, мир был для них скучен и не приносил доходов.

В легионе существовала жестокая дисциплина, а взаимоотношения с особо подобранными офицерами-испанцами носили характер аристократической фамильярности, установившейся в Испании во взаимоотношениях между грандами и бедняками. Легион находился под сильным влиянием католической церкви.

Преступники из иностранного легиона были страшными противниками, с которыми нам предстояло встретиться в этой войне. В ту первую мадридскую ночь мне думалось, что легионеры и марокканцы могут ворваться в город. Признаюсь, я сунул тогда пистолет под подушку и на всякий случай решил спать не раздеваясь.

Нам с Григорием отвели свободную комнату. Украдкой я поглядывал на своего нового начальника. Позевывая, он не спеша раздевался, аккуратно складывая одежду. Казалось, он не обращал на меня внимания. Раздевшись, он лег, повернулся к стене и натянул одеяло. Дальше сидеть одетым было глупо, я тоже разделся и лег. Долго лежал без сна, прислушиваясь к ночным мадридским звукам. Уже засыпая, сквозь дремоту я увидел, как Григорий повернулся, приподнял голову и посмотрел на меня. Он дал мне возможность самому справиться со своими опасениями, и я в должной мере оценил его деликатность, впрочем, в этом я убеждался в дальнейшем не раз.

...Утром Гриша Грандэ повез меня в отряд, занимавший в пригороде Лас-Вегас две брошенные владельцами виллы с небольшими садами. Я попросил у него разрешения остаться в отряде и прожил там несколько дней. Нужно было познакомиться с людьми. Их было тогда человек полтораста. Половина бойцов — испанцы, главным образом андалузские батраки, прекрасные, отчаянные люди, но основательно зараженные анархическим духом. Остальные — интернационалисты: болгары, немцы, французы, англичане, американцы, канадцы и три латыша. Все они были коммунистами, у себя на родине прошли через подполье, некоторые

* Гонсальво де Кордоба — испанский военачальник.

подолгу сидели в тюрьмах. Для андалузских батраков они служили примером воинской дисциплины, учили их владеть оружием и даже элементарной грамоте.

Сам Сыроежкин обладал замечательным даром располагать к себе людей, с которыми работал. Иностранцы и испанцы, бойцы его очень любили. Гриша Грандэ был для них образцом бойца-коммуниста, безупречного, справедливого человека. «Правильного», как они говорили.

Особенно меня поражали взаимоотношения, установившиеся между Григорием и его шофером, молодым испанцем Пако, с которым он разъезжал по фронтам. Пако был таким же неразговорчивым, как и его начальник. Он был не только шофером, но и адъютантом, незаменимым помощником. И хотя Григорий за время пребывания в Испании не сделал больших успехов в изучении испанского языка и чаще всего употреблял слово «пронто», то есть «быстрее», худенький, застенчивый Пако, не говоривший по-русски, прекрасно его понимал. Я с изумлением наблюдал, как Сыроежкин по-русски давал какое-нибудь поручение Пако, тот внимательно слушал, кивая головой, а затем отправлялся выполнять его и делал все точно так, как хотел его начальник. Взаимоотношения Григория Сыроежкина со своим шофером являлись примером интернационального братства для всех нас, впервые так тесно столкнувшихся в Испании с иностранцами-пролетариями.

В ГОРАХ СЬЕРРА-ДЕ- ГВАДАРРАМЫ



С неделю я прожил в отряде, в предместье Лас-Вегас,знакомился с людьми, слушал рассказы о походах в тыл к противнику. Вечерами мы собирались в саду, и я рассказывал о Советском Союзе. Готовился к пер-

вому походу с группой в тыл к франкистам. Об этом говорил с Александром Рабцевичем, которого, как и все в отряде, стал называть Виктором. Виктор был старым партизаном-подпольщиком еще со времен советско-польской войны 1920 года. Он носил аккуратно отглаженную и вычищенную пиджачную пару и светлую рубашку с галстуком. На мой вопрос, удобно ли всегда носить такой костюм, отвечал, что привык к нему, так одевался всегда, еще во время работы в подполье.

О походах по тылам франкистов Виктор рассказывал просто, не преувеличивая опасностей и не уменьшая риска. Это были обстоятельные, деловые разговоры, давшие мне достаточно ясное представление о том, в чем мне теперь предстояло участвовать самому.

Я чувствовал бы себя более уверенно, если бы в первый поход со мной пошел Григорий Сыроежкин, но тогда уж, наверное, командовал бы он, поэтому я считал важным совершить первый поход самостоятельно от начала до конца и тем самым показать ему и бойцам отряда, что способен организовать все сам.

В то время обстановка в Испании, на республиканской стороне, многим напоминала ту, что существовала у нас в начале 1918 года. Создавалась регулярная армия. Вместо разрозненных отрядов и колонн уже существовали бригады и дивизии, но их командиры часто не подчинялись главному командованию и по-прежнему ориентировались на политических вожakov. В этом сказывалось все еще значительное влияние анархистов. Штабы создаваемой регулярной армии были слабы по своему составу и не использовали свои права в полной мере. В этой обстановке наш мадридский разведывательно-диверсионный отряд только формально подчинялся командующему Центральным, или Мадридским, фронтом генералу Миахе: ни генерал, ни его штаб никаких задач перед нами не ставили и удовлетворялись доставляемыми нами разведывательными сведениями о противнике. Таким образом, нам предоставлялась полная свобода действий в выборе направления и времени посылки наших групп в тыл к противнику.

Итак, мне предстояло самостоятельно выбрать направление первого похода. Готовясь, я внимательно изучил последние материалы, полученные от наших людей с «той стороны». Самыми последними были сведения о том, что в небольшом городе Сеговии, у подножия северных склонов Сьерра-де-Гвадаррамы, у противни-

ка были мастерские по ремонту танков и автомобилей. Двоюродный брат Хосе Гарсиа, бойца нашего отряда, работал маляром в этих мастерских и был готов помогать нам. А недалеко от Сеговии, в поместье Ла-Гранха, расположенном в горном лесу, у франкистов был большой склад боеприпасов. Оба эти объекта прямо напрашивались для совершения наших диверсионных акций, и я выбрал его направление.

Григорий одобрил мой выбор, сказав, что проводит до передовой и будет там ждать нашего возвращения.

...В горах Сьерра-де-Гвадаррамы, возвышающихся невысокой грядой над Касильской месетой* в узкой долинке, поросшей высокими соснами, у подножия хребта прилепились дома деревушки Раскафриа. В деревенской таверне у большого очага-камина под пирамидальным дымовым навесом расположилась моя группа. В глубине очага горел древесный уголь, и лиловые язычки слабого пламени лениво вылезали меж черных углей. Люди сидели на широкой каменной стенке очага, вытянув ноги к огню; тени медленно двигались по стенам полуосвещенной комнаты.

Закипал кофейник, и все вытащили из мешков свои кружки. Потом долго пили горячий кофе, макая в него черствый хлеб, и вели нескончаемый солдатский разговор о войне, о раненых и убитых товарищах и многом другом, что интересовало их и чем они жили теперь, оторванные от своих домов и стран.

Из отобранных мною для этого похода 12 человек половину составляли испанцы. Среди них был маленький валенсиец Карлос Пинтадо, прозванный за малый рост Чико. Он взял старую, потемневшую гитару, которую всегда таскал с собой, и заиграл всеми любимую арагонскую хоту**, а старый испанец-проводник, дядюшка Хоакин, запел надтреснутым голосом. В его песне было совсем мало слов и чаще всего повторялась фраза: «В первый день на этой земле. О-о-о-о! А-а-а-а! Э-э-э-э!»

Каждый раз фраза произносилась им по-новому, и ее выразительность усиливалась этим простым припевом из трех протяжных звуков. В паузах, когда старик умолкал, Карлос продолжал играть, лениво перебирая струны, и, извлекая из разбитой гитары причудливую

* Месета — возвышенность.

** Хота — один из видов народной испанской песни.

мелодию, вязал ее как кружево, узелок за узелком. Это была старинная и простая народная песня. Иногда сквозь тихую музыку из разбитого окна с легким дыханием холодной ночи доносился то шум сосен, похожий на тихий морской прибой, то журчание ручья.

Как далеко я был от дома, от бескрайних пустынь Казахстана и снежных хребтов Алатау, над которыми летал всего несколько месяцев назад!

Григорий неотрывно смотрел в жар углей. Взор его был задумчивым, даже мечтательным. Свой обычный костюм на этот раз он дополнил лишь свитером и пиджаком.

«В первый раз на этой земле. О-о! Э-э!»

Эту фразу Григорий повторял про себя вслед за певцами, только шевелящиеся губы говорили об этом.

Карлос запел другую песню, любовную, про девушку:

Кармен, Кармела,
Ты свет моих очей,
Душа моего сердца...

Рядом с Чико сидел ладно скроенный блондин, поляк Ян, прозванный испанцами за светлые волосы Рубио*. Он тоже молча смотрел в красный жар углей — они приковывали взоры всех, кто слушал испанские песни, — и думал о своем. Светлые волосы Яна были отброшены назад, серые глаза смотрели задумчиво. Все ладно сидело на нем: короткая кожаная куртка плотно облегалась широкие плечи, свободные шаровары из толстого солдатского сукна были заправлены в тяжелые горные ботинки на шипах. Красивое строгое лицо с правильными чертами говорило о смелости и благородстве человека, уверенного в правоте своего дела.

«В первый день на этой земле. О-о! А-а! Э-э!» — пропел Хоакин, и Карлос Чико опять повторил на гитаре сложное кружево старинной мелодии.

Пять лет назад нужда заставила Яна покинуть родную Польшу и с тысячами других безработных поляков приехать во Францию. Там он работал в угольных шахтах Па-де-Кале. Когда в Испании начался фашистский мятеж, он бросил шахту и вступил в ряды интернациональной бригады...

Карлос и Хоакин умолкли. Ян словно пробудился

* Рубио — блондин (исп.).

от сна. Он достал уголек из очага и раскурил трубку.
— Оле! — крикнул Карлос и ловко подбросил гитару.

Крепкая дружба связывала Яна с маленьким, отчаянным Карлосом Пинтадо. Она как бы олицетворяла братство бойцов-интернационалистов с испанским народом. Карлос с горящими глазами на оливково-матовом лице стоял, полуосвещенный, у стены и с любовью смотрел на Яна.

Они вдвоем и пойдут в Ла-Гранху взрывать склад боеприпасов...

От углей в камине пахло угаром. В разбитое окно врывался ночной холод.

Григорий поднялся со своего места, он потянулся, расправил плечи и сказал:

— Давайте, друзья, поспим часок-другой. Нашим ногам предстоит большая работа.

Ян перевел на испанский слова Григория, и все тотчас замолчали, пристроившись кто как сумел. В наступившей тишине опять отчетливо слышался лишь говор горного ручья. А мне не спалось. Я еще не научился заставлять себя заснуть, когда представлялось для этого время. Да и как было спать накануне первого похода в тыл к противнику в Испании! Стрелки часов подходили к восьми. В десять подъем. Командир роты, занимавшей этот участок, вышел, чтобы не мешать нам, сказав, что к побудке прикажет приготовить еще кофе.

Григорий не докучал мне разговорами. Все уже было сказано, план им одобрен, и теперь он предоставлял мне все осмыслить еще раз. Он поднялся со своего места и ушел спать к Пако, в свой «паккард».

В десять часов мы покинули таверну и, провожаемые напутствиями солдат здешней роты, начали подъем на хребет. Нам предстояло пройти километра два по крутому склону до вершины. В горах это немалое расстояние. Впереди мерным шагом шел Ян. Он нес мешок с взрывчаткой и гранатами. Карабин лежал на мешке за плечами, а ремень держался на подбородке, под сжатыми губами. Карлос шел за Яном, шаг в шаг. К полуночи поднялись на хребет и в теплом блиндаже передового поста роты отдыхали до наступления сумерек. Примостившись в окопчике под соснами, мы с Григорием изучали местность впереди. Перед нами открывалась еще одна лесистая долина. Где-то там, на

следующем хребте, могли быть скрытые посты противника.

Луна вставала за дальним высоким хребтом. Ее еще не было видно, но зазубренный черный край поросшего лесом хребта теперь отчетливо выделялся на фоне густо-синего неба. В лунном свете бледнели звезды. По небу плыли маленькие облачка, подсвеченные снизу луной. Вокруг все было наполнено неумолчным говором горных ручьев.

Ниже, на обратном склоне хребта, чернел лес, казавшийся сплошной черной стеной, мрачный, таинственный...

Надо было идти, не теряя времени. Условившись о сигналах при возвращении, я повел свою группу вниз, к черневшему лесу. Впереди шел наш постоянный проводник, старик Хоакин. Всю старую Кастилию он знал как свою заскорузлую крестьянскую ладонь. Боец Хосе Гарсия опередил нас и первым углубился в лес. Его задача — пройти в Сеговию, встретиться там с двоюродным братом и передать ему круглую жестяную коробку со скрытым в ней термическим зажигательным снарядом. В таких коробках рабочие часто носят свой завтрак, и это не должно вызвать подозрений. Уходя вечером с работы, брат Хосе должен поставить ее на железную бочку с краской, перевернув крышкой вниз. Через два часа, когда кислота проест перегородку внутри снаряда, он воспламенится и, создав высокую температуру, прожжет бочку, вызвав сильный пожар. Такие зажигательные и различные взрывные снаряды, которые мы называли «игрушками», искусно изготовлял полуслепой Андрэ, химик из русских эмигрантов. Его «игрушки» мы брали в каждый поход и под видом безобидных вещей — карманных фонарей, портсигаров, полевых сумок и даже аккордеонов — подбрасывали на фронтовых дорогах в ближайших тылах противника.

Хосе успешно выполнил свое задание и вечером вернулся к нашему исходному пункту, на передовой пост роты. С наступлением темноты туда пришли и мы, заминировав дороги и мосты вокруг Сеговии. Не хватало Яна и Чико. Глубокой ночью мы слышали сильные взрывы в стороне Ла-Гранхи, и это говорило нам об успешном выполнении ими своего задания. Но то, что их до сих пор не было, вызывало тревогу. Ожидать их на передовом посту не было смысла, да и в блиндаже для всех не хватало места, поэтому я приказал спуститься

к Раскафрии и там ожидать. Люди устали и нуждались в отдыхе.

До сумерек я ждал Яна и Чико на хребте и, не дождавшись, также спустился к Раскафрии. Что же могло их задержать? Об этом мы узнали позже...

...Когда группа углубилась в лес, Ян и Чико расстались с нами и пошли к Ла-Гранхе. Впереди были опасности, быть может, неравная схватка с врагами. Каждый раз, шагая по земле, занятой врагами, Ян ждал схватки. Он был готов и к смерти, но только после того, как убьет врагов и совершит подвиг. Тогда он считал свою смерть оправданной. Нельзя было не думать об этом, рискуя каждый день жизнью. И хотя он уже совершил много подвигов, важным для него был лишь тот, что еще предстояло совершить.

Карлос был юношей, почти мальчиком. До начала войны он жил как придется — день за днем. Неудачи, обиды и горе проходили, не оставляя глубоких следов в его молодой душе. С утра до позднего вечера бегал он у заправочной станции, протирал стекла, наливал бензин и воду в сверкающие лаком машины иностранных туристов, наводнявших Испанию. Мелкие часевые были его заработком. В праздничные дни он ходил в церковь и, как все, становился на колени, равнодушно глядя на пышно разодетую статую девы Марии. Победу Народного фронта Карлос воспринял как праздник. События захватили его. По молодости он мечтал о коротких путях к победе. Но вскоре познал горечь поражений, увидел холодную жестокость врагов, тысячи смертей, руины городов и деревень. За эти месяцы Карлос стал взрослым, только в короткие минуты отдыха в кругу боевых друзей вновь просыпался в нем озорной мальчишка — тогда он лихо плясал и звонко пел андалузские песни...

Придерживаясь за стволы, они спустились по крутому склону в узкую долину к подножию горы Мухер Муэрта, ее вершина черной громадой вырисовывалась в ночном небе. То поднимаясь по склонам, то спускаясь, шли две неясные тени — большая и маленькая. Так достигли они полуразрушенной стены парка старого поместья Ла-Гранха. Ян остановился за толстым стволом сосны.

— Когда пойдем? — прошептал Карлос.

— Осмотримся, подождем. Еще рано.

Бежали минуты. Как всегда, рядом с Яном спокойно и уверенно чувствовал себя Карлос. Прижавшись к широкой спине, он ощущал тепло друга. Было безветренно, но лес шумел тем юсобенным шумом, который складывался из множества легких звуков, неизвестно где возникавших.

— Теперь пора! — сказал Ян и полез в пролом стены.

Пробираясь запущенным парком, они достигли площадки перед старинным домом поместья. Там, под старыми, густыми деревьями, длинным рядом стояли грузовики. Одинокий часовой безмятежно шагал перед ними, закинув винтовку за спину.

— Возьмем его, — прошептал Ян, и, когда часовой отошел к дальним машинам, оба проскользнули к нагруженному боеприпасами крытому грузовику и подвязали под его заднюю ось мину с взрывателем замедленного действия.

Карлос с удовольствием представил себе, как через полчаса взрыв расшвыряет эти машины. Пристроив мину, они прошли еще немного вдоль машин и затаились. Теперь часовой шел обратно, тихо насвистывая себе под нос и похлопывая рукой по крыльям грузовиков. Когда он поравнялся с ними, Ян уверенным движением обхватил часового и, зажав ему рот, свалил. Винтовка глухо стукнула о крыло машины...

— Не шуми, — угрожающе прошептал Карлос, засовывая солдату в рот свой шейный платок и стягивая ремень на его запястьях.

— Как пойдем? — спросил Карлос.

— За парком сразу подыдемся в лес...

Ян стоял спиной к заднему борту большого крытого грузовика, когда чья-то тень бесшумно поднялась от туда и тяжелый приклад обрушился на его голову. Большое тело Яна без звука рухнуло на землю. Все произошло так неожиданно, что Карлос не сразу понял. Но кто-то выпрыгнул из кузова и оказался перед ним. Карлос выхватил пистолет и двумя выстрелами в упор покончил с обоими своими противниками. Затем он опустился на землю и ощупал разбитую голову Яна.

— Ян, ми керидо*, Ян! — скорбно прошептал он, убедившись, что друг его мертв.

* Ми керидо — мой дорогой (*исп.*).

Выстрелы Карлоса всполошили поместье. Захлопали двери, слышались голоса и топот бегущих людей. Горе, отчаяние, ярость — все смешалось в голове Карлоса. Что делать? Мстить. Уходить, оставив тело Яна врагам? Унести его он не сможет, но и не уйдет так просто! Отстегнув две гранаты, он бросил их через грузовики в мечущихся на площадке людей. Он кинулся в чащу парка, перемахнул через пролом в стене и чуть ли не на четвереньках стал быстро подниматься по крутому, заросшему цепкими кустами склону. Горькие слезы текли по его щекам. Все выше и дальше уходил он, не чувствуя боли в разодранном ветками лице... Глухой, рокочущий взрыв, повторенный эхом горных долин, остановил его. Вот взорвалась последняя мина Яна, и там, где внизу была Ла-Гранха, вспыхнуло зарево пожара. И после смерти Ян разил врагов!

Карлос забился в кусты под скалой на склоне Мухер Муэрта, прилег на камни. В голове была тяжесть. Усталость сковывала его. Потом он не мог вспомнить этих часов под скалой. Не то спал, не то был в оцепенении. Под вечер он сполз к роднику и долгопил холодную воду, а потом пошел напрямик к хребту, за которым была Раскафрия.

Уже ночью подошел он к таверне, где мы их ждали. Как и тогда, в камине тускло горел уголь. Ленивые фиолетовые огоньки медленно лезли из жара, бросая на стены колеблющиеся тени людей, сидевших вокруг очага. Карлос открыл дверь, все обернулись.

— Ян Рубио погиб... — тихо сказал он и опустился на колени, как в церкви.

Да, успех этого похода был оплачен гибелью Яна. Я долго не мог забыть этого человека, которого знал на протяжении всего лишь нескольких дней. Война сразу же показала мне свое кровавое лицо...

Карлос Чико стал моим «телохранителем» — он всегда ездил со мной, готовый вступить в схватку с убийцами из «пятой колонны», франкистами, охотившимися на пустынных дорогах и в темных улицах за советскими и другими добровольцами.

Прошло неполных два года со времени похода к Ла-Гранхе, и отважный испанский комсомолец Карлос Пинтадо, прозванный Чико, погиб в феврале 1939 года, сражаясь на улицах Мадрида, когда предатели Касадо и Миахи восстали против республики и сдали столицу

франкистам. Я свято храню его фотографию, где он снят с непокрытой головой, в простой рубашке с боевыми ремнями крест-накрест...

Потом было много походов, они чередовались один за другим. В густонаселенной небольшой Испании днем двигаться было опасно, а поэтому когда мы уходили на несколько суток, то обычно устраивали дневки в укрытых местах, в узких лощинках, окруженных холмами, или на склонах, усеянных гранитными глыбами и кустами. Наши наблюдатели сидели на высотках, со стороны возможных подходов. В светлое время дня часами рассказывали друг другу разные истории. Среди бойцов отряда были неутомимые, изобретательные рассказчики. Лежа на сухой земле в тени под кустами, смотрели на небо, по которому плыли облачка, похожие на куски белой ваты, парили орлы. Кругом трещали кузнечики. В кустах гнездились птицы, и их нежное щебетание слышалось со всех сторон. Они стремительно носились над кустами и, внезапно обнаружив нас, на мгновение застыли, трепеща крылышками, а затем исчезали, уносясь прочь. От окружающего пейзажа веяло таким безмятежным покоем, что ожесточенная война на этой земле уходила из сознания.

МЫ ДЕЙСТВУЕМ НА МАДРИДСКОМ ФРОНТЕ



Сыроежкин не засиживался в тылу (хотя понятие тыла в то время в Испании было весьма относительным). Под властью республиканского правительства находилась меньшая часть Испании, целиком доступная вражеской авиации. В городах при каждом удобном случае проявляли себя в диверсиях и вредительстве

подпольные вражеские группы, так называемая «пятая колонна».

Приезжая в отряды, Григорий часто отправлялся с группой на выполнение заданий. Перед этим он обязательно сам изучал местность, переходил с одного наблюдательного пункта на другой и безошибочно определял, где безопасней перейти линию фронта, а ночью шел с группой «на ту сторону». Чего только не случилось с нами в этих походах!..

Однажды дождливой ноябрьской ночью мы возвращались из похода на реку Хараму. Машину вел матрос Игнасио, рядом с ним сидел мой постоянный спутник автоматчик Таба, отважный боец-болгарин, пришедший к нам из интернациональной бригады.

Мы с Гришей сидели на заднем сиденье удобного большого лимузина «испано-сюиза», мчавшегося по пустынной дороге со снятым глушителем. Проехали Аранхуэс, направляясь к Чинчону.

Дождь усиливался. Спустившись в темную долину, Игнасио спутал дорогу и, повернув налево, повел машину в сторону Сесеньи, занятой фашистами. Мы взяли подъем и выскочили на открытое плато. Кругом мрак. За ревом мотора мы не слышали выстрелов кавалерийского разъезда мавров, и только свист пролетавших пуль заставил Игнасио остановить лимузин. Понесся топот скакавших лошадей.

Не успел я сообразить, что произошло, как Гриша сунул в карман пару гранат, схватил свой крупнокалиберный пистолет и, выскочив из машины, скрылся в темноте.

— Разверни машину! — крикнул он мне.

Таба побежал за ним, а я, выйдя на дорогу, стал помогать Игнасио разворачивать на узкой дороге громоздкую машину. Сделать это было совсем не просто. Два раза мы едва не вогнали наш автомобиль в кювет, из которого вряд ли выбрались бы без посторонней помощи.

Вблизи раздался треск автомата Табы, а за ним два разрыва брошенных Гришей гранат. Мавры ответили воем и нестройной стрельбой. Наконец Игнасио удалось развернуть машину. Гриша и Таба появились из туманной мглы и вскочили на подножки. На предельной скорости Игнасио погнался автомобиль назад. Вдали на дороге был виден свет красного фонаря. Мы остано-

лись, и нас окружили вооруженные солдаты, охранявшие эту злосчастную развилку дорог. Здесь не было сплошной линии фронта. Шел дождь, охрана сочла за лучшее укрыться в шалаше и спать, полагая, что в такую ненастную ночь никто шататься по дорогам не будет. Когда же мимо них с ревом промчалась машина, они решили, что это перебежка к противнику. Подобные случаи бывали. Теперь же кто-то мчался со стороны франкистов! Капрал приказал перегородить дорогу. С недоверием слушали солдаты нескладное объяснение Игнасио, признававшегося в своей ошибке. Но Таба вмешался в разговор, коротко объяснив, что в машине два русских товарища — военные советники. Это рассеяло сомнения патруля, и, пожелав нам счастливого пути, капрал разрешил следовать дальше. Когда я хотел вмешаться в разговор с патрулем, Григорий удержал меня, сказав: «Пусть они сами договорятся...»

Казалось, ничто не может вывести Григория Сыроежкина из равновесия. Все его поступки и действия обычно были неторопливы, порой казались медлительными и даже ленивыми. В любой обстановке он ориентировался мгновенно, принимая нужное решение. У него было скромное образование (да и никто из нас в то время не мог похвастаться ученостью), и тем не менее в его манере говорить было что-то от ученого: в суждениях осторожен, не спешил с выводами, взвешивал каждое свое утверждение, и в спорах всегда у него был убедительный довод.

В июне 1937 года, вскоре после гибели на фронте под Уэской командира 12-й интернациональной бригады генерала Лукача — венгерского писателя Матэ Залки, мы с Григорием выбирали на Гвадалахарском фронте место для ночного перехода одной из наших групп. Мы переезжали с одного наблюдательного пункта на другой, пока не оказались на Французском шоссе, проходившем по плоскогорью между двумя долинами, расположенными восточнее деревушки Гаханехос.

Местность была совершенно открытой, и с дальних высот противник просматривал участок шоссе, примыкавший к передовой. Игнасио поставил машину за полуразрушенным домом, а мы пешком прошли к наблюдательному пункту. Заметив наше возвращение, он вывел машину на шоссе и поджидал нас. В этот момент

послышался выстрел 88-миллиметровой немецкой пушки, затем свист приближающегося снаряда, а за ним, несколько в стороне от дороги, его разрыв, примерно на уровне домика дорожного мастера. Едва мы тронулись с места, как вражеская батарея открыла беглый огонь. Снаряды стали рваться с обеих сторон шоссе. В моем сознании со всей отчетливостью возникла обстановка недавней гибели Матэ Залки. Я крикнул Игнасио: «Пронто!»* Но этот обычно спокойный и немного флегматичный человек, видимо, тоже был взволнован и, как иногда бывает в подобных ситуациях, нечаянно заглушил мотор.

Я взглянул на Григория, сидевшего рядом со мной. Он спокойно закуривал сигарету. Затем локтем руки уперся мне в грудь, заставляя распрямиться. Оказывается, слыша свист летящих снарядов, я машинально нагнулся.

Наконец Игнасио вновь включил двигатель, и мы тронулись с места. Но не успели проехать и нескольких десятков метров, как очередной снаряд разорвался впереди прямо на шоссе. Со свистом пронеслись осколки, и один из них, видимо, совсем маленький, разбил переднее стекло нашей машины. Выключив скорость, Игнасио выскочил наружу и бросился в кювет, а за ним и я. Григорий и Таба, два невозмутимых человека, оставались на своих местах. Каждый миг ждал я попадания снаряда в машину и не мог преодолеть в себе этого чувства — ведь так погиб Лукач! Теперь от наблюдателей противника наш автомобиль был закрыт домиком дорожного мастера, и они его не видели, очевидно, предполагая, что он продолжает двигаться, а поэтому перенесли огонь вперед по шоссе.

Григорий жестом приглашал меня вернуться в машину. Когда я занял место рядом с ним, Игнасио на большой скорости повел тяжелый «испано-сюиз» среди падающих снарядов и быстро вывел его из зоны обстрела. Григорий протянул мне портсигар.

— Закури, это успокаивает, — сказал он и, помолчав, усмехаясь, добавил: — Раз родились, все равно умрем...

Я замечал, что на войне некоторые избегают разговоров о смерти, другие, наоборот, слишком часто го-

* Пронто — быстро, быстрее (исп.).

ворят о ней, но каждый втайне надеется, что его-то она минует. Был у нас в Мадридском отряде милый долго-вязый юноша, канадский студент Фрэнк, увлекавшийся химией. Как-то в разговоре он сказал: «Смерть тенью ходит за нами...»

Когда Григорию перевели его слова, он посмотрел на Фрэнка и, как всегда, не спеша сказал:

— Нет! У нее другая походка. Она сверкает всегда неожиданно, как молния.

Запомнились мне эти слова. В бою под Гвадалахарой, когда штурмовали Паласио де Ибарра, Фрэнка застрелил итальянский снайпер-чернорубашечник. Я видел, как он бежал в цепи, что-то крича, и вдруг упал как подкошенный с простреленной головой. Смерть сверкнула как молния, и «великая гавань тьмы сомкнула над ним свои воды», — так говорил испанский поэт Рафаэль Альберти...

Смерть подстерегала нас на каждом шагу, и казалось, вот-вот сверкнет, ослепив навсегда. И каждый раз Григорий Сыроежкин являл собой пример спокойного и мудрого мужества.

Помню еще один случай, происшедший чуть позже описанного раньше. Я ездил по вызову Григория в Барселону. Возвращались мы вместе. За Тортосой, по пути в Валенсию, мы приближались к древней триумфальной арке, построенной во времена римского владычества в честь какого-то императора. Эта арка, кажется, вблизи Санта-Барбары, стояла посреди дороги, и шоссе обтекало ее с двух сторон.

Впереди нас шло еще несколько машин, которые были видны нам на большом расстоянии совершенно прямого шоссе. Неожиданно шофер Пинент крикнул: «Впереди самолет!» Мы увидели, как совсем низко над дорогой летела итальянская летающая лодка*.

В передней открытой кабине во весь рост стоял стрелок. Он опустил стволы пулеметной спарки вниз и обстреливал идущие по шоссе машины. Одна из них уже уткнулась в кювет, другие остановились, и люди, выскочив из них, бросились в канавы, под защиту деревьев.

— Останови! — крикнул я Пиненту.

— Муй пронто аделанте! (Очень быстро вперед!) — спокойно приказал Гриша и, повернувшись ко мне, со-

* Гидросамолет с фюзеляжем в виде лодки.

всем обычным тоном сказал: — Так ему будет труднее попасть в нас...

Пинент нажал на акселератор, и машина понеслась вперед на скорости, большей, чем сто километров.

Как зачарованный я смотрел на фонтанчики пыли, поднимаемые пулями на шоссе. За спиной раздался легкий стук, и я увидел в левом верхнем углу нашего лимузина две пробоины от пули, пролетевшей наискосок через крышу и заднюю стенку машины.

Гидросамолет с ревом промчался над нами. В заднее стекло было видно, как он, набрав высоту, развернулся в сторону моря.

Доставая из сумки апельсин, Гриша объяснил мне: — Летит он навстречу нам, скорость у этой лодки вряд ли больше 200 километров, а мы мчимся ему навстречу со скоростью 120 километров в час. Значит, мы сближаемся друг с другом на скорости более 300 километров. Поэтому попасть в нас трудно. Если бы мы остановились, ему было бы значительно легче поразить нас. Да и запас патронов у него не такой большой, чтобы стрелять длинными очередями.

— И все же он попал в нас, рядом с твоей головой! — сердито бросил я.

— Не без этого, — неопределенно протянул Сыроежкин и, опустив стекло, выбросил шкурки от апельсина.

«Что же это такое? — думал я. — Бравада, фатализм или прекрасно натренированная воля?» Да, это было умение держать себя и спокойно рассуждать в любой обстановке. Несмотря ни на что, выполнять свой долг.

Что такое храбрость? Пренебрежение к жизни? Нет! Храбрость — одно из проявлений красоты духа. О ней создают легенды, она надолго остается в памяти людей, ее ценят даже враги...

Однажды был у нас разговор о храбрости. Говорили об одном товарище, который в любой обстановке якобы не испытывал страха. Некоторое время Григорий молча слушал и не принимал участия в общей беседе. Но на его лице все больше проявлялось выражение досады и недовольства. Наконец он заговорил:

— Людей, которые не чувствовали бы страха, не существует. По-моему, все дело в том, что некоторые люди — а их немало — умеют преодолеть его то ли из

сильно развитого чувства долга, то ли из нежелания показать другим свой страх...

Все мы ждали, что он скажет дальше. И вот после недолгого молчания он добавил:

— Иногда в опасной, рискованной ситуации человек совершает смелые поступки интуитивно, как бы несознательно... — Он усмехнулся, вспоминая что-то, и закончил: — Так не раз бывало и со мной. Но вот какая штука получается, потом, ночью, мне казалось, что это был не я, а кто-то другой...

...Неслись дни, недели, месяцы. Наш отряд имел уже более ста шестидесяти бойцов, и мы могли одновременно посылать в тыл противника по несколько групп на разных участках обширного Центрального фронта. Группы взрывали в тылу врага мосты, линии электропередачи, минировали дороги, брали пленных, устанавливали связи с надежными людьми, оставшимися на территории, захваченной мятежниками. Не обходилось без стычек, и порой мы несли потери в людях. Это была война...

Проявивших себя в походах молодых людей мы ставили во главе групп. Григорий Сыроежкин хранил в своей памяти, наверное, весь личный состав отрядов, действовавших на всех фронтах, и всегда безошибочно указывал на тех, кого можно было назначить командиром групп. Одним из таких молодых бойцов был девятнадцатилетний Леня, сын белоэмигранта из Парижа, мечтавший поехать в Советский Союз. Он обладал всеми необходимыми качествами командира: спокойный, вдумчивый, осмотрительный, смелый юноша, бережно относился к людям. Он всегда был примером для всех, кто шел с ним. Прекрасно владея французским языком, он быстро освоил испанский и был очень полезен нам в деловых контактах с испанским командованием на фронте, когда нужно было договориться о переходе группой линии фронта. А это было не всегда просто, так как некоторые командиры предпочитали «не раздражать» противника, стоящего против их позиций. Леня был полезен и в разговорах с интендантством, добывая что-либо из снабжения для нашего отряда. Это тоже было далеко не легким делом, так как испанская армия постоянно испытывала недостаток абсолютно во всем.

Молодые испанские парни из числа андалузских батраков — а их было в отряде человек двадцать —

порой из-за пустяков, не сдерживая своего южного темперамента, затевали громкие ссоры и даже драки. Никто не умел их успокаивать и мирить так, как это делал Леня. Его любили и всегда охотно шли с ним на выполнение задания.

В июле 1937 года с группой в шесть человек Леня перешел линию фронта у Аранхуэса. Они минировали железнодорожный мост под Торихой, заложили несколько мин на шоссе, встретились со своим человеком в одной из деревень и передневали в яме на высоте. К вечеру второго дня двинулись к своим линиям. Летняя ночь коротка. В предрассветный час спустились к Тахо, готовясь перейти ее вброд. Низкий туман стлался над рекой и стоял в оливковых рощах. За горами вставала бледная поздняя луна, она угадывалась по золотистому оттенку неба. Было удивительно тихо в этот час. Только какая-то болотная птица порой издавала резкий крик.

— Как кричит, — сказал Леня, обернувшись к шагавшему за ним Хоакину.

И в этот момент группа нарвалась на дозор противника, обходивший берег. Неожиданный залп свалил двух бойцов. Леня приказал отнести раненых к берегу и на спрятанном в камышах плоту переправить на свой берег. Сам он с ручным пулеметом залег у подножия старой оливы. Переправившиеся через реку бойцы еще слышали очереди его пулемета. Потом все стихло. Люди ждали своего командира. Он не шел. Всходило солнце. Поднимался туман. С наблюдательного пункта сообщили, что противник отходит, и тогда взвод роты, занимавшей этот участок, с четырьмя нашими бойцами переправился на вражеский берег. Там, у оливы, они нашли Леню. Издали показалось, что он спал, приложив голову к пулемету. Но... единственная пуля попала ему прямо в сердце.

С шестью бойцами нес Григорий гроб с телом Лени. За ними в строю шла рота итальянского батальона имени Гарибальди и многие жители этого испанского городка. В жаркий полдень похоронили мы Леню на кладбище в Чинчоне. Прозвучал залп прощального салюта, комья сухой земли застучали по крышке гроба. Вырос могильный холм, и девушки-испанки украсили его цветами. Григорий положил на свежую могилу черный Ленин берет с красной звездочкой...

ДНИ И НОЧИ МАДРИДА



На протяжении почти трех лет бушевавшей в Испании войны Мадрид оставался самым горячим местом. Столица была символом сопротивления испанского народа фашизму. С октября 1936 года фронт застыл на ее западных окраинах, в кварталах Куатро Каминос, Карабанчель, Каса-де-Кампо и Университетском городке. Мне часто вспоминаются строки замечательного испанского поэта Рафаэля Альберти, в которые он вложил весь пафос беспримерной мадридской эпопеи:

Мадрид — сердце Испании — бьется как в лихорадке.
В нем клокочущей крови все яростнее клокотанье...

Мадрид! Пусть не посмеют сказать о тебе иные,
Что в жарком сердце Испании кровь превратилась в иней!

Франко не мог позабыть своего поражения под стенами столицы. Авиация германского легиона «Кондор» и пятьдесят артиллерийских батарей всех калибров ежедневно обрушивали на город массы снарядов и бомб. Любая инициатива республиканцев на фронте вызывала ожесточенный огонь по городу. Это были дикие, жестокие, бессмысленные обстрелы. В такие дни снаряды рвались на улицах всех районов города, и уже через час мы, долго жившие в Мадриде, начинали «психологически» ощущать этот обстрел: нервы сдавали даже у людей не очень впечатлительных. Невольно думалось: где упадет следующий снаряд? Да, Мадрид был горячим местом, и Гриша Грандэ знал об этом и поэтому чаще, чем в другие части, приезжал к нам, в Мадридский отряд.

В декабре 1937 года республиканские войска успешно начали наступление на Леванте и взяли город Теруэль. Как всегда, Франко срывал злобу на Мадриде, подвергая его жестокой бомбардировке и обстрелу.

В эти дни Сыроежкин приехал в город.

По обыкновению он явился без предупреждения в самый разгар артиллерийского налета, длившегося уже вторые сутки.

Вокруг «Гейлорда» все грохотало. По улицам с воем проносились санитарные автомобили, подбиравшие раненых. К приезду Гриши обстрел, длившийся без перерыва пятнадцать часов, значительно понизил нашу «психическую сопротивляемость»: нервы были натянуты до предела. Но мы не спускались в подвал отеля в убежище: оно не могло полностью защитить от тяжелых артиллерийских снарядов, не говоря уже об авиационных бомбах. Мы оставались на третьем этаже в своих комнатах.

И вот Гриша появился в дверях. Он сразу понял состояние нашего духа и не стал говорить о делах.

— Давайте обедать или ужинать. Как хотите?.. — предложил он, когда вошедший за ним Пако положил у дверей сумку с продуктами, привезенными ими из Валенсии.

Снаружи все продолжало грохотать. В наступивших сумерках разрывы вспыхивали как зарницы над крышами домов...

— Вчера приехали дипкурьеры, — начал Гриша, не обращая внимания на грохот за окном. — Я привез письма из дому, хорошие консервы, копченую колбасу... Ну, чего повесили носы?

— А коньяк привез? — спросил Панчо Боярский, он уже собирался домой, и поэтому очередной обстрел действовал на него сильнее.

— Привез. Марфиль тоже, — проговорил Гриша, выкладывая на стол содержимое своей сумки.

Он сумел поднять наше настроение, отвлечь от мрачных мыслей, и постепенно, глядя на этого спокойного человека, слыша его ровный глуховатый голос, мы обрели душевное равновесие.

Перед тем как сесть за стол, Григорий сказал:

— Там, у подъезда, я встретил Симону. Пригласим ее? — И, не дожидаясь нашего ответа, вышел из комнаты.

Через несколько минут он появился вновь в сопровождении Симоны Гринченко, московской комсомолки, переводчицы военного советника из 11-й испанской дивизии Энрике Листера. Очень красивая, совсем еще моло-

дая девушка с насмешливыми глазами была общей любимицей в «Гэйлорде».

Именно 11-я дивизия после ожесточенных боев взяла Теруэль. В декабре 1937 года в Теруэльских горах стояли необычные для Испании морозы, температура упала до минус 20 градусов. Молодые бойцы дивизии жестоко страдали от непривычного холода, среди них было много обмороженных. Поднять людей в решительную атаку было в этих условиях совсем нелегко. И вот тогда Симона Гринченко пошла вперед с пистолетом и гранатой в руках, увлекая за собой обмороженных бойцов. Она первой ворвалась в Конкуд, ключевую позицию фашистов у Теруэля. В период Великой Отечественной войны Симона сражалась в тылу у гитлеровцев, в прославленном отряде Дмитрия Медведева. Это она в лесу нагретым на костре топориком гладила отважному советскому разведчику Николаю Кузнецову немецкий офицерский мундир, который он носил, проникая в стан врагов. А после войны, в последние годы своей жизни, Симона работала на острове Куба. Там она тяжело заболела и вскоре после возвращения домой умерла. Ее похоронили в Москве на Новодевичьем кладбище. Там стоит она, изваянная из белого мрамора, с гордо поднятой головой... Каждый год в мае друзья и соратники приходят к ее могиле.

В тот вечер в Мадриде Симона шутила, заразительно смеялась, а когда мы попросили ее рассказать об атаке на Конкуд, она очень коротко сказала:

— Уж очень холодно было, нужно было разогреться, пробежать эти двести метров до окопов фашистов. Вот и пришлось вспомнить Москву, где я брала призы в беге на короткие дистанции...

Слушая Симону, глядя на ее милое веселое лицо, мы переждали обстрел, засидевшись до глубокой ночи.

Приезжая к нам в Мадрид, Гриша, подзадоривая нас, обычно спрашивал: «Сколько офицеров-фалангистов захватили вы за это время?» Только от пленных офицеров и можно было получить ценные разведывательные данные, в которых так нуждалось командование фронта. Но изловить офицера было далеко не простым делом. Обычно они старались не ездить по прифронтовым дорогам ночью, да и днем не отваживались без охраны пускаться в путь.

В один из своих приездов в Мадрид, в начале осени 1937 года, Григорий решил отправиться с группой нашего отряда в район города Авилы, чтобы выйти на дорогу между Авилой и Вильякастином, на которой наши горные посты отмечали оживленное движение. Это направление считалось наиболее опасным (если на наших путях вообще были менее опасные или безопасные). Но именно там вероятнее всего можно было перехватить машину с офицерами. Этим и объяснялся выбор Сыроежкина.

За несколько дней до его приезда мы получили от летчиков «подарок» — два скорострельных авиационных пулемета ШКАС, снятых с вышедшего из строя самолета. Прицельно стрелять из них с руки на дистанции в несколько сот метров было невозможно, зато с близкого расстояния противника можно было вымести, как метлой. Все только и говорили в отряде об этих пулеметах. До похода нам только однажды довелось стрелять из них, и хотя стрельба показала, как малопригодно это оружие для наших целей, расставаться с ними никто не хотел. Я решил взять один ШКАС в поход к Авиле.

Больше всех с этими пулеметами возился Чико — Карлос Пинтадо, уж очень хотелось ему испытать их в деле. Видя его рвение, Таба сказал: «Уж если они тебе пришлись по душе, то и тащи сам». — «И я буду стрелять из него?» — с жаром спросил юноша. «Конечно, если придется», — смеясь, ответил Таба.

Ночью у Эскориала мы перешли лесистый хребет и спустились к дороге между Авилой и Вильякастином. Оказывается, здесь Григорий решил испытать придуманный им «прибор для остановки автомашин». Что это было? Двухмиллиметровая стальная проволока, на которой обычно поднимают аэростаты заграждения, и два небольших металлических блока, употребляемых монтерами при натяжении линий электропередачи. Между двумя деревьями, росшими по обеим сторонам дороги, проволока «прибора» была туго натянута над дорогой на высоте примерно семидесяти сантиметров. Разделив людей на две части, Григорий приказал им укрыться в кюветах.

Едва закончились эти приготовления, как со стороны Авилы послышался греск мотоцикла и показался прыгающий луч фары. Мотоциклист гнал на большой скорости. С ходу он наскочил на проволоку, вылетел из седла и, пролетев метров десять, упал на асфальт. Мо-

тоцикл был отброшен назад, на дорогу, трещал и вертелся на месте. Мотоциклист был мертв. Это был штабной связист-сержант, и в его сумке мы нашли приказы и разные штабные документы, представлявшие, как выяснилось позже, значительный интерес.

Быстро очистив шоссе, группа вновь затаилась в кювете.

Прошло не более четверти часа, как вдали, опять со стороны Авилы, показался свет фар. На этот раз шла легковая машина. Она также налетела на проволоку. Шофер был без сознания, вероятно, он сильно повредил себе грудную клетку о баранку машины, а сидевший рядом с ним лейтенант пробил головой переднее стекло и был убит. От резкой остановки автомобиля, мчавшегося на скорости не менее восьмидесяти километров в час, с места сорвался бак, и из-под капота автомобиля показались языки пламени. Дав знак всем оставаться на месте, Григорий подбежал к автомобилю. Он открыл заднюю дверцу, и сидевший за ней человек вывалился из кабины. Это был майор, потерявший сознание от сильного сотрясения. Никаких признаков тяжелых повреждений не было. Григорий расстегнул воротник его мундира и дал глотнуть воды из своей фляги. Майор застонал. Приводить его в чувство на дороге у нас не было времени, и четверо бойцов понесли его к хребту. Автомобиль тем временем уже полыхал, и с минуты на минуту можно было ожидать, что пожар заметят из ближайшего селения и примчатся к месту аварии.

Мы быстро отходили. Чико со своим пулеметом ШКАС шел позади и все бубнил Табе, что зря не подождали, когда на пожар примчится машина с фашистами. Был бы подходящий случай полоснуть по ним из пулемета, выпускавшего полторы тысячи пуль в минуту. Таба долго молча слушал его, но, когда ему надоели причитания, сказал:

— Ну хорошо, а где у тебя полторы тысячи патронов? Сколько их в диске? А? Довольно болтать, шагай веселей...

Карлос переложил с плеча на плечо тяжелый пулемет и, вздохнув, замолчал. Подъем становился все круче.

До хребта было совсем недалеко. Спустя час группа углубилась в горный лес и сделала первый привал. Майор пришел в себя. Он был, конечно, очень удручен пленением, испуган и с готовностью отвечал на все вопросы.

Нечасто попадались в плен такие офицеры, да к тому же еще штабисты. Командование Мадридского фронта получило от него весьма ценные сведения.

Когда мы вернулись в Мадрид, Григорий, раздумывая о применении своего «прибора», сказал, что его следует применять не на прямых отрезках дорог, а на поворотах, где машины замедляют ход, так как пленным надо сохранить жизнь.

Мы были тесно связаны между собой боевой работой, живя в обстановке быстротечных событий войны с ее успехами и неудачами. Неудач становилось все больше. Роковой ход войны для республики особенно чувствовался в Мадриде. Никогда не забыть осенние и зимние вечера 1937—1938 годов в нетопленых стенах «Гэйлорда».

Мы были молоды, жизнерадостны, здоровы, не избалованы. И наши планы были грандиозны! Григорий Сыроежкин, будучи высокоидейным коммунистом, имея богатый опыт общения с разными людьми, был терпелив, внимателен и заботлив с нами. Его авторитет был непреложным, его слово — окончательным.

Но очень он не любил нереальных выдумок, пустой фантазии, когда обсуждались планы предстоящих походов. Того из нас, кто увлекался и предлагал прямо-таки фантастические планы, ждал холодный, отрезвляющий душ Гришиной логики, порой беспощадной и даже едкой.

Один из товарищей, действовавший параллельно с нами, но не подчиненный Григорию Сыроежкину, тоже водил группу в тыл к франкистам и кое-что рассказал об этом Хемингуэю, с которым его познакомили Михаил Кольцов и Илья Эренбург, в то время находившиеся в Испании. Позже в своих воспоминаниях И. Эренбург писал, что этот советский товарищ якобы послужил Хемингуэю прообразом главного героя его романа «По ком звонит колокол».

Григорий не только не одобрял такие разговоры с журналистами, но категорически запрещал что-либо рассказывать о наших походах в тыл к противнику. Он считал, что время для рассказов о нашей работе наступит позже.

— Я считаю, — говорил он, — что все прояснится со временем. Сейчас многое еще не видно нам и пред-

ставляется в неправильном свете. Лучше не спешить, посмотреть и осмыслить дальнейший ход этих событий. Тогда все станет на свои места. В испанских делах тоже надо хорошо разобраться, многое изучить и понять, ведь мы плохо знаем историю этой страны. А у нас нет ни времени, ни возможности изучать все детали, разбраться в сложной политической обстановке. — Григорий замолчал и, прежде чем продолжать, прищурился и посмотрел на меня. — Уж если писать, — вновь заговорил он, — так под старость, когда все сделал. Пока же мы молоды, можно сказать, прошли лишь половину положенного нам пути. Многие еще у нас впереди...

ТОВАРИЩИ ПО БОРЬБЕ



Были среди нас товарищи, жизнь и дела которых должны служить примером для молодых людей новых поколений. Коротко я уже упомянул об одном из них — Александре Рабцевиче, носившем в Испании имя Виктор. Вторым, прибывшим в наш отряд несколько позже, был Кирилл Орловский, в Испании его звали Стрик. Как и Рабцевич, Орловский в 1920 году партизанил в тылу у белополяков, а в период Великой Отечественной войны оба командовали крупными партизанскими группами в тылу у гитлеровцев, в Белоруссии. Многими славными делами прославились они и заслужили высокое звание Героя Советского Союза.

После войны Александр Рабцевич продолжал служить в пограничных войсках до самой своей смерти (1956 год). А Кирилл Орловский стал во главе знаменитого белорусского колхоза «Рассвет», поднятого им из руин и превращенного в образцовое хозяйство. Он был членом ЦК нашей партии и депутатом Верховного Совета СССР.

В Испании Кирилл Орловский — Стрик — проделал за короткое время прямо-таки поразительные по смелости и отваге дела. С двумя товарищами, русским и испанцем, он совершил беспримерный 600-километровый рейд по тылам франкистов и дошел почти до португальской границы. На крутом повороте горной дороги, недалеко от городка Мерида, что стоит на берегу реки Гвадианы, они остановили автобус с жандармами, проводившими кровавые карательные операции в этом районе, и уничтожили их. На поимку маленькой группы Орловского франкисты бросили несколько вооруженных до зубов отрядов, но хитрый белорусский партизан сумел запутать свои следы, выйти, казалось, из замкнутого кольца преследователей и после месячного пребывания на вражеской территории вернуться на республиканскую сторону. Об этом походе можно было бы написать целую книгу. Но это лишь один эпизод из многих героических дел, совершенных им за свою жизнь. Книга о жизни и борьбе Кирилла Прокофьевича Орловского еще ждет своего автора.

Григорий Сыроежкин и Кирилл Орловский давно знали друг друга, они были соратниками со времен гражданской войны.

Николай Прокопюк, Николас, как называли его испанцы, воевал со своим отрядом на юге Испании, на Андалузском фронте. Всегда веселый, жизнерадостный, он был желанным гостем у нас в Мадриде, куда изредка приезжал. О делах своего отряда он всегда говорил кратко, без подробностей, когда придется к слову, с солдатской грубоватой прямоотой. К тому же у него всегда находились меткие поговорки или соленые анекдоты. Он был поразительно находчив, сыпал экспромты и, с кем бы ни говорил, не изменял своей ироничной манеры.

До сих пор, встречаясь с ним в Москве, я с удовольствием пожимаю его мужественную руку. То же самое могу сказать о втором моем товарище — Станиславе Ваупшасове. В Испании он был Альфред. Это человек совсем иного склада, нежели Николай Прокопюк. Немного сумрачный, молчаливый, со строгим, не улыбочивым лицом, худой, он казался даже немощным. Но в действительности был крепок как дуб, вынослив и неутомим. Свой большой партизанский опыт Альфред накопил еще в 1920 году, партизаня в тылу белополяков. Скромный и выдержанный, спокойный и храбрый,

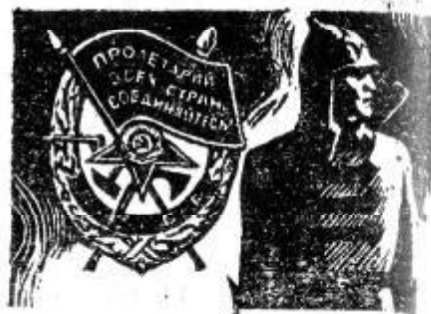
умевший не показывать своих переживаний и волнений, он всегда служил примером для своих подчиненных. В 1938 году Ваупшасову предложили отправиться в зону Центр — Юг, которая вскоре оказалась совершенно отрезанной от внешнего мира, так как Каталония была захвачена мятежниками. Задание состояло в следующем: если в окруженной противником зоне Центр — Юг, заключавшей в себе Мадридский, Гвадалахарский, Левантский, Эстремадурский и Андалузский фронты с десятками республиканских дивизий, будет сохранен порядок и боевой дух сопротивления, оставаться там в качестве старшего советника 14-го партизанского корпуса. Если же там начнется разложение, паника и предательство, найти способ уйти...

Станислав Ваупшасов после падения Каталонии продолжал активно действовать в отрезанной зоне, он даже создал там школу партизанских командиров. Так продолжалось несколько месяцев, пока генералы Миаха, Касадо, анархист Мера и правый социалист Бестейро не подняли восстание против республиканского правительства и сдали всю зону Франко. Десятки боеспособных дивизий, тысячи честных патриотов были преданы фашистам и расстреляны.

Выслуживаясь перед фашистами, предатели объявили вне закона коммунистов и оставшихся в зоне советских добровольцев. Ваупшасова и нескольких других оставшихся советских добровольцев разыскивали агенты «пятой колонны», теперь открыто вышедшие на улицы. Умело маскируясь и маневрируя, Ваупшасов дошел до побережья Средиземного моря. Там он нашел самолет и верного летчика-испанца. Счастливо избежав подготовленную фашистами катастрофу, он с несколькими товарищами перелетел в Северную Африку, в город Оран во французском Марокко, и уж оттуда добирался домой.

Во время Великой Отечественной войны Николай Прокопюк и Станислав Ваупшасов возглавляли на временно оккупированной гитлеровскими войсками территории крупные партизанские соединения, а во второй половине войны их соединения действовали уже на территории Польши и Словении. Оба по праву заслужили Золотые Звезды Героев Советского Союза. Я горд сознанием, что судьба свела меня с такими людьми на путях национально-революционной войны испанского народа.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОТДАЛЕННОЕ ПРОШЛОЕ



По литературе известно дело под названием «Синдикат», которое связано с именем неистового врага Советского государства Бориса Савинкова. Я упоминаю о нем по двум причинам. Во-первых, потому, что на долю Григория выпала честь сыграть в этом деле одну из главных ролей, а во-вторых, в Мадридском интернациональном разведывательно-диверсионном отряде среди небольшой группы русских белоэмигрантов, добровольно приехавших сражаться в Испанию, был единственный сын Бориса Савинкова — Лев Савинков. Но о нем несколько позже.

Итак, коротко о деле «Синдикат». Два скупых документа подводят его итог. Первый документ — газетная хроника:

«В двадцатых числах августа с. г. (1924 г.) на территории Советской России ОГПУ был задержан гражданин Савинков Борис Викторович, один из самых непримиримых и активных врагов рабоче-крестьянской России (Савинков задержан с фальшивым паспортом на имя В. И. Степанова)».

Второй документ был опубликован значительно позднее:

«Из протокола Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

от 5 сентября 1924 года.

§ 17. О награждении орденом Красного Знамени группы работников ОГПУ.

(Внесено секретарем ЦИК Союза ССР.)

Принимая во внимание успешное завершение, упорную работу и проявление полной преданности делу, в связи с исполнением трудных и сложных заданий ОГПУ, возложенных на товарищей Менжинского В. Р., Федорова А. П., Сыроежкина Г. С., Демиденко Н. И., Пузицкого С. В., Артузова А. Х., Пиляр Р. А., Гендина С. Г.

Крикмана Я. П., Сосновского И. И., Президиум ЦИК
Союза ССР постановляет:

Наградить орденом Красного Знамени тт. Менжинского В. Р., Федорова А. П., Сыроежкина Г. С., Демиденко Н. И., Пузицкого С. В. и Пиляр Р. А.

Товарищам: Артузову А. Х., Сосновскому И. И., Гендину С. Г. и Крикману Я. П. объявить благодарность рабоче-крестьянского правительства Союза ССР за их работу.

Председатель Президиума Союза ССР

М. И. Калинин

Секретарь

А. Енукидзе».

Я не буду здесь повторять подробности этого дела, уже известного по книгам писателей В. Ардаматского «Возмездие» и Т. Gladкова и М. Смирнова «Менжинский», а напому лишь основной ход и последовательность событий в той их части, которая имеет непосредственное отношение к Григорию Сыроежкину.

Борис Савинков, этот честолюбивый и неукротимый в своей активности человек, обладал большим опытом конспиративной работы, организации всевозможных авантюристических и террористических акций в период царизма. Хитрый и тонкий конспиратор, он к тому же имел преданных сподвижников, готовых повсюду следовать за ним и выполнять его любое указание. Он был связан с английской, американской, французской и польской разведками. Ему верили и давали деньги.

Ф. Э. Дзержинский знал, что, пока Савинков остается за границей, он ни при каких обстоятельствах не прекратит враждебной деятельности против нашего государства. Значит, необходимо было захватить его и тем самым нанести сокрушительный удар не только по савинковской организации, но и по всем тем, кто еще делал на него ставку.

При всей своей изощренности Савинков не мог создать широко разветвленного контрреволюционного подполья. Для этого у нас в стране уже не было почвы. Его нелегальные организации представляли собой бандитские шайки, занимавшиеся убийствами и грабежами. И все же Савинков мечтал о широком контрреволюционном движении.

Для успешного осуществления поставленной ОГПУ цели следовало учесть особенности характера этого че-

ловека, главной чертой которого было чудовищное честолюбие. И вот под руководством Дзержинского и Менжинского была разработана умная и очень тонкая комбинация, получившая название «Синдикат». Было решено создать видимость существования в нашей стране широко разветвленной подпольной антисоветской организации, объединяющей многих авторитетных и достаточно широко известных людей. Савинкову же нужно было внушить, что без его личного руководства подполье не сможет действовать.

В ОГПУ не было недостатка в тонких умах, уже блестяще проявивших себя в ряде сложных дел, в том числе и в деле «Трест». Но для посылки к Савинкову, для поездок за границу нужны были люди, не только обладающие исключительными личными качествами. Их положение в органах должно было быть менее заметным, чем положение таких людей, как А. Артузов, В. Стырне, Р. Пиляр, С. Пузицкий и некоторые другие руководящие работники. Дзержинский и Менжинский остановили свой выбор на двух людях: Андрее Павловиче Федорове и Григории Сергеевиче Сыроежкине. Они и начали игру; их целью было заставить такого опытного конспиратора, как Савинков, полностью поверить в существование большой антисоветской организации, которая только и ждет, чтобы он взял в свои руки бразды правления. Андрей Федоров и Григорий Сыроежкин под видом членов этой подпольной организации ездили за границу.

Шли недели, месяцы напряженной, очень сложной работы. Обоим нужно было тщательно контролировать каждый свой шаг. Будет правильнее сказать, что Федоров и Сыроежкин перешли на нелегальное положение: они не появлялись в здании ОГПУ, им было запрещено встречаться с товарищами, не посвященными в дело «Синдикат», они не жили на своих квартирах и имели документы на другие фамилии и имена.

С годами, когда о деле этом можно было говорить в прошедшем времени, рассказы о Федорове и Сыроежкине обросли чуть ли не легендами. Знал об этом и автор этих строк. Когда же судьба свела меня с Григорием Сыроежкиным в Испании, мне очень захотелось узнать хоть что-нибудь об этом деле из уст одного из главных его участников. Но не в правилах этого человека было рассказывать о себе. И я надеялся на какой-то исключительный случай, на подходящую обстановку и, воору-

жившись терпением, ждал. И вот такой случай представился.

Григорий рассказал мне один эпизод, кстати, по-разному описанный в книгах писателей В. Ардаматского, Т. Гладкова и М. Смирнова. Теперь, наверное, трудно установить, какая из версий более верная. Здесь же я изложу этот эпизод, как слышал о нем из уст самого Григория, а спустя более двадцати лет его мне подтвердил полковник Александр Тимошков, соратник Сыроежкина по работе в Китае.

Однажды вечером мы вернулись в Мадрид с очередной рискованной операции. В нашем отеле «Гэйлорд» был редкий день, когда подавали горячую воду. Разморенные усталостью и горячей ванной, мы рано легли. Григорий покрякивал от удовольствия, растирая руками свою атлетическую грудь. Потом прилег, с наслаждением вытянулся под одеялом и, похоже, задремал.

— Гриша, расскажи о том, как ты с Андреем Федоровым привез Савинкова, — неожиданно для себя отважился попросить я.

Он с удивлением и, как мне показалось, недовольно посмотрел на меня.

— Ну, чего рассказывать... Ну, было дело... Мало ли их было и еще будет... Это длинная история. Давай спать! А? — И он повернулся к стене, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Но через минуту вдруг повернулся ко мне и сел на постели.

Должно быть, у меня был уж очень смущенный вид, потому что Григорий засмеялся и сказал:

— Ладно уж. Так и быть, расскажу, а то ты не отстанешь от меня... Я уж вижу. Но прямо тебе скажу, что обо всем деле рассказывать долго, да и всего я не знаю. Андрей мне тоже всего не рассказывал, а его доклады начальству я не видел... Ей-богу, это очень длинная история. Может, в другой раз?

Но я уже решил быть настойчивым:

— Нет, Гриша, раз согласился — рассказывай!

— Ну и репей же ты, — усмехнувшись, пробурчал он. Свой рассказ он начал так, как будто я уже многое знал, без вступления или объяснений.

— Перешел я польскую границу под видом «зеленого». Так тогда на Украине и в Белоруссии называли бандитские формирования. Явился на польскую заставу. Так, мол, и так, ищу связи с эсерами. Конечно, офицер

разведки не поверил мне сразу на слово. Польские разведчики — народ хитрый и опытный. Отправили меня в Вильно и поместили в гостинице. Чувствую, что поляки не доверяют мне, проверяют. Каждый день офицеры-разведчики устраивают попойки. Они рассчитывали, что я проболтаюсь в пьяном виде. Делая вид, что совсем пьян, я рассказал им страшную историю, как красные уничтожили всю мою кулацкую семью, и, поверишь, плакал перед ними настоящими слезами. — При этом Гриша беззвучно рассмеялся. — И откуда только слезы брались? Ведь я никогда в жизни не плакал! Офицеры обещали мне помочь установить связь с эсерами.

В ожидании связи живу себе в гостинице, ем, пью за их счет, гуляю по городу. Однажды иду, и вдруг бросается ко мне какой-то тип. Гляжу, мой старый сослуживец по трибуналу в 1918 году, поляк Стржелкевский. Подлец, вор, пьяница и перебежчик. В Польше он обосновался с 1922 года. Он знал, что я работал в ЧК... Конечно, я тоже «обрадовался» встрече. Вспомнили прошлое. Я рассказал ему наскоро состряпанную историю, что вот, мол, порвал с Советской властью, разочаровался, решил уйти к «зеленым»... Выпили, как полагается, и условились о следующей встрече. Но я не питал никаких иллюзий на тот счет, что он не донесет в полицию.

На следующий день сижу утром в ресторане гостиницы, завтракаю. Вижу, как какой-то тип наблюдает за мной через просветы в матовом стекле двери. «Что за черт? — думаю. — Надо выяснить, в чем тут дело». Поднимаюсь со своего места и иду к двери, распахиваю ее и хватаю шпика за грудки. «Ты что за мной шпионишь?» А он как заверещит! «Я, — говорит, — не шпион, а здешний парикмахер. Только что брил двух полицейских и слышал, как они говорили, что будут арестовывать большевика-чекиста. Вот я и хотел на этого чекиста посмотреть».

Что делать? Вышел я из ресторана на улицу, и тут меня арестовала полиция. Привезли в участок. Вижу, там за столом сидит мой «сослуживец». Прохожу мимо него и спрашиваю: «Что, доволен?» — «Да, доволен», — отвечает.

Я отказался отвечать полицейским и потребовал вызвать знакомого мне офицера разведки. Когда тот приехал, я сказал, что «сослуживец» — пьяница, кокаинист, хочет свести со мной личные счеты. Понимаешь, попал в

точку! Здесь этот тип тоже успел проявить себя с самой худшей стороны. И мне поверили. Привезли опять в гостиницу, но наблюдение не сняли. Шпики, как тени, всюду ходили за мной. Тогда я устроил офицеру бурную сцену: «Если не верите, сажайте в тюрьму. В таких условиях работать не буду!» Представь себе, подействовало!

Гриша сделал паузу, закурил, посмотрел на часы и совсем уже другим тоном сказал:

— Чувствовал, опасность усиливается с каждым днем. Хотелось все бросить и бежать без оглядки... — Сыроежкин помолчал, словно вспоминая что-то. — Спустя несколько дней направляют меня в Варшаву. Там я встретился с доверенными людьми Савинкова, передал им «донесение» от «организации». Они расспрашивали меня, проверяли. Ох и хитрые же были его люди! Но при всей их настороженности чем-то я им понравился, и поверили они мне. Просили провести в Советский Союз их эмиссара. Я отвечаю, что смогу провести. Давайте вашего человека, пусть пойдет со мной, проверит сам, убедится, что я говорю правду. Польская разведка тоже хотела переговорить со мной. Ну что ж, поговорил я с ними, дал «ценную информацию», а затем пошел с эмиссаром. В Москве показали ему «организацию», присутствовал он на ее заседании, слушал всякие споры и высказывания. Все сошло в лучшем виде, и эмиссар, убежденный в наличии крепкой организации, вернулся в Варшаву... После этого уж Савинков не сомневался и решил сам поехать в Москву...

На участке 15-го пограничного отряда устроили ему переход через границу. Андрей Федоров тоже переходил с ним. Шел Борис Викторович уверенно, захватив с собой ближайшего сподвижника Деренталья и его жену, свою любовницу. Привезли его в Минск на «конспиративную» квартиру организации. Стали завтракать, подали чай, закуски, выпивку... В это время открывается дверь, вбегают красноармейцы, входит полномочный представитель коллегии ОГПУ по Белоруссии товарищ Пиляр.

«Именем Союза Советских Социалистических Республик вы, Савинков Борис Викторович, арестованы!»

Я стоял за его стулом, на всякий случай. И если бы он вздумал сопротивляться, то я обхватил бы его руки... Щуплый он был мужчина. Вначале он не поверил в арест, решил, что все это подстроено для проверки му-

жества, что ли... Но потом, когда привезли его на Минский вокзал, убедился: «Узнаю ум ГПУ! — говорил он. — Браво, ГПУ!»

Гриша усмехнулся:

— Ну, вот и все... Но пусть тебе не кажется, что дело было таким простым и легким, как я о нем рассказал. Такие дела легко не делаются. Труда и нервов вложили много! А сколько времени заняло! Были такие моменты, когда казалось, что все дело провалено. Вот и пошел я в Польшу проверить эти опасения. Шел и не знал, вернусь ли. И те, кто посылал меня, тоже не знали... — Григорий замолчал и после долгой паузы продолжал: — Если подтвердились бы наши опасения и Савинков убедился, что все нами подстроено, то, как ты сам понимаешь, они со мной не церемонились бы. Конечно, встреча со Стржелкевским — неприятный, непредвиденный эпизод, однако, на мое счастье, обстоятельства сложились так, что она не сорвала задания.

Григорий опять помолчал.

— Трудновато нам приходилось все это время, до окончания дела... Но разве обо всем расскажешь? Ни рассказать, ни описать во всех деталях такие дела невозможно. Тут столько нюансов, и тон, и взгляд, и обстановка, а главное — чувства, интуиция и еще черт его знает что... Нет, этого передать невозможно. Да и нужно ли?

— А как же быть нам, у которых нет такого опыта? Кто должен нас учить?

— Вот мы с тобой здесь... Учись... Я здесь тоже учусь тому, чего не знал. — Немного подумав, Григорий, как бы спохватившись, поспешно добавил: — Но главную роль во всем деле играл не я, а Андрей Федоров. Это он ездил в Париж и сумел так представиться Савинкову, что старый, хитрый и очень осторожный конспиратор поверил ему. — Гриша засмеялся, помотал головой и, подняв палец, очень убежденно сказал: — Для этого нужно было обладать огромным талантом. Андрей был настоящим артистом, хорошо играл свою роль... Ну а я, я только помогал ему... Что тебе еще сказать? Знаешь, давай спать! — неожиданно закончил он и, повернувшись к стене, натянул одеяло...

Да, на этот раз Григорий был разговорчив. Обычно, когда его просили рассказать о каком-нибудь его деле, он отвечал: «Не знаю... Что-то вы путаете, это был не я» — или отделывался коротким «забыл». И говорил это

с таким видом и так убедительно в своей непосредственной, неповторимой манере, что спрашивавший замолкал, и хотя не верил, но не пытался настаивать.

Его натренированной воле я всегда завидовал.

Вспоминается мне еще одна страничка жизни Григория Сыроежкина. О ней я узнал не от него.

Кадровый английский разведчик Сидней Рейли, опасный, непримиримый враг, упорный и настойчивый организатор диверсий и террористических актов, не раз нелегально появлялся в нашей стране и, сделав свое черное дело, благополучно уходил за кордон.

Но пришла и его очередь. Подобно Савинкову, попался он на тонко разработанную ОГПУ легенду и вновь в 1927 году нелегально отправился в Советский Союз.

Через реку на границе с Финляндией его на спине перенес чекист-пограничник товарищ Петров — Тойво Вякя, по национальности финн, игравший в этом деле роль советского пограничника, якобы работавшего на финскую и английскую разведку. Тойво Вякя долго вез Рейли по лесам в объезд пограничных железнодорожных станций. Так он довез его до станции Парголово, вблизи Ленинграда, и сдал в вагоне двум чекистам, поджидавшим их. Одним из этих чекистов и был Григорий Сыроежкин, доставивший английского шпиона в Ленинград.

Как-то я спросил Григория об этой встрече с Рейли. На его лице появилась презрительная гримаса, и он с отвращением отозвался о нем как о человеке, у которого за душой не было ничего святого. Он говорил, что этот «знаменитый» английский разведчик был презренным трусом: попав в руки чекистов, Рейли сразу же предал своих хозяев, предложив ОГПУ свои услуги, и рассказал все, что было ему известно о деятельности английской разведки против нашей страны.

В первые годы революции, когда Ф. Э. Дзержинский возглавлял ВЧК, он писал: «Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасти наше дело. Некогда думать о своих и о себе. Работа и борьба адская...»

И когда я думаю об операции «Синдикат» и об участии в ней Григория Сыроежкина, мне всегда вспоминаются эти слова.

Итог героической работы Федорова и Сыроежкина, работы, в которой ставкой была их жизнь, изложен в

коротком документе — приговоре Военной коллегии Верховного Суда СССР от 29 августа 1924 года. В приговоре говорится:

«В своих показаниях и заключительном слове Савинков открыто признал свою политическую деятельность, направленную против Советской власти, ошибкой и заблуждением, решительно отрекся от своей борьбы с Советской властью, разоблачил деятельность иностранных интервентов и признал, что во всех пунктах, которые заставляли его подняться на борьбу против Советской власти, Октябрьская революция оказалась целиком и полностью права».

Свое последнее слово на суде Савинков закончил, безоговорочно признав Советскую власть и заверив в своей готовности подчиниться ей. Его преступления были тяжки. И все же Советское правительство сочло возможным сохранить этому человеку жизнь.

Но, человек неумных страстей и неуправляемых подчас порывов, Савинков в один из дней покончил жизнь самоубийством: выбросился из окна с шестого этажа комнаты, отведенной ему под жилье. Его подруга Деренталь жива и теперь: она живет в одном из южных городов нашей страны.



ВСТРЕЧА С «ПЯТОЙ КОЛОННОЙ»

Пожалуй, не нужно объяснять, почему в Испании я все же больше всего тяготел к летчикам и часто бывал на аэродромах. Вскоре у меня появился там друг, Евгений Саввич Птухин, почти мой однолеток. Он значился старшим авиационным советником, но фактически командовал частями советских летчиков-добровольцев. Ведь в республиканской авиации 90 процентов летного состава были советские добровольцы.

Евгений Птухин часто участвовал в боевых полетах,

и на его счету был уже не один воздушный бой. Любовь к авиации сблизила нас, и мы стали друзьями.

Во времена своих приездов в Мадрид Григорий Сыроежкин встречался с Евгением Птухиным, и не один вечер мы провели втроем. Два отважных человека, начавших свою молодость в боевые годы гражданской войны, подружились. Им было что вспоминать, и они тянулись друг к другу.

В счастливые часы в «Гэйлорде» мы втроем допоздна засиживались у открытого окна в темной комнате, слушая ночные звуки Мадрида и ведя душевные беседы. Но прежде чем рассказать об одном вечере, едва не кончившемся для нас трагически, мне хочется отдать должное моему другу как военачальнику.

Евгений Птухин, несомненно, был выдающимся авиационным командиром, одним из тех людей, которые творчески осмысливали роль боевой авиации в будущей войне.

Старая тактика, созданная на академических кафедрах, не всегда оправдывала себя на практике. Необходимо было создавать новые приемы боевого применения авиации. Но печатное слово уставов, не поспевавшее за быстрым развитием авиационной техники, связывало творческую мысль многих командиров. Требовались большая смелость, уверенность в себе и определенный риск, чтобы в условиях войны, вдали от Родины, решиться на боевые эксперименты. Птухин был одним из немногих, кто шел на такой риск, не задумываясь над тем, что неудачи могут грозить ему неприятностями.

Можно было бы многое рассказать о том, как блестяще проявились способности Евгения Птухина в Испании, как умел он внушать летчикам веру в свои силы. В беседах с молодым талантливым летчиком Николаем Остряковым он психологически подготовил его к смелой атаке германского линкора «Дойчланд», из которой Остряков вышел победителем. Птухин одобрил и беспримерную, отчаянно смелую атаку эскадрильи истребителей Александра Гусева, увенчавшуюся победой над коираблями мятежников. Им была разработана и осуществлена атака секретного аэродрома противника в Гаррапинильясе.

Однажды, когда мы с Птухиным вдвоем сидели после ужина в темной комнате у раскрытого окна, приехал Сыроежкин.

— Поедемте куда-нибудь в кафе или бар, только подалее, где не падают снаряды, — предложил он.

На авениде Тореадоров, в восточной части Мадрида, наиболее удаленной от линии фронта, напротив огромного темного здания Пласа де Торос мы остановились у одного еще открытого бара и отпустили шофера.

В зале с низким потолком тускло горело несколько синих маскировочных ламп, едва освещавших людей, сидевших за столиками. Только одна белая лампочка, упрятанная в глубокий абажур, бросала узкий, яркий луч на стойку бармена. Дым сигарет облачком плавал под потолком, сгущая мрак. Хриплые голоса подвыпивших мужчин и женщин сливались в общий гул, наполняя зал, пропахший табаком, вином и дешевыми духами.

Мы заняли места за стойкой и заказали бутылку марфиля — прекрасного белого каталонского вина. Григорий бросил быстрый взгляд вокруг. Вблизи от нас, в конце стойки, за кассой сидела женщина, как мы узнали позже, хозяйка бара. Ей, несомненно, было уже лет за сорок. Тщательно причесанная, с большим гребнем в волосах, с мантильей, накинутой на плечи. На ее руках поблескивало много колец, и браслет позванивал каждый раз, когда она поднимала руку к кассе. В ее лице было что-то такое, что заставляло нас временами поглядывать на нее. Скорей всего мы ловили на себе ее взгляды.

Мы не хотели привлекать к себе внимания посетителей бара. В Мадриде скрывалось много тайных агентов «пятой колонны» Франко, готовых при удобном случае всадить на неосвещенной улице нож в спину или пустить пулю в затылок иностранному добровольцу.

Мы сидели молча, потягивая вино и поглядывая по сторонам. Двое парней, аккомпанируя на гитарах, пели не совсем пристойные песни. Расположившиеся за ближайшим столиком анархисты с черно-красными платками на шеях одобрительно кричали: «Оле!»

На улице у входа заскрежетал тормозами автомобиль комендантского патруля. Вооруженные люди вошли в бар. Тонкие лучи их электрических фонарей заметались по залу, выхватывая из синего сумрака лица притихших людей.

— Внимание! Всем оставаться на своих местах. Предъявить документы! — произнес резкий голос. К освещенной стойке подошел офицер, начальник патруля, с крупнокалиберным пистолетом в руке. Он оглядел си-

девших у стойки людей и, вплотную приблизившись к Евгению, произнес:

— Документы!

Птухин молча протянул свою штабную книжку.

— О мой генерал! Прошу прощения! — громко воскликнул офицер, почтительно возвращая документ. — Это ваши товарищи? — указал он на нас и, не ожидая ответа, вдруг сказал: — Разрешите выпить с вами за русских летчиков!

Засунув свой «стайер» за пояс, офицер жестом потребовал у бармена бокал. Мы чокнулись с ним, и к нам потянулись со своими стаканами собравшиеся вокруг люди.

— Вызывай машину, — буркнул Григорий.

Но телефон в баре был давно снят.

— Тогда пошли пешком, а то придется пить со всеми, — сказал Евгений и направился к выходу.

Мы вышли на темную авениду и, дойдя до угла, свернули на улицу Алькала.

До «Гэйлорда» было далеко, кварталов десять. Позади нас, на противоположной стороне пустынной улицы, слышались поспешные шаги. Людей в темноте не было видно.

— Арриба, Эспанья! * — задыхаясь, выкрикнул кто-то фашистский лозунг на другой стороне улицы. Вслед за тем загремели выстрелы. Пули ударились о стену дома рядом с нами. Зазвенело разбитое стекло. Евгений выхватил пистолет и, став за деревом у края тротуара, несколько раз выстрелил. Григорий действовал попартизански: в фашистов полетела граната, а за ней крепкое русское слово. Грохот разрыва отозвался эхом в переулках, и вспышка осветила двух убежавших людей.

— Н-нда, инкогнито сохранить не удалось, — проговорил Сыроежкин, засовывая пистолет в кобуру. — Что будем делать?

— Подождем. Сейчас на шум примчится патруль и подвезет нас до дому, — сказал я.

Григорий перешел на противоположную сторону посмотреть на место, где разорвалась его граната. Вернувшись к нам, пробурчал:

— Счастливо отделались! — И, обращаясь к Евгению Птухину, добавил: — Зря стрелял, только обозначил свое место...

* Арриба, Эспанья! — Воспрянь, Испания! (исп.).

Агенты «пятой колонны» Франко, скрывавшиеся в Мадриде, при каждом удобном случае писали нам угрожающие письма, стреляли в советских добровольцев из-за угла.

В ожидании патруля мы оставались на месте, приняв необходимые меры предосторожности: где-то могла скрываться и вторая группа фашистов. Вскоре послышался шум идущего на большой скорости автомобиля, и я, выйдя на мостовую, подал сигнал карманным фонариком. Большой открытый «испано-сюиз» со скрежетом затормозил, и четверо вооруженных людей вышли из него. Узнав, что все обошлось благополучно и среди нас нет раненых, они предложили нам занять места в их машине. Еще через несколько минут мы были в «Гэйлорде».

Рано утром нас разбудил офицер из СИМа*. Он попросил подробно рассказать о ночном нападении на нас и, узнав, что оно произошло по пути из бара на авениде Тореадоров, сказал, что СИМ давно наблюдает за посетителями этого заведения, муж владелицы которого бежал к мятежникам.

— Вот оно что, — задумчиво проговорил Григорий, когда офицер из СИМа покинул нас. — Наверное, эта дама из бара навела фалангистов на нас.

Так закончилось наше посещение одного из мадридских баров, еще продолжавших существовать в осажденном городе. В таких местах бывал не раз Хемингуэй, он описал их в своих мадридских рассказах.

Кстати, о Хемингуэе. Имя и произведения этого талантливое американского писателя пользуются большой популярностью и любовью в нашей стране. Во время национально-революционной войны испанского народа 1936—1939 годов Хемингуэй несколько раз приезжал в Испанию и даже оказывал республиканцам материальную помощь.

Я не раз видел его в Испании. Но наши встречи были случайными и мимолетными. Тридцать пять лет тому назад Хемингуэем еще не были написаны многие произведения, получившие затем широкую известность и всеобщее признание, в том числе его знаменитый роман «По ком звонит колокол». Тогда его имя не звучало так, как звучит теперь. Для нас, большинства молодых людей, советских добровольцев в Испании, он был одним

* СИМ — военная контрразведка испанской республиканской армии.

из иностранных журналистов. Поскольку же среди представителей капиталистической прессы было много тайных агентов иностранных разведок, мы избегали длительных бесед с ними. Так было и с Хемингуэем.



РАЗГОВОР В ОТЕЛЕ

И снова я восстанавливаю прошлое Григория Грандэ, его деятельность в 1927 году. Записи в его личном деле, касающиеся этого времени, дают богатую пищу для размышлений.

«Провел следствие по ликвидации террористической и шпионской организации офицеров Аксютиса и Шилова, подготовлявших террористические акты над руководителями партии. Ликвидировал террористическую, шпионскую фашистскую организацию, созданную германской разведкой... Энергичный работник. Провел большую работу по ликвидации террористических организаций и групп в Ленинграде. Награжден: орденом Красного Знамени, золотыми часами и двумя маузерами. За особые заслуги и боевые подвиги вне очереди присвоено звание майора государственной безопасности». По тем временам это было высокое звание, впоследствии приравненное к воинскому званию генерал-майора. Эти лаконичные строчки красноречиво говорят о героической работе Григория Сыроежкина в Ленинграде до отъезда в Испанию.

Этот документ нуждается в некоторых комментариях. Под «ликвидацией террористических организаций» имеется в виду крупное дело по ликвидации РОВСа.

Российский общевоинский союз (РОВС) — белоэмигрантская организация, существовавшая за границей, — к 1924 году создал несколько нелегальных групп на территории Советского Союза. Особенно активно они действовали в Москве и Ленинграде.

Дело по ликвидации РОВСа известно под названием операции «Трест». Читатель хорошо знает его по телефильму и по роману Л. Никулина «Мертвая зыбь».

Мы не будем восстанавливать отдельные страницы его, тем более что, кроме короткого упоминания, Григорий Сыроежкин не рассказывал о нем. А вот обстоятельства, при которых однажды в отеле он обмолвился об этом деле, мне хорошо помнятся, и о них я расскажу.

Мадрид 1937 года кишел шпионами. Здесь подвизались многочисленные агенты капиталистических разведок, не говоря уже о франкистском подполье. Фронт проходил в самом городе, по его окраинам.

— Похоже на Ленинград, когда армия Юденича рвалась к городу и контрреволюционное подполье сидело у нас на шее, — сказал Сыроежкин.

Борьбу с вражескими шпионами в Мадриде вел СИМ Мадридского фронта (военная контрразведка испанской армии). Аппарат этого органа имел небольшой опыт и, нечего греха таить, был не всегда надежен. Летом 1937 года на должность начальника СИМа Мадридского фронта был назначен Густав Дуран, до этого командовавший 69-й испанской дивизией. Это был молодой человек не более тридцати лет, известный в Испании композитор, человек, охваченный романтикой и высоким пафосом революционной борьбы. Его политические взгляды не отличались ни глубокой убежденностью, ни большой ясностью, но он, несомненно, был антифашистом. Дружелюбно относился к коммунистам, видя в них убежденных и самоотверженных борцов с фашизмом, с симпатией и без предубеждения также относился и к нам, советским добровольцам, приехавшим сражаться в рядах республиканской армии. Дуран не принадлежал к тем людям, из которых революционная война делала талантливую военачальников.

Пост начальника СИМа требовал от Дурана если не военных знаний и опыта, то большой изворотливости в тогдашней сложной обстановке. Основная трудность заключалась в том, что республиканское правительство в то время больше всего опасалось, что так называемые западные буржуазные демократии заподозрят его в намерении установить в Испании Советскую власть. По этой причине борьба с иностранным шпионажем и отечественной контрреволюцией велась с оглядкой на Запад, нерешительно, без применения крутых мер, ди-

ктуемых условиями ожесточенной войны. Но по сравнению с другими как раз Густав Дуран был сторонником решительных мер.

Положение его было не из легких: с одной стороны, он хотел по-настоящему бороться с контрреволюционерами и шпионами, с другой — на него давил генерал Миаха, командующий Мадридским фронтом, его непосредственный начальник, противник крутых мер.

Теперь я уже не помню, при каких обстоятельствах Дуран познакомился с Григорием Сыроежкиным, но, несомненно, Гриша произвел на него с первого же раза сильное впечатление, и его мнение стало авторитетно для Дурана.

Однажды он явился к нам в отель поздно ночью и рассказал, что его люди установили местонахождение резидента франкистской разведки в Мадриде. Для нас не было неожиданностью узнать, что франкистский резидент обосновался в здании одного из иностранных посольств и широко использовал дипломатическую неприкосновенность этого дома для своей работы. Было известно, что в домах дипломатических миссий в Мадриде скрываются многие контрреволюционеры. Но ни СИМ, ни республиканская полиция не решались производить аресты в этих домах, так как правительство категорически запрещало нарушать их дипломатическую неприкосновенность.

— Что же предпринять? Как быть? — закончил Дуран свой рассказ о результатах разведки.

Как всегда, Григорий не спешил с ответом. Он обдумывал услышанное и красноречивым взглядом дал мне понять, что спешить с советом не следует.

— Скажите, посол этой страны находится в Мадриде в своем доме? — спросил он Дурана.

— Его в Мадриде нет уже давно. Как и все остальные послы, аккредитованные при республиканском правительстве, он переехал в Барселону, где теперь обосновалось наше правительство. В здании же осталось несколько человек прислуги для охраны имущества...

— В таком случае, по моему мнению, ваша задача облегчается. Правда, если вы войдете в дом посольства и не найдете там резидента, не миновать дипломатического скандала... Вам влетит не только от генерала Миахи, но и от самого премьер-министра...

— Что же делать?

— Прежде всего тщательно проверить и твердо убе-

даться, что резидент действительно находится в доме, и только тогда действовать наверняка. Вам надо обеспечить такую обстановку, при которой ваши люди войдут в дом посольства как бы случайно, понимаете, не преднамеренно, а случайно. Ну как вам еще объяснить?

— Я понимаю, понимаю, — поспешил ответить Дуран.

— Я имею в виду такую обстановку, — продолжал Григорий, — когда разбираться нет времени... В осажденном городе, каким в настоящее время является Мадрид, такая обстановка может сложиться в любой момент. Но, повторяю, вы должны быть абсолютно уверены в том, что найдете там резидента.

Дуран некоторое время с любопытством смотрел на Сыроежкина, тер лоб, на его лице то появлялась улыбка, то оно становилось серьезным. Наконец с веселым видом он проговорил:

— Обстановку обеспечим, обязательно обеспечим. Я вас понял, амиго!*

— Ну и прекрасно. Если вы тонко и успешно проведете это мероприятие, то уж не испанскому правительству, а послу придется извиняться, и это послужит хорошим уроком для других.

Через несколько дней мы узнали, что Дуран с успехом осуществил придуманную им комбинацию, правда, несколько смахивающую на сцену из детективного фильма. В тот день по улице, где находилось посольство, шла похоронная процессия. Хоронили командира одного из батальонов, оборонявших Мадрид. За гробом в строю шла рота солдат и группа жителей, среди которых было десятка два сотрудников СИМа. Когда процессия поравнялась с домом посольства, откуда-то с крыши раздался выстрел, пуля пролетела над процессией и разбила стекло в окне дома на противоположной стене. За звуками военного оркестра точно нельзя было определить, с крыши какого дома был произведен выстрел, но сотрудники СИМа были уверены, что стреляли с крыши дома посольства. Они ворвались в дом, произвели в нем обыск и обнаружили резидента с его рацией и неопровержимыми документами, доказывавшими его враждебную республике деятельность.

Дуран направил правительству подробный доклад о происшествии. Правительству же не оставалось ничего другого, как выразить послу этой страны протест. А послу пришлось принести свои извинения.

* Амиго — друг (исп.).

АНАРХИСТЫ ОТКРЫВАЮТ ФРОНТ



В июле 1937 года республиканская армия предприняла крупную наступательную операцию северо-западнее Мадрида. Началось длительное и кровопролитное сражение, вошедшее в историю под названием боев под Брунете. В первые дни наше наступление с целью отбросить войска Франко от столицы развивалось успешно. Но затем сопротивление противника начало усиливаться с каждым днем, и наступление республиканских войск приостановилось. В этот момент Григорий и я прибыли в Брунете на командный пункт генерала Вальтера. Под этой фамилией в Испании сражался старый польский коммунист Кароль Сверчевский, в сражении под Брунете командовавший 35-й смешанной дивизией.

От гладких гранитных валунов, от выгоревшей травы и сухих кустов ладанника несло нестерпимым жаром. Такой же жар шел и с облачного бледно-голубого неба, словно это была раскаленная железная крыша. Густой, знойный воздух был неподвижен, тучи пыли висели в воздухе и, медленно оседая, покрывали потные тела людей сплошной коркой грязи.

Пули марокканских стрелков щелкали о камни и рикошетом разлетались во всех направлениях. Артиллерия мятежников беглым огнем обстреливала деревню. Немецкие «юнкерсы» и итальянские «фиаты» сыпали бомбы, добавляя жару в это испанское пекло.

Генерал Вальтер стоял в наспех вырытой траншее, на южной окраине деревни, захваченной нами несколько дней назад после ожесточенного боя. Он был по пояс голый, и только генеральская фуражка отличала его сейчас от таких же полуголых и грязных солдат и офицеров, теснившихся с ним в этой каменной щели. У генерала на резко очерченном глубокими морщинами лице, с немного нависавшим над тонкими губами носом, мясистым подбородком и суровыми серыми глазами, все

время подергивалась бровь. Вытирая грязным платком наголо обритую голову, он посмотрел на меня и, еще раз выругав фашистов на замысловатой смеси польского и испанского языков, сказал:

— Хочу, чтобы ты поехал сейчас к Мера*. Надо добиться, чтобы они выполнили приказ штаба фронта о наступлении. Будь дипломатичным, черт побери! Иди на все, но сдвинь их с места! Не задерживайся у них... Очень важно еще сегодня ночью с группой пробраться на сторону противника, побродить по его тылам, выяснить, какие резервы подходят... Хорошо бы захватить офицера...

Собственно, для этого мы и прибыли на фронт. Григорий просматривал в бинокль местность, выбирая направление для ночного перехода линии фронта нашей небольшой группой, с которой мы решили провести этот ответственный поиск.

Выслушав просьбу Вальтера, я вопросительно посмотрел на Гришу. Он кивнул мне в знак согласия, добавив:

— Поезжай к этому идолу, я его знаю. Держи ухо остро, от них всего можно ожидать. На всякий случай я вызову из Мадрида твой отряд, наши люди нужны будут здесь. К тому же, если ты не удержишься, мы успеем еще ночью сходить на ту сторону. Держи меня в курсе дела. Ну, поезжай! — И он хлопнул меня по плечу.

Метрах в ста впереди траншеи, влоборота к противнику, стоял наш танк со сбитой гусеницей. Два танкиста лежали под ним, ожидая буксира. Вокруг рвались снаряды, их осколки звонко стучали по броне. Стрелок оставался в башне танка и вел редкий огонь из пушки, экономя снаряды. Этот неравный поединок танка с батареей противника приковал внимание всех.

Генерал опять повернулся ко мне, чтобы что-то сказать, но в этот момент снаряд попал в танк. Желто-фиолетовое пламя вырвалось из люка башни.

— Еще один, — сквозь зубы проговорил Сверчевский и, взглянув на меня, в сердцах закричал: — Чего ты ждешь?!

Схватив в охапку одежду и оружие, я рывком выскочил из траншеи и пополз вдоль невысокой стенки ближайшего двора. Неотступно за мной полз разведчик

* Сиприано Мера — один из вождей Федерации анархистов Иберии (ФАИ), командовал дивизией, а затем корпусом.

Таба, мой всегдашний спутник, такой же почерневший и грязный, как и все, в своем неизменном бурнусе, оде- том на голое тело. На засыпанных обломками улицах Брунете стояла тошнотворная вонь от разлагавшихся под жарким солнцем трупов, которые невозможно было убрать под жестоким огнем. Петляя среди развалин, припадая к горячей земле при каждом близком разры- ве, мы приблизились к северной окраине деревни и, вы- бравшись на дорогу, ведущую в тыл, поползли по кю- вету к лощине. Там, среди густых кустов и низкорос- лых деревьев, укрывались ближние тылы дивизии.

Пока мой шофер, матрос Пинент, с трудом маневри- ровал, выводя наш «шевроле» из запутанного лабирин- та камней, нам с трудом удалось напиться у маленько- го родника. Таба попытался немного смыть с себя грязь, но его с руганью и свистом прогнали ошалелые от жары солдаты. Он предпринял еще одну отчаянную попытку пробиться к роднику, ринувшись в мешанину тел, энергично работая локтями и ногами, но тут же вылетел вон, получив мощный пинок.

— Черт с ними, пусть пьют, — сконфуженно про- бормотал он.

В другое время я от души посмеялся бы над этим очередным приключением славного парня Табы, но сей- час было не до этого. Наше положение в Брунете с каждым часом становилось все тяжелее, и исход успеш- но начатого наступления, с которым у республиканской стороны было связано столько надежд, был под уг- розой.

Наконец Пинент вывел машину и подъехал к нам. На полу «шевроле» сидели двое раненых с забинтован- ными головами.

— Камарада хефе*, можно довести этих парней до госпиталя в Тореладонес? — спросил меня Пинент.

Раненые испанцы были матросами, собратьями Пи- нента по оружию.

— Конечно, — сказал я. — Только давай быстрее, надо спешить...

Поднявшись из лощины по руслу высохшего ручья, мы остановились в кустах осмотреться и выбрать удоб- ный момент, чтобы выскочить на шоссе. Оно беспрерыв- но обстреливалось противником и хорошо просматри- валось им. Разрывы то там, то здесь вздымали каме-

* Камарада хефе — товарищ начальник (исп.).

нистую почву. Освещенная ярким солнцем дорога была пустыня.

— Поезжай, — сказал я Пиненту, убедившись, что ожидание бесцельно.

На большой скорости мы выскочили на асфальт и помчались на север. С нашим появлением обстрел заметно усилился. Пинент резко отворачивал при близких разрывах, от чего нас бросало из стороны в сторону.

Один из раненых матросов застонал, ударившись головой о борт машины. Через бинты его повязки стала просачиваться кровь. Второй лежал, скорчившись у моих ног. Оба сильно страдали, боль отражалась в их черных затуманенных глазах. Через несколько минут бешеной гонки мы вышли из зоны обстрела.

Нам предстояло проехать километров пятьдесят по дуге тыловых дорог и вновь опуститься к фронту на участке анархистской дивизии.

Мы мчались по извилистой дороге. Теперь навстречу неслись грузовики с боеприпасами и людьми. Лихие шоферы испанцы давали волю своему южному темпераменту.

Несмотря на быструю езду, не чувствовалось прохлады. Сухой жаркий воздух иссушал кожу и горячей струей проникал в нос и горло. Через полчаса гонки мы влетели в Тореладонес и, сдав раненых в госпиталь, подкатили к большому квадратному бассейну в центре деревни. Солдаты купались в нем, перекликаясь с женщинами, стиравшими тут же белье и оглушительно колотившими по нему своими вальками.

Пока Пинент ездил заправлять машину, мы кое-как вымылись.

— Одну минутку, — проговорил Таба и, накинув бурнус, скрылся среди домов. Когда подъехал Пинент, Таба вновь появился, держа в руках две бутылки анисовой водки. Матрос одобрительно скосил глаза на бутылки и потуже надвинул на лоб замусоленную фуражку, на ленте которой еще можно было разобрать название его корабля — «Хаиме I».

Мы тронулись дальше. Грохот боя затихал по мере удаления от фронта, и у Кольменар-де-ла-Вьеха слышался только приглушенный гул. Здесь мы повернули на юго-восток, проехав километров пятнадцать, наткнулись на рогатку, перегораживающую дорогу. Лаконичная надпись «Альто» висела посреди, предлагая остановиться. Кругом, однако, никого не было видно.

— Вот начинается их царство, — зло сказал Пинент и надавил на кнопку сигнала.

Мы ждали, изнывая от жары и нетерпения, но никто не показывался у этого заслона.

— Чего ждать! Я сброшу рогатку, и мы поедем дальше, — предложил Таба.

— Омбре! * Ты в своем уме? — воскликнул Пинент. — Ты их еще не знаешь: сразу получишь пулю в спину!

Наконец на очередной продолжительный сигнал откуда-то со стороны послышался голос, и над кустами появилась голова в солдатской пилотке.

— Эсперо покито! ** — крикнул солдат и двинулся в нашу сторону. Видимо, он отлеживался в тени кустов. Выйдя на дорогу, он взял винтовку на руку. Черно-красный платок на шее говорил о его принадлежности к анархистам.

— Кто будете, куда направляетесь?

— Мы едем к комдиву Мера. Мы из Брунете, — ответил Таба.

— О! Из Брунете! Бойнос диас, сеньорес! *** — И, неожиданно засуетившись, солдат отодвинул рогатку. — Поезжайте, пожалуйста. Счастливого пути!

— Этот анархист не такой страшный, как ты о них говорил, — сказал я Пиненту.

— Карамба! — зло пробурчал он в ответ.

Еще через четверть часа мы подъехали к штабу 14-й анархистской дивизии, занимавшему небольшое поместье с фруктовым садом, обнесенным высокой оградой. Ворота сада выходили на шоссе, и от него до дома вела широкая асфальтированная дорожка. Охрану у входа несли солдаты с черно-красными косынками на шее, вооруженные крупнокалиберными маузерами, кинжалами и ручными гранатами у поясов.

— Альто! — приказал нам один из них.

Я повторил им, что еду из Брунете к комдиву Мера. Упоминание Брунете и здесь возымело свое действие. Нагловатый тон сменился почтительным удивлением.

— Пожалуйста, проезжайте, — хором ответили они, и ворота широко распахнулись перед нами.

У входа в дом тоже стояли солдаты, вооруженные маузерами. Молоденький парень в форме лейтенанта,

* Омбре — парень, человек (исп.).

** Эсперо покито — подождите немного (исп.).

*** Бойнос диас — добрый день (исп.).

почти мальчик, в лихо сдвинутой набок фуражке, выставив ногу вперед, некоторое время молча рассматривал нас, играя свистком на серебряной цепочке. Но, узнав, откуда мы прибыли, он вежливо попросил подождать и тут же скрылся за дверь.

Несколько солдат, стоявших у входа, перешептывались между собой, с любопытством разглядывая нас. Наша потрепанная и грязная одежда красноречиво говорила о том, что мы недавно вышли из боя и прибыли из этого самого Брунете, молва о котором широко распространилась.

— Как там в Брунете? Крепко дерутся мавры и легионеры? — спрашивали они, обращаясь к Табе.

Вначале Таба просто отвечал на их вопросы, но вот в его глазах блеснул лукавый огонек, и он, в свою очередь, стал задавать им вопросы:

— А как у вас? Что-то тихо на вашем участке, а?

Анархисты переглянулись, и один из них после недолгой паузы сказал:

— Знаешь, амиго, тут они ведут себя тихо.

Такой ответ, видимо, должен был означать, что франкисты боятся анархистов. Таба с плохо скрытой иронией заметил:

— Вас они боятся...

— Claro *, — гордо подтвердил широкоплечий парень, небрежно подбрасывая на ладони ручную гранату.

Скорчив прискорбную рожу, Таба продолжал опасный разговор:

— Нас они не боятся. С нами они воюют, и мы их понемногу бьем!

Опасаясь, что плохо скрытая ирония все же будет понята, я незаметно толкнул Табу. К счастью, в этот момент из дверей дома вышел лейтенант, а за ним высокий человек в форме капитана. Посмотрев на странную фигуру Табы, капитан, обращаясь только ко мне, пригласил следовать за ним.

— Оставайтесь здесь, — сказал я своим спутникам и шагнул вслед за капитаном.

Мимолетные впечатления, полученные от первых встреч с людьми этой дивизии, — их подчеркнутая развязность, обособленность и напускная воинственность, — как бы дополняли все то, что я слышал и знал об анархистах вообще. «Что ждет меня в этом штабе?» — подумал я, оказавшись за дверью дома.

* Claro — ясно, понятно, естественно (исп.).

Пройдя через прихожую, где у стен стояли средневековые рыцарские доспехи, столь привычное украшение богатых испанских домов, мы вошли в обширную столовую, отделанную светлой корабельной сосной. В глаза бросалось необычное освещение этой комнаты. Над столом висела большая люстра с массой хрустальных подвесок, среди которых горели небольшие электрические лампочки. Одну стену занимал большой витраж, изображавший бой рыцарей на турнире, а на других стенах попеременно с безвкусными картинами в дорогих рамах было развешано старинное оружие.

Капитан подвел меня к человеку, сидевшему во главе стола.

— Команданте Мера! — громко произнес он.

Я представился комдиву по всем правилам испанского воинского этикета. Не торопясь, Мера встал из-за стола и молча подал мне руку, а затем, показав на сидевших за столом, скрипучим голосом произнес:

— Офицеры моего штаба.

Сделав полуоборот, я отковырял им.

Мера был высоким и немного сутуловатым человеком, с широкими плечами, суровым, неприветливым лицом. Его глаза, сидевшие глубоко под спутанными бровями, смотрели жестко.

— Будем обедать, потом поговорим о делах, — сказал он и, усевшись в свое кресло, добавил: — На войне надо быть сытым. Ешь больше... — Он улыбнулся, видимо, проявив максимум добродушия и юмора, на которые был способен.

На столе искрилась дорогая хрустальная и фарфоровая посуда. Но пища была простой и обильной — куски жареной баранины на большом блюде. Запыленные бутылки старого вина из подвала какого-нибудь разграбленного анархистами замка. Овощи, сыр, горка маленьких испанских белых хлебцев из крутого теста. При виде такой еды у меня засосало под ложечкой: все дни боев мы питались плохо, от случая к случаю. Но все же я переборол желание немедленно сесть за стол по приглашению Мера. От предчувствия назревающей неудачи под Брунете, от жалости к гибнущим там людям, наконец, от голода и душившей меня злобы против анархистов, не оказавших помощи сражающимся частям, хотелось взречься. Но я заставил себя улыбнуться. Помня наказ генерала Вальтера быть дипломатичным,

я сказал, изобразив на своем лице самую любезную улыбку, на которую был только способен:

— Благодарю вас. Но, может быть, вы хотите сперва выслушать то, что поручил мне передать вам генерал Вальтер?

Мера вопросительно посмотрел на меня, не скрывая своего изумления.

— Полчаса ничего не изменят. Как ты думаешь? — проворчал он, разворачивая салфетку и засовывая ее за воротник.

Почувствовав, что выполнить поручение генерала будет совсем нелегко, я пожалел, что со мной не поехал Гриша Сыроежкин.

В отчаянии я решил пойти на все: просить, упрашивать, унижаться даже, а если потребуется, то и угрожать. Передо мной стояли картины ожесточенного боя за Брунете: кровь на горячих камнях, муки раненых под палящим солнцем и гибель сотен бойцов — испанцев и интернационалистов... А здесь эти сытые анархисты... Гранату бы им на стол!..

— Товарищ Мера, я прежде всего хочу выполнить поручение генерала, поэтому я прошу выслушать меня сейчас, — проговорил я уже без улыбки.

— Что опять там стряслось у вас? — сквозь зубы презрительно прохрипел Мера.

— Разрешите доложить? — спросил я и шагнул в сторону двери, как бы освобождая ему проход.

Мера поднялся, сорвал с себя салфетку и бросил ее на стол с нескрываемым раздражением. Но затем, внезапно передумав, опять сел в кресло и, повернув ко мне злое лицо, сказал:

— Говори здесь. У меня нет секретов от своих людей!

Эти слова встретили полное одобрение всех сидевших за столом. Те из них, кто был помоложе, приняли нарочито небрежные позы, приготовившись слушать меня и всем своим видом давая понять, что и их мнение будет играть немалую роль.

В поведении этих людей, в их манерах сквозило желание во всем подражать офицерам старой королевской армии, замкнутой и недоступной касте аристократов, почти целиком перешедших на сторону генералов-мятежников. У всех до блеска были напояжены волосы. Тонкие подстриженные усики и бакенбарды придавали их лицам задорно-фатоватый вид, а страсть к золотым

украшениям и побрякушкам убедительно говорила о том, кем они были на самом деле.

Кольца, браслеты и брелоки в большом количестве — трофеи сомнительного происхождения — украшали каждого из них. Можно было не сомневаться, что совсем недавно все они подвизались в притонах Мадрида, Барселоны, Валенсии и других больших городов. Эти люди пришли в революцию из мрака вертепов, и анархизм прикрыл их преступное прошлое. Ни о какой идейности здесь не могло быть и речи. Они ни во что не верили, кроме темной силы, жившей в них самих. Это была грязная накипь бурных революционных событий, которая рано или поздно должна была быть сметена.

— Мы слушаем тебя, — сказал Мера, раскуривая большую сигару.

— После упорного боя мы взяли Брунете, — начал я, сдерживая волнение.

— Слыхали об этом, — вставил он.

— Мы несем большие потери... Противник подбрасывает подкрепления и с часу на час должен перейти в контрнаступление...

— Это вам точно известно?

— Да, точно. Именно поэтому нам сейчас и нужна ваша помощь. — Я сделал паузу, в который раз удивляясь, что, получив приказ командующего Мадридским фронтом о наступлении, Мера и *не думал его выполнять*, а нам приходится его уговаривать вступить в бой.

— Так... — неопределенно пробурчал Мера в ответ на мои слова. — Хм! Значит, мы должны развить успех?

— Ваша дивизия боеспособна, она хорошо вооружена, — продолжал я, намекая на то, что совсем недавно 14-я дивизия получила оружие, доставленное из Советского Союза.

— Говоришь, хорошо вооружены? Не мы одни получили новое оружие... Да и получили далеко не в первую очередь. Без оружия не воюют. Правильно я говорю? — проговорил Мера под одобрительные кивки сидевших за столом.

Я не знал, как все же повернуть разговор в нужное русло, добиться своего от этого демагога. Я пытался представить себе, как бы действовал в такой обстановке Сыроежкин, как разговаривал бы с анархистами. Наверное, он принял бы приглашение отобедать, спокойно сел за стол и своей обаятельной манерой разговаривать,

непосредственностью и всем своим видом, внушавшим каждому уважение и веру в его слова, смог бы получить от этого анархистского вожака необходимое.

Но Сыроежкина рядом со мной не было.

— Что же мне сообщить генералу Вальтеру? — сдавленным голосом спросил я.

— О чем?

— Когда ваша дивизия перейдет в наступление?

— Это не так просто, как вам там кажется, — пробормотал Мера.

— Против вас стоят всего два марокканских табора и один батальон иностранного легиона...

— Кто знает? Может быть, и больше, — небрежно бросил Мера.

— Тогда нужно немедленно организовать разведку для захвата пленных, — продолжил я.

— Пленные мавры не очень разговорчивы...

— А у вас уже были пленные мавры?

На этот вопрос я не получил ответа. Горечь все больше захлестывала меня. От волнения, усталости и, должно быть, от голода я испытывал легкое головокружение. Все это мешало мне спокойно вести разговор с этим скользким человеком. Выждав несколько минут, я продолжал:

— В соответствии с приказом командования фронта ваша дивизия должна была начать наступление еще три дня тому назад, — выпалил я.

— Откуда ты это взял?

— Мне известен приказ генерала Миахи.

— Кто ты такой, что явился сюда проверять, как мы выполняем приказы! — грозно прорычал Мера. — Ты приехал командовать нами? Не туда приехал. Мы вольные анархисты и командовать собой никому не позволим!

Что было делать? Я был на грани отчаяния.

Он неожиданно поднялся из-за стола, за ним поднялись остальные, бросая на меня злобные взгляды. Сделав несколько шагов к двери, Мера так резко повернулся, что шедший за ним анархист едва не наткнулся на него. С яростью глядя на меня, он заговорил:

— Говоришь, боевая дивизия, боевой дух! Врешь! Все врешь! Я знаю, у вас говорят, что у анархистов нет побед на фронте. А знаешь ли ты, что без нас невозможна победа революции в Испании?

Его душила злоба. Затронутый вопрос был самым болезненным для анархистов.

— Победы будут! Будут победы! Вы еще в этом убедитесь! — кричал он. — Мы не участвуем в правительстве, но дали согласие на создание регулярной армии. Я тоже за регулярную армию, хотя она и против моих анархистских убеждений и взглядов... Я, я был самым близким другом Дурутти! * — задыхаясь, выкрикнул он.

— Я знаю об этом. Мы уважаем Дурутти, — пытаюсь его успокоить, вставил я.

— Знаешь? Ни черта ты не знаешь! — опять заорал он. — Мы воюем вместе с коммунистами, социалистами и другими партиями против Франко, несмотря на наши политические разногласия. Потом, потом, после победы, мы поговорим обо всем!..

Это было довольно откровенно и многозначительно сказано. Для этого многозначительного «потом» анархисты и берегли свои части и полученное оружие, чтобы в удобный момент, после побед над мятежниками, захватить власть в стране.

Мера продолжал зло смотреть на меня, тяжело переводя дух. Воспользовавшись этим, я попытался вернуть его к цели своего приезда.

— Опасность угрожает всему Мадридскому фронту, — начал я. — А это значит, что угроза существует и для вашей дивизии. Надо немедленно действовать, иначе будет поздно. Товарищ Мера, поймите, поймите же! — чуть не с мольбой проговорил я.

Не знаю, подействовал ли на него мой тон или он уже успокоился и понял, что должен дать ответ, но, отвернувшись от меня, он бросил в сторону:

— Сегодня я еще ничего решить не могу. Сейчас поеду на передовую... Ты можешь остаться у нас до моего возвращения.

— Не могу ли я сопровождать вас?

— Нет!.. У меня нет места в машине...

— Я могу поехать на своей следом за вами.

— Вот и оставайся с ней здесь! Я сказал все!

При этом он вновь зло посмотрел на меня и быстро вышел. За ним — все остальные, бросая злобные взгляды на меня и досадливые на остывавшую баранину.

* Буэнавентура Дурутти — один из лидеров Федерации анархистов Иберии, выступал за сотрудничество с коммунистами, понимая, что предлагаемая КПИ программа борьбы с фашизмом может привести к победе; был убит анархистами.

Я оглянулся. В нескольких шагах от меня стоял встретивший меня капитан. Он холодно улыбался и, показав на стол, церемонно сказал:

— Сеньор майор, может быть, мы с вами все же пообедаем? Уж это, наверно, ничего не изменит.

Молча сев за стол, я быстро поел и сказал, что хочу проведать своих людей, оставшихся в саду с машиной.

— Они уже пообедали. Я побеспокоился об этом.

— Большое вам спасибо, — искренне сказал я, готовый многое простить этому анархисту за небольшую заботу о моих измученных товарищах.

Мы вышли в сад. Было время сиесты*, свято соблюдаемой в этой бездеятельной дивизии. Всюду под деревьями спали сытые солдаты. Я написал записку и приказал Табе и Пиненту немедленно отвезти ее Грише Грандэ и как можно быстрее вернуться обратно. Когда моя машина ушла, капитан спросил, не хотел бы я присутствовать на занятиях по тактике.

— На какую тему занятия? — спросил я.

— О тактике Махно.

— Какого Махно? — не сразу сообразив, в чем дело, спросил я.

— Это же ваш известный анархист. У него была своя армия. Одно время он воевал в союзе с Красной Армией против русских генералов.

— А потом? — задал я ему вопрос.

— Что потом?

— Вы сказали, что одно время он воевал вместе с Красной Армией. Вот я и спрашиваю, что было потом, после того, как этого союза не стало?

— Ну, потом... потом Махно воевал самостоятельно...

— Против кого?

Капитан замаялся. Очевидно, он уже пожалел, что начал этот разговор. Выждав некоторое время, я сказал, что тактика Махно неприменима к современной войне.

— Нет, почему же, — не очень уверенно заметил капитан.

Решив покончить с этим разговором, я откровенно сказал, что Махно вообще никогда не был революционером и известен лишь как главарь погромной банды грабителей и убийц.

* Сиеста — послеобеденный отдых в Испании.

— Вы повторяете то, что коммунисты говорят о всех вождях анархистской партии, — с нескрываемым раздражением ответил мой собеседник.

Я извинился, сказав, что устал и не хотел бы вести этот бесполезный спор, — надо отдохнуть до приезда комдива.

Капитан провел меня в небольшую комнату на втором этаже виллы и тут же ушел. Я намеревался растянуться на диване, но в дверь комнаты кто-то постучался, а вслед за этим в нее проскользнул человек, которого я мельком заметил в столовой.

— Амиго-о-о, — протяжно произнес он и рассыпался дребезжащим смехом, — ке тал? * Расскажи, как вы воюете в Брунете?

Вошедший без приглашения уселся за стол. Заметив мой вопросительный взгляд, он назвал себя: Горки, командир батальона имени Бакунина. Горки, несомненно, был псевдоним, взятый в честь Максима Горького, которого анархисты почему-то причислили к своим политическим сторонникам. Решив в этом доме ничему не удивляться, я стал рассказывать Горки о ходе Брунетской операции, но скоро убедился, что слушает он меня без особого интереса. Из небрежно заданных, как бы между прочим, вопросов мне стало ясно, что больше всего его интересует, подойдут ли к нам резервы и каковы дальнейшие планы командования, если не удастся продвинуться южнее Брунете. Конечно, на эти вопросы я не давал определенных ответов.

Моему собеседнику было немногим более тридцати лет. На его худом смуглом лице с очень живыми, бегающими глазами, лежала печать напускного добродушия и простоватости, в нем чувствовалась укоренившаяся манера казаться проще, чем он был в действительности. Впрочем, его лицо не производило особого впечатления. Привлекали внимание его руки, очень подвижные, с длинными пальцами, слегка расплюснутыми на концах. Они беспрерывно двигались, скользили по столу, ощупывали лежавшие на нем вещи. И делал он это очень быстро и ловко. «Наверное, такие пальцы бывают у шулеров — ими они ощупывают крапленые карты», — подумал я.

* Ке тал? — как дела? (исп.).

— Амиго! Грасиас! * Адиос **, — неожиданно на полуслове обрывая наш разговор, произнес он и тут же исчез.

Я раздумывал над целью этого странного визита, но, не придя ни к какому выводу, взял бинокль и вышел на плоскую крышу виллы. К югу, на местности, полого спускавшейся в сторону противника, виднелась небольшая полуразрушенная деревушка. Там проходил передний край правого фланга анархистской дивизии. Дальше, на протяжении нескольких километров до самой Брунете, простиралась труднопроходимая каменистая местность, вдоль которой у противника и у нас тянулась лишь редкая цепь постов.

Внизу послышался шум подъезжающих машин. Из-за парапета крыши я увидел большой лимузин, в котором сидел Мера. За ним во второй машине сидел Горки. Обе машины выехали на шоссе и помчались в сторону передовой, но, отъехав с километр, остановились. Горки пересел в автомобиль Мера, видимо, для какого-то разговора, так как минут через пять он вернулся в свою машину и направился в сторону передовой, а Мера не последовал за ним и, к моему удивлению, направился на север, в тыл...

Я вернулся в комнату, не раздеваясь лег на диван и, сморенный усталостью последних дней, уснул. Я проспал до вечера, когда меня неистово стал тормошить Таба.

— Анархисты бегут!

— Как бегут? — спросонья, не понимая его, переспросил я.

— Они, видимо, открыли фронт и бегут в тыл. Да ты вставай, посмотри сам!

Я спустился на первый этаж, держа в руке нераспечатанный пакет, привезенный мне Табой от Гриши.

— Где комдив? — спросил я одного из пробежавших офицеров.

— Он давно уехал...

Быстро наступала ночь, в потемках люди бегали по дому, вытаскивая имущество и укладывая его в машины. Одна за другой они выезжали на шоссе и на большой скорости мчались на север, в тыл. Я разыскал уже знакомого мне капитана и спросил его, что все это значит.

* Г р а с и а с — спасибо (исп.).

** А д и о с — до свидания, прощай (исп.).

— Марокканцы прорвали фронт... нас окружают... мы отступаем... спасайтесь, пока не поздно... — бросил он на бегу.

Я с ужасом представил, как марокканские таборы бросятся в открытую анархистами брешь, войдут в тыл дивизии Вальтера и всей Брунетской группировке войск, окружают ее, и начнется резня. Страшно было думать о том, что может произойти.

Содрогаясь от нахлынувших мыслей, я стоял в прихожей дома, озираясь по сторонам, пока мой взгляд не упал на городской телефон. Я снял трубку и тотчас услышал голос телефонистки. На мой вызов ответил дежурный по нашему отряду. Он сообщил, что весь отряд с Виктором уже часа два назад выехал на фронт по приказу Гриши Грандэ, взяв с собой «тяжелое вооружение». «Значит, все будет в порядке, — с облегчением подумал я. — Григорий уж примет необходимые меры».

В Мадридском отряде герильерос имелось «тяжелое вооружение»: три небольших бронеавтомобиля «фиат» и две итальянские танкетки с пулеметами. Это вооружение досталось отряду после разгрома итальянского экспедиционного корпуса под Гвадалахарой в марте 1937 года. «Сто шестьдесят бойцов нашего отряда выполнят свой долг в любых условиях», — подумал я.

Укоренившееся недоверие к анархистам мешало мне безоговорочно принять их версию о наступлении марокканцев, и я решил сам проверить эти сведения.

Мы направились в деревушку, находившуюся в четырех километрах от штаба дивизии. На ее южной окраине проходила передовая линия одного из батальонов 14-й дивизии. Навстречу нам попадались автомашины с солдатами и офицерами, а также пешие группы солдат. Все они бежали в тыл и на наши вопросы отвечали одним словом: «Морос! Морос!» *

Но ничто не говорило о наступлении марокканцев. Со стороны фронта не было слышно ни выстрела, ни разрыва снарядов. Нас уже миновали последние группы бегущих, когда мы подъехали к перекрестку дорог, километрах в двух от деревушки. Одновременно с нами, с востока, к этому же перекрестку подкатила легковая машина с черно-красным анархистским флажком. Из нее вышел капитан.

* Морос — марокканцы (исп.).

— Стойте! — крикнул он нам. — Почему отступаем?

— Об этом мы и хотели спросить у вас, — ответил я. — Вы получили приказ об отступлении?

— Да нет, мы не получали такого приказа. Но нам позвонили из соседнего батальона, — при этом капитан указал рукой на деревушку, куда мы направлялись, — и сказали, что марокканцы перешли в наступление и обходят нас. Но на участке моего батальона все спокойно, никаких признаков активности противник не проявляет... Здесь тоже не слышно боя, а все бегут. Что же произошло? — недоуменно спрашивал капитан.

— Это провокация «пятой колонны», — уверенным тоном сказал я ему. — Возвращайтесь к себе и оставайтесь на прежних позициях, а сюда вышлите взвод с пулеметами. Ведь ваши соседи оставили фронт, и, чего доброго, марокканцы и впрямь вздумают наступать, воспользовавшись их бегством, — ответил я ему.

— Но пока они не наступают...

— Они еще не разобрались, в чем дело, но, когда разберутся, будет уже поздно, — твердо проговорил я.

Мой решительный тон, видимо, произвел впечатление на капитана, и он, не спросив даже, кто я, коротко ответил:

— Слушаюсь! — И приказал солдату-шоферу повернуть назад.

Очередное предательство анархистов! Они хотят открыть фронт в самом опасном месте — между Мадридом и Брунете! Я решил догнать отступающие группы и попытаться уговорить их вернуться на позиции. Когда мы подъехали к развилке дороги, где накануне встретились с первым солдатом дивизии Мера, там стояло несколько грузовиков с людьми из моего отряда. Перед ними толпой сгрудились отступавшие анархисты.

Комиссар отряда Галарса Перес Перегрин что-то говорил солдатам. Пинент дал продолжительный сигнал и, уменьшив скорость, поехал на толпу, которая расступилась и пропустила нас, видимо, посчитав за своих. Перегрин вскочил на подножку нашей машины.

— Гриша Грандэ позади, с броневиками и танкетками, поедет к нему, — сказал он мне.

Я рассказал Грише все, что произошло за время моего пребывания в анархистской дивизии. Выслушав меня, он сказал:

— Мы еще попробуем уговорить их вернуться на

брошенные позиции, а пока постарайся пробраться в покинутую этим батальоном деревушку, очень важно узнать, что предпринимают фашисты. Возьми один из броневичков.

Кроме трех человек — экипажа броневичка, к себе в машину мы взяли еще двоих бойцов с ручным пулеметом и на всей скорости помчались обратно по пустынной дороге.

Когда до деревушки осталось не более километра, остановились у купы деревьев. Броневичок и свою машину оставили там и, условившись о сигналах, осторожно двинулись пешком к околице.

Перед позициями, которые до бегства были заняты анархистами, в широкой развилке двух больших дорог, почти рядом с Мадридом, лежала пустынная местность. Заброшенные тропинки вились меж холмов и гранитных валунов. Полуразрушенная деревушка с купами низкорослых деревьев и сухой, безлистный кустарник не оживляли этого печального пейзажа.

Здесь на стороне мятежников, у дороги, ведущей из Мадрида к португальской границе, фронт занимали марокканцы. В их таборах были люди из близких друг другу племен рифов и кабиллов из французского и испанского Марокко. Наряду с пожилыми солдатами, участниками нескольких африканских войн и восстаний, в таборах были совсем молодые парни, впервые взявшие в руки оружие. Как большинство колониальных солдат, набранных из воинственных племен, марокканцы были обмануты своими вождями и фанатично настроены. Они еще не задумывались над тем, за чьи интересы и против кого воюют. Будучи слепым оружием Франко, они боролись против Испанской республики, которая могла дать свободу их давно угнетаемой родине. Из горных деревень Атласа их согнали в старые испанские пресидиос*, на аэродромах Тетуана и Сеуты грузили в немецкие трехмоторные «юнкерсы», присланные Гитлером, и за час перебрасывали на юг Испании. Здесь они быстро приходили в себя от непривычного путешествия по воздуху и, ступив на твердую землю, вновь видели, как и у себя на родине, пальмы, жаркое, как в Африке, солнце и недоступно гордых испанских

* Пресидиос — крепости (исп.).

офицеров, которых они презирали в душе, но и боялись их холодной жестокости.

Вместе с наемниками из иностранного легиона марокканцы сразу же были брошены в бой и быстро дошли до Мадрида, легко преодолев неумелое сопротивление слабо вооруженных и совсем необученных отрядов народной милиции. Но здесь, в узких кварталах предместий Карабанчель и Каса-дель-Кампо, их встретили танки, в которых вместе с испанцами сидели таинственные «русос» и бойцы интербригад. Горных африканских стрелков отбросили и загнали в окопы, в которых они просидели почти два с половиной года. Попытки взять Мадрид осенью 1936 года стоили африканским «регулярес» сорока тысяч убитых и раненых.

...Этой ночью, как всегда, сотворив намаз*, марокканцы нестройно запели свои тоскливые, протяжные песни, отдававшиеся в ночи, как вой волков. С темнотой их боевые дозоры вылезли из траншей и тихо легли на теплые камни. Сгустились смутные тени, и непроницаемая чернота южной ночи окутала все вокруг.

В полуразрушенном каменном амбаре, где еще пахло сухим навозом, вокруг маленького костра сидели четыре марокканца из племени рифов. Горьковатый дымок тонкой струйкой подымался к потолку, расплываясь там серым облачком.

Пожилой риф — кабо**, с седой щетиной на небритых щеках, в невысокой темно-красной феске, сидел, закрыв глаза, раскачивался в такт заунывной песне без слов. Это был старый, испытанный воин. Двенадцать лет тому назад он сражался в отрядах Абд дель Керима против французских и тех испанских генералов, за которых теперь шел умирать.

Напротив него сидел темнокожий юноша по имени Хафид. Его лицо, с узкими, небольшими глазами и широким носом, было сосредоточенно и угрюмо.

Они готовились ужинать, когда в амбар вбежал вестовой и сказал, что лейтенант вызывает кабо. Пожилой риф быстро поднялся и ушел вслед за вестовым. Он вскоре вернулся и приказал Хафиду собираться в разведку. По привычке Хафид*** ощупал патронташи у

* Намаз — ежедневная молитва у мусульман.

** Кабо — капрал (исп.).

*** Свою печальную историю, предшествовавшую его пленению, Хафид рассказал нам позже, изъявив желание сражаться в нашем отряде против франкистов.

пояса, нож и вогнал патрон в ствол винтовки, поставив затвор на предохранитель. Он взял и курицу, которую собирался ощипать, и после некоторого колебания подвесил ее к поясу.

Они перелезли через бруствер траншеи и поползли. Старый риф ощупывал руками тропинку. Временами они останавливались и слушали, припав к земле.

Метрах в ста от крайней лачуги деревушки, занятой анархистами, Хафид бесшумно сполз в отлогую яму. Чья-то тень метнулась на дне и зашуршала в кустах. Почти машинально он выстрелил в темноту и быстро зажал в зубах нож, готовясь к рукопашной схватке. Но визг вспугнутой им бродячей собаки успокоил его. Выстрел не всполошил противника. Это было странно и непонятно, как и то, что с вечера на позициях анархистов неожиданно раздавались крики и выстрелы, а затем все затихло. Наступившая темнота не дала возможности рассмотреть, что там происходило.

Кабо дал знак разойтись в разные стороны. Хафид пролез через дыру в стене и углубился в путаницу развалин. Все говорило о том, что противник по какой-то непонятной причине оставил свои позиции. Долго шарили марокканцы в лачугах, натываясь всюду на брошенные вещи и оружие.

Незадолго до этого к деревушке с северной стороны подошли и мы. Луна вставала, и черные тени потянулись от домов и деревьев. Таба бесшумно влез в крайний дом с выбитыми окнами и, ничего не обнаружив в нем, пошел по улочке к южной окраине, скрываясь в тени. Впереди, в нескольких десятках метров, его зоркие глаза заметили неясный силуэт человека, проскользнувшего в один из домов. Таба прислушался и уловил слабый шорох чьих-то крадущихся шагов. Они приближались, временами замирая. Таба влез в дом и прижался к стене у выбитого окна. Кто-то крался с внешней стороны по двору. Вот он лег на земле у второго окна лачуги. Таба выглянул и почти под собой увидел лежащего на земле человека, что-то высматривающего впереди. Во рту тот держал большой нож.

Где-то у руин раздался выстрел. Марокканец вздрогнул и стал медленно подниматься, но Таба по-кошачьи прыгнул ему на спину. Он крепко прижал голову своего противника к земле и одновременно вывернул за спину его правую руку. Это был старый и проверенный прием. Под коленом у Табы оказалась курица, что бы-

ла привязана у пояса марроканца. Беззвучно рассмеявшись, Таба пригнулся к уху пленника и по-арабски сказал ему: «Лежи тихо! Курятник!»

Африканец был крепко прижат к земле и обезоружен. Он не видел своего врага, сидевшего на его спине, и ожидал удара ножа. Так бы он поступил сам, а поэтому иного исхода не ждал. Он считал, что наступил его последний час, и торопливо читал молитву аллаху. Но Таба и не думал разделяться с ним. Он вынул нож изо рта Хафида и, достав тонкий ремень, крепко связал позади руки пленного.

Таба был агитатором по натуре. Он уже не питал никакой вражды к своему пленнику и добродушно шептал тому на ухо:

— Не дрожи. Я тебя не трону. Ну зачем ты полез в эту драку? Кого пришел защищать? Сидел бы в своих горах, пас бы коз, разводил кур, если ты их так любишь. Эта война для тебя уже кончилась. Ну не дрожи. Клянусь аллахом, я тебя не трону...

В развалинах опять прогремел выстрел, на этот раз совсем близкий, и послышались голоса разведчиков. Через невысокий забор соседнего двора перелез старый риф-кабо и побежал к ближайшей купе деревьев. За ним шагах в десяти бежал наш боец-мексиканец Диего, раскручивая над головой свое лассо, с которым не расставался с самого приезда в Испанию. Он остановился на миг и ловко метнул большую петлю, которая, извиваясь, полетела вперед, настигая беглеца. Диего сильно дернул за конец, остававшийся в руках, и петля туго обхватила бежавшего, прижав его руки к телу. Неуловимым движением Диего подтянул к себе пленного, быстро опутал его лассо и повернул лицом вниз.

— Эй, Диего, я тоже поймал одного! — крикнул Таба.

— Тащи его сюда, — смеясь, ответил мексиканец.

Через несколько минут подошли еще два наших бойца. Не хватало только одного, андалузца Гарсиа. Таба посадил своего пленного под деревом рядом со старым рифом и стал рассказывать, как он его выследил и поймал. В это время через забор перелез Гарсиа. Его лицо было в крови. Увидев марокканцев, он бросился к ним с ножом, но Таба перехватил его руку.

— Зачем ты хочешь их убить? Они же пленные, и этого с них пока хватит, — сказал он.

— Всех их надо убивать: они не дают нам пощады!

Попадись к ним, они сразу выпустят тебе кишки, — вылевывая кровь из разбитого рта, шипел андалузец.

— А что случилось, что ты так распалился? — спросил Диего. — Это они тебе разбили морду?

— Да, они. Вот этот, — и Гарсиа показал на старого рифа, — метнул откуда-то свой проклятый нож...

— Ну ладно, хватит, — решил Диего, скручивая одной рукой сигарету.

— Всех мавров надо убивать! — не унимался Гарсиа.

— Ладно, амиго, успокойся. Мы не такие, как они. Мы же солдаты революции. Когда ты поймешь это? — добродушно сказал Таба. Он подошел к андалузцу и осторожно стал стирать куском бинта кровь с его лица. И по мере того как тот успокаивался, продолжал: — Они темные люди. Им надо все объяснить, и тогда они пойдут с нами. Здорово он угодил тебе по зубам.

— Хорошо, что я успел подставить карабин и этим спас свое горло от лезвия. Понимаешь, нож перевернулся, и рукояткой мне высадило четыре передних зуба! — И Гарсиа разжал ладонь, показывая свои выбитые зубы.

— Ладно, брось их. Знаешь, я даже завидую тебе... Все вопросительно посмотрели на Табу.

— Ей-богу, завидую, ребята. Теперь много дней он будет ходить к этой маленькой дантистке-француженке в мадридский госпиталь. — И, обращаясь к Гарсиа, продолжал: — Ты будешь сидеть перед ней, развалясь в кресле, а она будет копать своими пальчиками в твоей разбитой пасти. И это будет каждый день. А потом она вставит тебе красивые фарфоровые, нет, стальные зубы... Ах, как хорошо от нее пахнет, от этой маленькой французской девчонки!

— А ты откуда знаешь? — успокаиваясь, спросил Гарсиа. На его разбитом лице появилась улыбка, скорее похожая на гримасу.

— Знаете, амигос, она мне очень нравится. Вот я и пошел к ней, подвязав зубы платком.

— Ну и что, вылечила она тебя? — спросил Карлос.

— Она быстро узнала, что... и прогнала меня. — Все дружно захохотали, а Таба, не смущаясь, продолжал: — Зато пять минут я видел ее совсем близко... Ее каштановые волосы касались моего лица. Эх, ребята, когда же кончится война и мы вернемся к своим подружкам?

Никто больше не смеялся. Каждый из нас вспомнил

в эту минуту чьи-то милые глаза и ласковые руки, кого-то на далекой родине...

Старый риф молча сидел, глядя в землю, ставшую под лунным светом пепельной. Луна стояла уже высоко, и тени укоротились. Молодой пленный все еще не мог понять, почему этот невысокий, кривоногий в марокканском бурнусе не только не убил его, но и не дал убить другому, тому худому, злему парню с разбитым лицом.

Я приказал бойцам разойтись и дать по несколько очередей из пулеметов, чтобы продемонстрировать противнику, что на позициях анархистов ничего не изменилось. В нескольких домах мы разожгли очаги, и струйки дыма медленно потянулись к безоблачному небу, отчетливо вырисовываясь в свете луны.

Оставив трех бойцов в деревушке наблюдать за противником и взяв пленных в свою машину, мы тронулись в обратный путь.

У развилки дороги, где стоял наш отряд, теперь набралось сотни три анархистов, и еще к ним подходили небольшие группы беглецов. Мы подошли к ним и, указывая на своих пленных, сказали, что марокканцы и не думают наступать, а эти двое, захваченные нами, лишь разведчики. Толпа, вплотную стоявшая вокруг нашей машины, молча рассматривала марокканцев, никак не реагируя на наши слова. В сторонке, в нескольких шагах, стояли Гриша и комиссар Перегрин, метрах в двадцати от них — все остальные наши люди с броневичками и танкетками.

К нам протиснулся Перегрин, стал на подножку нашей машины и обратился к анархистам.

— Товарищи, — начал он, — противник еще не разобрался в том, что вы оставили свои позиции, поэтому надо быстро вернуться назад и быть готовыми к бою...

Но скрывавшиеся в толпе подстрекатели делали свое черное дело. Заглушая голос Перегрин, они стали громко требовать, чтобы всех пропустили в тыл. Эти требования поддержали другие, и толпа грозно загудела, но все же выпустила нас, дав возможность присоединиться к своим.

Я рассказал Григорию о том, что видел в деревне, и предложил, пока не поздно, послать в деревню хотя бы взвод: все же надо еще попытаться уговорить их.

— Это бесполезно. Они не вернутся, — убежденно ответил Григорий.

— Что будем делать?
— А то, что делают на фронте, когда часть предательски бросает свои позиции. Не хотят по-хорошему, заставим силой! — решительно проговорил Сыроежкин.

Стоявший рядом с ним Перегрин жестом дал понять, что попытается еще раз поговорить с анархистами. Григорий кивнул в знак согласия, хотя по его виду можно было судить, что в успех он не верит.

Перегрин был послан в отряд Мадридским комитетом партии, и мы все очень скоро полюбили этого обаятельного мадридского рабочего. Немногим более тридцати лет, среднего роста, крепыш, с приятным округлым лицом, милой, застенчивой улыбкой, он обладал большим мужеством, непреклонной волей и храбростью. Это был, если так можно сказать, комиссар по натуре, который в самой сложной обстановке всегда действовал личным примером. После поражения испанской революции Перегрин приехал в Советский Союз. Во время Великой Отечественной войны он сражался в одном из наших партизанских отрядов, в тылу у гитлеровцев, а после ее окончания вернулся на подпольную партийную работу в Испанию и там погиб в фашистском застенке.

Итак, Перегрин направился к толпе шумевших анархистов. Вначале был слышен лишь его негромкий голос. Но вскоре толпа вновь зашумела, все громче и громче. Не спеша он прошел два десятка метров, отделявших толпу от наших людей. Подойдя к Григорию, он развел руками, давая понять, что попытка оказалась напрасной. Со стороны анархистов теперь раздавались громкие, угрожающие выкрики, их винтовки и пистолеты были направлены в нашу сторону.

В такой обстановке наше положение было исключительно сложным. Отважиться на решительные действия было совсем нелегко: дело связано с кровью... Но ведь перед нами были нарушители воинского долга! Если бы мы были наемниками, подобно головорезам из иностранного легиона Франко или из отряда русских белогвардейцев, также воевавших на стороне мятежников и интервентов, нам было бы наплевать на то, как действуют другие. Но мы пришли по просьбе республиканцев и считали себя частью испанской республиканской армии! Судьбе было угодно, чтобы наш маленький отряд, кстати, в большинстве состоявший из испанцев, оказался на пути людей, предательски обманутых и бегущих с фронта. Последствия этого бегства, вызванного

политическими интригами анархистов, могли быть трагическими. Что же оставалось нам делать? Сыроежкин принял решение и, что самое главное, принял его быстро. Анархистов было значительно больше, они явно готовились напасть, несмотря на имеющиеся у нас броневики и танкетки. Но и франкисты каждую минуту могли двинуться в образовавшуюся после бегства анархистов брешь, применив танки и авиацию. Никаких резервных частей в этом районе не было: все силы уже введены в бой. Я вопросительно смотрел на Григория. Он заменил короткую обойму в своем маузере на длинную, двадцатипятизарядную, вставил капсули в две гранаты-лимонки и отдал последнее распоряжение двинуть бойцов отряда в обход толпы анархистов.

Увидев наше движение, анархисты первыми открыли огонь. В одно мгновение все смешалось. Полтора ста бойцов нашего отряда приняли на себя этот неорганизованный, бешеный натиск вооруженной толпы. Послышались выстрелы, разрывы гранат, крики и вопли. Кровь потекла по асфальту. С маузером и гранатой в руках Григорий своим богатырским ростом возвышался над толпой.

Схватка была короткой. Броневички и танкетки дали нам преимущество.

На войне в Испании — в боях под Гвадалахарой, Теруэлем и на Эбро — всякое мне пришлось видеть. Но эта короткая схватка была особенно впечатляющей.

Анархисты сдались. Их вожаки и подстрекатели бежали. Наши люди стали строить солдат анархистской дивизии в колонну и немедленно отправлять обратно на покинутые ими позиции. В это время бойцы отряда хоронили наших убитых и готовили раненых к отправке в мадридский госпиталь.

Гриша приказал оставить на дороге и тропинках заслоны из броневичков и танкеток, а остальным отойти в Тореладонес и там ждать дальнейших указаний на тот случай, если анархисты вздумают вновь бежать. На пути в Тореладонес мы встретили несколько машин. Это Мера со своим штабом возвращался на фронт. Я не знаю, или его перехватили, или он откуда-то скрытно наблюдал за тем, что происходило на дороге, а возможно, получил указание от вожаков ФАИ *. Но он вернул-

* ФАИ — Федерация анархистов Иберии.

ся в дивизию и приступил к командованию. Наступать его дивизия так и не начала. В других условиях такого комдива, несомненно, сменили бы и отдали под суд. В сложной и путаной обстановке, царившей тогда на республиканской территории, анархисты все еще представляли некоторую силу, под их влиянием оставалась часть рабочих и крестьян, а в распоряжении их главнейшей имелось несколько вооруженных дивизий.

Весь день мы пробыли в этом районе, опасаясь еще какой-либо провокации со стороны анархистов. Ночью, по пути в Мадрид, мы проехали уснувший Тореладонес, где, прижавшись к домам, стояли вереницы машин и одинокие фигуры часовых бродили по улицам.

На окраине, в редкой оливковой рощице, горел костер, освещавший своим танцующим пламенем уродливые стволы старых олив, людей, сидевших вокруг костра, и стоявшую в стороне машину. В котелках варились рис и кофе. Таба сидел между пленными, поджав ноги. Все курили и слушали молодого марокканца Хафида — он рассказывал о себе.

— Выпьем с ними кофе, — сказал Гриша и подсел к костру. Мы выпили по кружке и поехали дальше, захватив с собой Табу. С присущим ему юмором он пересказал по пути нам то, что услышал от Хафида.

Мы продолжали путь к Мадриду, спускаясь все ниже. Вот промелькнули наполовину разрушенные улицы Баррио де Тетуан возле северных предместий столицы. Здесь на каждом шагу попадались обгоревшие остовы домов, разрушенных воздушными бомбардировками. Начинался суровый Мадрид. Проезжая пустынными улицами, мы то погружались в густую тень, то попадали на ярко освещенные солнцем участки. Из подъездов домов несло устоявшимся запахом прогорклой асейты*. Этот запах оставался, даже когда люди покидали дома.

Еще несколько минут — и вот мы дома, в отеле «Гэйлорд».

Первое, что мы узнали, войдя в подъезд, — нас срочно хочет видеть главный военный советник, командарм 2-го ранга Г. М. Штерн, которого в Испании называли Григоровичем. Выслушав нас, Григорий Михайлович сообщил, что вожаки ФАИ заявили «решительный протест» против якобы беспричинного нападения на-

* Асейта — оливковое масло (исп.).

шего отряда на один из батальонов 14-й анархистской дивизии. Пока еще никто не разобрался в истинных причинах этого дела, анархисты пытались таким путем прикрыть провокационное бегство своих людей с фронта. Они требовали выдать им «виновных» для сурового наказания и не останавливались перед прямыми угрозами разделаться самим, если их требование не будет выполнено.

— Я думаю, — сказал Штерн, — что будет лучше, если вы оба на время уедете из Мадрида или, еще лучше, из Испании. А пока штаб Центрального фронта разберется в этом деле и неопровержимо докажет вину анархистов. Уезжайте, это необходимо для вашей личной безопасности.

В рядах анархистов было много уголовников, грабителей, настоящих гангстеров и профессиональных убийц. Толпы их вливались в анархистскую партию, воспользовавшись революцией, чтобы легализоваться и получить в руки оружие. Они не раз уже покушались на прославленных командиров-коммунистов, лучших военачальников республиканской армии.

История событий 1936—1939 годов в Испании уже насчитывала множество предательских актов со стороны анархистов. В ночь возвращения в Мадрид из-под Брунете мы вспоминали, как в октябре 1936 года из Каталонии «спасать Мадрид» прибыла трехтысячная колонна анархистов под командованием Буэнавентура Дурутти. С шумом и треском, под звуки оркестра прошла она по улицам Мадрида. Анархисты шли с таким видом, как будто уже разбили франкистов, обратили их в бегство и спасли Мадрид. Они потребовали поставить их на самый ответственный участок обороны столицы. К счастью, командование этого не сделало. Через три дня колонна анархистов позорно бежала с фронта под давлением марокканцев, а Дурутти, пытавшийся их остановить, был ими же убит. Дурутти — сторонник единства с коммунистами. Мне почему-то кажется, что он мог прийти к коммунистам, как это сделали многие другие, чей революционный путь в силу специфики испанской революции лежал через анархизм.

И это не единственный случай предательства. Два месяца назад, в мае 1937 года, 1500 анархистов и 1000 троцкистов из 29-й дивизии ПОУМ*, снявшись с

* ПОУМ — каталонская организация троцкистов.

фронта, пришли в Барселону и начали вооруженное восстание против республиканского правительства и коммунистов. Двое суток в городе шли ожесточенные бои путчистов с правительственными войсками. И за этот короткий срок на улицах города было убито 950 человек и 2600 ранено!

Бегство же 14-й анархистской дивизии на фронте под Брунете было еще одним крупным предательством анархистов.

Итак, нам ничего другого не оставалось, как подчиниться приказу и уехать из Испании.

На рассвете на маленьком двухмоторном английском самолете «супер-драгон» мы поднялись с аэродрома Алькала де Энарес. Славный круглолицый летчик Веревко чуть ли не на бреющем полете вывел самолет к побережью и, минуя Валенсию, направил его на север.

Еще через два часа мы произвели посадку на аэродроме Сабадель, на каталонской базе наших летчиков вблизи Барселоны, и оттуда на автомобиле продолжили путь к французской границе.

За уже знакомым пограничным туннелем, на первой французской станции Сербер, мы ждали вечернего поезда на Париж. Ни солнечный день, ни яркие краски безмятежного мирного французского городка не рассеяли нашего мрачного настроения. Мы думали о том, что, быть может, в Париже нас ожидает приказ вернуться в Москву. Как в Центре посмотрят на историю с 14-й анархистской дивизией? Обстановка в Испании оставалась сложной и неясной.

С такими мыслями утром следующего дня мы прибыли в Париж. Небольшой отель «Монталюмбер», недалеко от советского посольства, встретил нас скромным уютом. Мы сразу же отправились в посольство. Никаких распоряжений там пока не было. И все же беспокойство не покидало нас. Что будет завтра?

Жизнь во Франции, в Париже, представляла разительный контраст с суровой обстановкой в Испании и особенно в осажденном Мадриде. Нам казалось, что все французы веселы и безмятежны. Изобилие продуктов и витрины магазинов, заполненные всевозможными товарами, говорили о богатстве страны, уверенной в своем благополучии и безоблачном будущем. Но это было только внешнее впечатление. Прогрессивные люди

Франции, прежде всего коммунисты, настойчиво предупреждали, что победа фашизма в Испании таит для Франции огромную опасность. Правительство социалиста Леона Блюма не хотело понять этого. Оно не пропускало в Испанию вооружение, идущее из Советского Союза, и тем самым способствовало победе Франко и германо-итальянских интервентов. Пройдет всего три года — в июне 1940 года Франция будет побеждена гитлеровской Германией, Париж — оккупирован. Но в августе 1937 года, когда мы с Григорием оказались в этом шумном городе, мало кто предполагал такое.

Изобилие, сытость и беспечность Франции произвели на нас тогда гнетущее впечатление. Мы не могли отделаться от чувства неловкости, ведь недалеко отсюда была покинутая нами Испания, объятая огнем ожесточенной войны, голодная, страдающая, истекающая кровью...

Почти все дни мы проводили в отеле, валяясь на постелях и мучительно стараясь предугадать: вернемся мы еще в Испанию или нам прикажут ехать домой. С тайной дрожью каждое утро мы направлялись в посольство осведомляться о новостях. Но их не было. Так шли дни за днями. Не забыли ли про нас?

Наконец на седьмой день пребывания в Париже в посольстве нам сообщили, что мы можем вернуться в Испанию. Меланхолическое настроение улетучилось в одно мгновение. Мы помчались в ближайшее транспортное бюро и купили билеты на вечерний поезд, идущий в Сербер. Затем в гастрономическом магазине закупили большое количество консервов, копченых колбас, сахара и конфет — всего того, чего так не хватало в Мадриде. Нужно было вернуться в отряд с гостинцами.

Поезд с вокзала Ке д'Орсэ отходил в одиннадцать часов вечера. Мы сразу приехали на вокзал и, заранее загрузив купе покупками, легли спать. В полночь я проснулся и увидел, что Гриша не спит, курит. Не спалось и мне, возвращение в Испанию волновало нас, мы не могли дождаться границы. Вот и Сербер в лучах ослепительного солнца. За туннелем — в городке Портбу, у перрона нас ждал Пако со своим «паккардом». Мы вновь помчались по дорогам Испании.

Еще через день я опять был в Мадриде среди бойцов отряда и слушал их рассказы о том, что произошло за время нашего отсутствия.

Случилось так, что в Испании встретились Григорий Сыроежкин и Лев Савинков, сын того самого Бориса Савинкова, борьба с которым составила одну из самых ярких страниц биографии молодого Григория.

Среднего роста, аккуратно скроенный, стройный, со строгим лицом, украшенным выразительными, немного грустными глазами, с тонко подстриженными на испанский манер усиками, Лев Савинков проявлял в работе отвагу и ум. Не без участия Григория он получил офицерский чин и с достоинством носил офицерскую форму капитана испанской республиканской армии.

Иногда втроем мы засиживались за вечерней трапезой. Я был единственным человеком, знавшим, что связывает этих двух людей.

Однажды молодой Савинков задумчиво сказал:

— О моем отце говорят разное. Но он был не из трусливого десятка...

— Да, храбрости ему было не занимать, — заметил Григорий, думая о чем-то своем. Наверное, о тех далеких и жестоких 20-х годах. Вероятно, что-то мелькнуло в глазах Сыроежкина, потому что Лев спросил:

— Вам случайно не довелось встречаться с ним?

— Нет, не приходилось, — ответил Сыроежкин. — Но слышал о нем много. — Он хотел перевести разговор на другую тему. — Какое это теперь имеет значение!.. Зачем ворошить прошлое? Мы — в Испании. И мы знаем, почему мы здесь... Это главное...

Трудно было придумать более жестокий парадокс: сын сражался в Испании за дело, борьбе с которым отец посвятил свою жизнь. Ведь в одном из писем писателю-белоэмигранту М. А. Арцыбашеву Борис Савинков писал: «Не знаю, как Вам, фашизм мне близок и психологически и идейно...»

Вряд ли об этом знал сын.

В 1937 году Льву Савинкову было, наверное, немногим более двадцати лет. Способный молодой человек многого достиг самообразованием, был начитан и достаточно широко развит. К тому же, несмотря на свою молодость, имел уже поучительный жизненный опыт.

В отрядах 14-го партизанского корпуса такие люди были полезны и тем, что знали несколько иностранных языков: Лев Савинков свободно владел не только французским языком, но и английским, немецким, польским и испанским.

Действия отрядов герильерос в тылу у франкистов,

связанный с этим риск, острота ощущений, по всей вероятности, импонировали наследственным чертам характера Льва.

Он быстро овладел командными навыками, усвоил партизанскую тактику, хорошо изучил подрывное дело и очень умело применял его на заданиях, всегда действуя точно и аккуратно. Но при всем этом был он несколько замкнутым, не очень общительным, держался как-то обособленно и близко не сходиллся с товарищами по отряду.

Держался корректно, не навязывался на дружбу или особую близость — мы оставались с ним на «вы», хотя довольно часто виделись.

Как-то раз Лев заговорил об отце. Он спрашивал, читали ли мы книги «То, чего не было», «Конь бледный» и «Конь вороной», написанные Борисом Савинковым. Сожалея о самоубийстве отца, он говорил, что отец «вольная птица», что он не мог жить взаперти. Дескать, его надо было отпустить.

Лицо Григория сразу стало жестким: он знал цену контрреволюции, белогвардейщине, и ничто не могло примирить его с ними. Разве мог он забыть зверства контрреволюционного подполья савинковщины, друзей, потерянных в схватках с ним?!

Но в Испании к белоэмигрантам, сражавшимся на стороне республики в интербригадах и отрядах 14-го партизанского корпуса, Сыроежкин относился терпимо. Да, терпимо. Не более.

Он понимал, что эти люди, сражаясь за республиканскую Испанию, хотели искупить свои собственные грехи или грехи своих отцов и заслужить этим право вернуться на Родину. Сыроежкин ценил тех из них, кто проявлял храбрость. Их он отмечал, ходатайствовал о присвоении офицерских званий, назначал командирами групп, но делал это возможно незаметнее, чтобы они даже не догадывались, что инициатива исходила от него.

В эмигрантских кругах Франции Льва Савинкова считали талантливым поэтом и способным прозаиком. Он писал стихи по-русски и прозу по-французски.

Однажды на биваке в горах Сьерра-де-Гвадаррамы мы сидели под высокими соснами. Лева стал читать свои стихи. Дышали они мужеством и романтикой.

— Хорошие стихи, — искренне сказал я.

Молодой Савинков поднялся с земли, сделал несколько шагов, потом опять сел и обхватил колени руками.

— Я расскажу вам кое-что из своей жизни... — начал он. — В 1933 году мне удалось получить место шофера на грузовике-бензовозе. Дни и ночи развозил я бензин по заправочным станциям. Каждый из нас имел жесткое расписание. За опоздание с доставкой бензина нас штрафовали, а за лишнюю поездку выплачивали небольшую премию. Вот и носились мы до изнеможения как одержимые, чтобы получить лишний франк.

Кто не умел вовремя остановиться, засыпал за рулем — это приводило или к столкновению с встречной машиной, или грозило опасностью свалиться под откос и сгореть вместе с цистерной. Жестокая гонка день за днем, страшная, изнуряющая жизнь...

Пассажиры шикарных автомобилей, пронесившиеся мимо нас на Лазурный берег, наверное, даже не подозревали о наших мучениях, — продолжал он. — Когда мои глаза начинали слипаться и становилось трудно бороться с непреодолимым желанием заснуть, несмотря на то, что цистерна мчалась на скорости восемьдесят километров в час, я съезжал на обочину, останавливал машину и бросался под нее, чтобы моментально заснуть хотя бы на полчаса и вновь обрести ясное зрение.

Так продолжалось изо дня в день, месяц за месяцем. Рев мотора я слышал даже, когда попадал домой и засыпал в своей постели. Этот рев, казалось, вошел в мой мозг... Многие завидовали мне... В те годы во Франции было много безработных. Особенно среди эмигрантов и иностранцев. Но я не мог больше тянуть эту каторжную лямку... Я нашел новую работу. Я стал шофером у богатого француза, владельца крупных предприятий и плантаций в колониях. Теперь я сидел за рулем сверкающей лаком легковой машины. Мой рабочий день начинался поздно, когда просыпался патрон. Часами я ожидал его у подъездов, имея возможность читать и даже писать. По вечерам я отвозил хозяина в клуб или еще куда-нибудь и опять допоздна ожидал его.

В первый месяц работы мне не было сделано ни одного замечания, но заплатили меньше, чем прежнему шоферу. Мое самолюбие было задето, но я не стал спорить с мажордомом, выплачивавшим жалованье домаш-

ней прислуге. Я выжидал, и когда мне показалось, что патрон пребывает в благодушном настроении, спросил его, доволен ли он моей работой. «Вполне. Вы управляете машиной даже лучше прежнего шофера», — сказал он мне. «Прошу прощения, месье, почему же мне платят меньше, чем платили ему?» — «Потому что вы, по крайней мере, на двадцать пять лет моложе его, а большое жалованье только испортило бы вас... Впрочем, если вас не устраивает жалованье, вы можете в любое время получить расчет!..»

Я ушел от него и долгие дни был безработным.

Лев Савинков замолк. Что стояло за этим молчанием, можно было лишь догадываться.

...За несколько месяцев до окончания войны в Испании, осенью 1938 года, мы помогли ему вернуться во Францию. И опять главную роль в этом сыграл Григорий Сыроежкин. Но Лев не знал об этом, да и не должен был знать.

Впереди у нас была еще одна встреча. В один из последних дней пребывания в Париже, в марте 1939 года, возвращаясь домой из Испании, я шел под аркадами старинных зданий, обрамляющих Вандомскую площадь. Еще издали, недалеко от входа в фешенебельный отель «Риц», заметил газетный киоск и, подойдя к нему, стал рассматривать разложенные на прилавке журналы. Отобрав несколько из них, я протянул продавцу деньги, не глядя на него. Когда его рука вернула мне сдачу, я поднял глаза. Передо мной стоял Лев Савинков, с которым я расстался несколько месяцев назад в Испании. Теперь отважный боец 14-го партизанского корпуса испанской республиканской армии продавал на улице газеты, чтобы заработать себе на хлеб.

Спустя много лет в одном из полученных мною писем бывший эмигрант Георгий Шибанов, сражавшийся в одной из интернациональных бригад в Испании, позже возглавлявший боевую организацию Сопротивления во Франции, которая называлась «Союз русских патриотов», писал мне, что в его отряде был Лев Савинков. В дни знаменитого парижского восстания в августе 1944 года Лев входил в группу, поднявшую красный флаг над зданием советского посольства в Париже на улице Гренель. Значит, он продолжал идти по пути, начатому в Испании.

НОВОГОДНЯЯ ВСТРЕЧА С ЛЕГИОНОМ «КОНДОР»



В очередной раз Григорий появился у нас в Мадриде в декабре 1937 года. На Леванте, под Теруэлем, шли ожесточенные бои.

Как всегда, за Сыроежкиным шел его молчаливый шофер Пако. Он поставил сумку с продуктами на стул у двери и обменялся с Гришей немymi жестами, как в пантомиме. Мы извлекли из сумки французские консервы, вино и галеты.

— На обед у вас, наверное, опять артиллерийский мул? — не без иронии спросил Гриша.

Он был недалек от истины. Мадрид находился на голодном пайке. На кухню «Гэйлорда» нередко поступали туши мулов, которые уже не могли таскать пушки в артиллерии. Бифштексы из мяса этих животных были похожи на подметки от старых сапог. Однако мы находили их вкусными. Иногда удавалось достать в деревнях барана, и тогда мы устраивали настоящие пиршества.

После обеда Гриша попросил карту и, расстелив ее на столе, стал изучать территорию к востоку от Мадрида.

— Сколько до Бриуэги? — спросил он.

— Примерно девяносто километров...

Он посмотрел на часы.

— Поехали. Берем твою машину.

— Сколько возьмем людей?

— Двух автоматчиков — Табу и Чико. Продукты на три дня...

Через полчаса мы тронулись в путь, заехали в предместье Лас-Вегас, где размещался отряд, захватили двух моих постоянных попутчиков и помчались по дороге на Гвадалахару.

За Алькала-де-Энарес мой шофер матрос Пинент снял глушитель, и мощный лимузин взревел как само-

лет. Дорога к этому фронту, тихому после разгрома итальянского корпуса в марте, была пустынной. Почти не сбавляя скорости, мы проносились мимо населенных пунктов. Проехали Гвадалахару и за Торихой повернули направо.

Часам к четырем дня прибыли в Бриуэгу и медленно покатали по ее главной улице, спускавшейся полукругом вниз, ко дну долины. Городок был основательно разбит, когда из него вышибали итальянцев. Но часть жителей вернулась к родным очагам, уже чувствовалась жизнь в этом городе, отдаленном от передовых постов фронта всего на несколько километров.

На Гвадалахарском фронте стояли две анархистские дивизии: 14-я под командованием уже известного Мера, одного из вожаков ФАИ (она была переброшена сюда, на спокойный участок фронта, после предательского бегства под Брунете), и 33-я — под командованием некоего Морено. Конечно, нам не хотелось опять встретиться с Мера. И поскольку обе дивизии стояли на флангах одного и того же участка фронта, мы направились на правый фланг, в дивизию Морено.

Доверять анархистам у нас не было решительно никаких оснований.

Особенно насторожили нас сведения о том, что командиры анархистских частей имели указания от ФАИ не ввязываться в бои на фронтах, сохранять личный состав и вооружение своих частей. По замыслам деятелей ФАИ, сразу после подавления мятежников Франко, когда коммунисты будут обескровлены и ослаблены, анархистские части должны были выступить, чтобы захватить власть в стране и установить свой режим.

И все же Григорий приказал ехать в штаб 33-й дивизии. Что же он задумал на сей раз?

Я рассказал Григорию о Морено, что знал. Этот человек, хотя и был интеллигентен с виду, производил двойственное впечатление. Трудно было определить, кем он был до войны, но одно ясно — не военным. О своей жизни предпочитал помалкивать. Знакомые мне командиры тоже ничего определенного о его прошлом сказать не могли. За год пребывания на посту командира дивизии, по-видимому, он все же набрался «военного духа». Своих подчиненных держал в руках, и распушенности в его подразделениях не чувствовалось, хотя установить даже относительный воинский порядок среди анар-

хистов было делом нелегким. Морено, видимо, был человеком волевым, достаточно тонким и хитрым, хотя внешне производил впечатление типичного меланхолика.

Когда я впервые приехал к нему, чтобы выяснить возможность перехода группы на участке его дивизии, у меня не было уверенности в том, что он согласится. Пускать через свои линии людей из разведывательно-диверсионных отрядов, да еще когда ими командуют русские добровольцы, по мнению некоторых командиров, было делом, чреватым неприятностями, ведь это могло вызвать ответные действия противника. Но в тот первый раз Морено не возражал против нашего рейда и лично проводил нас на участок одного из батальонов, чем избавил от разговоров и объяснений с другими его подчиненными. На этот раз он так же сдержанно-приветливо встретил нас, как и прежде.

Правый фланг Гвадалахарского фронта, занимаемый 33-й дивизией, упирался в обширную пустынную местность Альбаррасин, отделявшую Новую Кастилию от Арагона. Эта гористая пустыня без рек и лесов находилась в центре Пиренейского полуострова. Она тянулась примерно на 150 километров с северо-запада на юго-восток и в ширину занимала пространство не менее 60 километров. За ней простирался тыл Теруэльского фронта противника. Вдоль западной границы Альбаррасина в редких селениях стояли небольшие посты республиканцев, а со стороны противника такие же посты находились на востоке.

Вот где-то здесь Григорий и решил перебросить группу из Мадридского отряда, чтобы понаблюдать за движением войск противника в тылу Теруэльского фронта, постараться захватить на ночных дорогах автомашину с офицерами, а если окажется возможным, то и совершить диверсию на одном из полевых аэродромов германского легиона «Кондор», активно действовавшего против наших частей.

Не доверяя анархистам, Григорий хотел скрыть смысл этой трудной операции от Морено, а поэтому решил группу в 12 человек доставить из Мадрида в намеченный им пункт на границе Альбаррасина, минуя Бриуэгу.

А пока мы были гостями Морено. В первый вечер отправились в город. Сгущались сумерки. Шел снег. Спустившись по улице, мы подошли к мрачной громаде ста-

ринного собора. Двери храма были открыты, за ними густел бархатный мрак, доносились приглушенные звуки органа. Мы вошли и остановились в нескольких шагах от двери. Под стертymi плитами пола была могила какого-то испанского поэта. Пахло пылью и плесенью. От стен храма веяло холодом. Над нами, на высоких хорах, едва мерцал слабый огонек церковной свечи, не разгонявший густого мрака. Невидимый органист играл медленный, торжественный хорал, и звуки его как бы плыли и почти зримо наполняли черную пустоту церкви. В паузах слышались тяжелые вздохи больших, как в кузнице, мехов, гнавших воздух в свирели древнего, охрипшего органа. Гриша молча слушал музыку, подняв голову к мерцавшему огоньку свечи...

Потом мы шли по совсем уже темным улицам в штаб, где Морено ждал нас с ужином.

— Хорошо он играет, душу берedit, — проговорил Григорий, когда мы подошли к штабу.

Прошло два дня.

28 декабря ночью отправленный в отряд шофер Пинент привез сообщение, что группа сосредоточена на указанном Гришей месте. Мы распрощались с Морено и направились в Саседон, сказав, что едем в Валенсию. Но у Саседона свернули на Алькосер, а оттуда — на север и, проделав трудный путь по узкой горной дороге, к вечеру достигли последнего пункта: деревушки Заорехас, у которой кончалась дорога, вернее, тропа. Дальше начиналась путаница невысоких голых гор Альбаррасина. Для наших бойцов-испанцев, в большинстве южан, суровая зима и мороз, достигавший 20 градусов, были непривычными. Но и бойцам-интернационалистам ненамного легче. У нас в отряде, как и во всей испанской армии, отсутствовало подходящее зимнее обмундирование. Григорий все это видел. В ночь перед выступлением группы в поход он говорил бойцам:

— Чтобы не замерзнуть в этой пустыне, шестьдесят километров надо пройти с короткими остановками, а лучше совсем без них. Для этого надо плотно поесть. Так мы делали в гражданскую войну в России, а у нас зимы посуровей, морозы достигали сорока градусов...

В большом камине крестьянского дома мы зажарили на вертеле жирного барана, половину съели, а остальное группа взяла с собой. По приказу Сыроежкина все густо смазали лица бараньим жиром, во флажки на-

лили коньяк, благо в Испании при нехватке продуктов вина всегда вдоволь.

Плотная еда, коньяк согрели людей и, предводительствуемая неутомимым Табой, группа бодро тронулась в путь.

За околицей обрушились порывы ледяного ветра, крутилась поземка, и в предрассветном сумраке впереди не было видно ни гор, ни неба — все сливалось в сплошную белесую завесу. Вскоре группа из двенадцати человек скрылась, растаяв в снежной пустыне.

Григорий, два наших шофера, автоматчик Карлос Пинтадо, и я остались в Заорехасе, к радости нескольких солдат здешнего поста, почти одичавших в покинутой жителями деревушке.

Два дня и две ночи ждали мы возвращения группы. Время тянулось медленно. В подслеповатое окошко каменной хижины виднелись бесконечные заснеженные холмы Альбаррасина, и негде было остановить взгляда на их унылых склонах.

Сидя у большого крестьянского очага-камина, в котором горели дубовые чурки, мы с наслаждением погружались в воспоминания. Была неизъяснимая прелесть в том, чтобы говорить о далекой Родине. Как всегда в такие часы, Чико играл на гитаре.

Вот уж не могу вспомнить, когда именно услышал от Григория о его «северной одиссее». Но, перебирая в памяти все события нашей жизни в Испании, думаю, что скорее всего там, в занесенной снегом испанской деревушке, чем-то напоминавшей наш север, рассказал он эту захватывающую историю.

Конечно, рассказ его был без подробностей, к тому же спустя тридцать с лишним лет не все сохранила и моя память. Но в 1966 году, когда в «Комсомольской правде» я опубликовал очерк о Сыроежкине, в редакцию написал человек, оказавшийся участником той двухлетней экспедиции в Якутию. Это был Борис Александрович Леванов. А когда я заканчивал работу над этой книгой и две главы из нее были опубликованы в журнале «Молодой коммунист», на публикацию отозвались два чекиста, работавших в Якутии в послевоенные годы. Любомир Жженых и Виктор Фролов — люди молодого поколения. Им не довелось быть соратниками Григория Сыроежкина, но о его делах они знали из рассказов якутских старожил и не очень уж богатых материалов, сохранившихся в архивах.

Эти три человека дали возможность полнее восстановить забытые страницы истории участия Григория Сыроежкина в становлении Советской власти в Якутии.

Но многие подробности его «северной одиссеи» так и остались неизвестными.

«СЕВЕРНАЯ ОДИССЕЯ»



Всякое было в судьбе Григория Сыроежкина: жесточайшие схватки с бандитами, сложные ситуации в стане врагов, горечь потери близких друзей. Он был готов ко всему. Кроме одного, пожалуй: что жизнь потребует от него стать... исследователем-географом, экономистом и даже полярником. Все это ему пришлось освоить в Якутской экспедиции. Этот двухлетний период занимает особое место в сложной и многообразной биографии Сыроежкина.

На севере Якутии в 1918—1924 годах словно существовал некий обособленный мир. Обстановка там напоминала ту, что описал Джек Лондон в своих рассказах об Аляске. Героями их были или честные и сильные люди с высоким представлением о долге, или отчаянные авантюристы, которые вступали в борьбу с суровыми силами природы, но всегда были одиночками, действовавшими на свой страх и риск. Ими руководила жажда наживы, их влекло золото, ради которого они ставили на карту жизнь. «Поймать быстроекрылую фортуна», разбогатеть, а затем вернуться из ледяного ада в благодатный, мягкий климат южных краев и зажить там безмятежной жизнью, в богатстве и довольстве — это было пределом их мечтаний.

Да, природа Северной Якутии, суровая и неумолимая, и прежняя жизнь напоминали Аляску. Но новые люди, люди советского времени, были иными. Они пришли сюда, преодолевая величайшее физическое и мо-

ральное напряжение, подвергаясь смертельной опасности ради высоких революционных идеалов. Никто из них не думал о золоте, хотя оно лежало у них под ногами. Это была особая, новая порода людей, рожденных революцией.

Григория Сыроежкина послали туда бороться с контрреволюционным повстанчеством и бандитизмом, все еще существовавшими там, подобно тлеющим углям уже потушенного пожара. Предшественники Сыроежкина, действовавшие в этих районах, часто не были искушены в тонкостях чекистской работы и шли напрямик. Но метод открытых военных действий был малоприменим в этих условиях.

На обширной, еще мало исследованной и труднодоступной территории Якутской Автономной Советской Республики, покрытой горами, дремучей тайгой и болотистой тундрой, установление нового порядка было сопряжено с огромными трудностями и преодолением яростного сопротивления местных контрреволюционных элементов. Разгоравшаяся в то время в Якутии ожесточенная классовая борьба являлась продолжением Великой Октябрьской революции. В ней было множество героических эпизодов, она была проникнута революционным пафосом и романтикой.

В то время обстановка благоприятствовала местным контрреволюционерам. Промышленность в Якутии была развита слабо. Все товары и продовольствие были привозными. Пролетариат — малочисленным. Тем не менее он вместе с красноармейскими отрядами и чекистами из Центра боролся за упрочение Советской власти. Мало было в Якутии собственной интеллигенции. Да и происходила она из среды купечества, служителей культа и кулаков — тойонов*.

Эти люди оказывали заметное влияние на местное население, особенно в отдаленных районах и на транспортных магистралях по притокам Алдана. Там обосновалось немало богачей, владевших большими стадами оленей и табунами лошадей, занимавшихся извозом и сплавом грузов, доставляемых в Аян и Охотск, переправляемых через Нелькан и Оймякон в Якутск и на Индигирку.

Передвижение в этих местах больших или малых отрядов без поддержки местного населения было не-

* Тойоны — вожди племен.

возможно, как было невозможно и сохранить в секрете их маршруты.

Население находилось в долговой кабале у купцов и тойонов. Кочующие тунгусы, эти честные и наивные охотники, привозили меха в уплату долгов своих дедов детям бывших купцов, не имевшим понятия об этих долгах. При этом тунгусы еще просили простить их за то, что не вовремя возвращают долги. Такая психологическая зависимость от кулаков и купцов зачастую не давала возможности даже сочувствующим Советской власти беднякам вставать на ее защиту.

Белогвардейские бандиты то там, то здесь поднимали восстания. Купцы Яныгин, Юсуп Гамбаров, Филиппов, Борисов и другие содержали даже свои вооруженные отряды. Контрреволюционное движение поддерживали и финансировали купцы-миллионеры Кушнарев, Никифоров и другие.

В 1923 году организованные банды в основном удалось ликвидировать, но некоторые офицеры сумели бежать и скрыться в тайге, в более северных широтах Якутии, по притокам рек Индигирки и Колымы. Каждую весну с наступлением распутицы, когда разливались реки, им удавалось поднимать часть населения на восстания. Они уже, конечно, не задавались целью свергнуть Советскую власть во всей Якутии и захватить Иркутск, но занимались убийством представителей власти, грабежами и насилиями.

С наступлением зимы, когда становились реки и открывался санный путь, правительство присылало красноармейские отряды для ликвидации банд. Но главаря опять скрывались в тайге и гористых местностях. А когда красноармейцы, прервав безуспешную погоню, возвращались в Якутск, бандиты, бывало, нападали на них из засад.

29 февраля 1928 года Григорий Сыроежкин появился в Верхоянске, возглавляя Северную оперативную группу. В его распоряжении было совсем немного людей.

Внимательно изучал он историю края, страницы гражданской войны в Сибири.

...Вскоре после разгрома Колчака, когда 5-я Красная Армия разбила и изгнала остатки армии адмирала из ДВК, якутские националисты рассчитывали на помощь со стороны Японии. Они послали туда священника Сивцева, слывшего искусным дипломатом, просить

японского императора установить протекторат над Якутией, обещая «пристегнуть» к ней и все побережье Охотского моря, хотя оно и не входило в ее территорию. Но так как в Охотске уже была Советская власть, дипломатического делегата нужно было отправить нелегально. Поп Сивцев был так мал ростом, что его спрятали в угольный мешок и погрузили на японский пароход, стоявший в Охотске на рейде. Но японская военщина была уже по горло сыта безуспешной борьбой с партизанами и незадолго до приезда Сивцева эвакуировала свои войска из Сибири.

Миссия попа оказалась безрезультатной. В это время в Хабаровске с группой преданных ему офицеров отсиживался колчаковский генерал Пепеляев, выдававший себя за поборника народа, якобы несогласного с репрессивной политикой Колчака в отношении крестьян. Якутские повстанцы во главе с эсером Куликовским решили пригласить Пепеляева в качестве военного руководителя. Они уверяли его, что вся Якутия охвачена восстанием и только ждет опытных офицеров, могущих взять на себя руководство движением, чтобы окончательно сбросить Советскую власть. Так совместно с Пепеляевым был разработан план высадки на Охотском побережье, где по правым притокам Алдана действовали банды Яныгина, Коробейникова, Артемьева, Гамбарова и других. Их целью было спуститься вниз по течению и захватить Якутск, потом подняться по Лене и взять Иркутск, где эсеры подготавливали восстание.

Пепеляев ухватился за это предложение. В Харбине и Владивостоке было наберено еще некоторое количество авантюристов из армии Дидерикса, который созвал во Владивостоке земский собор из числа разгромленных в Сибири белобандитов и всякого сброда. На этом соборе было постановлено восстановить в России монархию.

Высадившись на побережье, пепеляевцы начали поход на Якутию. Борьба с пепеляевщиной и ее остатками была наполнена многими трагическими эпизодами. Так, против Пепеляева был двинут красноармейский отряд под командой красного командира Строды. Он двигался к Нелькану, главной базе бандитов. Но Строда не мог получить достоверных сведений о противнике, и войска белобандитов во главе с самим Пепеляевым, генералами Вишневым, Ракитиным и другими окружили отряд Строды и несколько недель держали его в осаде. Рас-

стояние между осажденными и атакующими дошло до 30 метров. Отряд Строды нес большие потери, но не сдавался, хотя оставался без пищи и воды, без медикаментов и перевязочных средств, без дров, хлеба и без транспортных средств. Пили окровавленный снег, растопленный в котелках, ели мясо павших лошадей, а из замерзших трупов своих бойцов и пепеляевцев строили баррикады. Значительная часть отряда Строды погибла, сам командир был ранен. Положение казалось безнадежным. На неоднократные предложения пепеляевцев сдаться отряд отвечал пением «Интернационала», исполняемым под гармошку, и вывешивал красное знамя с портретом Ленина. Оставшиеся в живых бойцы решили, когда враги ворвутся в их расположение, взорвать себя вместе с ними. Для этой цели в погребе последней обороняемой избы они сосредоточили весь запас патронов, гранат и пороха. И так они продержались, пока не пришла помощь...

Внимательно изучив все, что происходило до него, Григорий, конечно, не исключал необходимости вооруженной борьбы с бандитами, но считал, что в первую очередь надо изменить условия, с тем чтобы они не позволяли бандитским вожакам поднимать местное население против власти. Нужно было выбить почву из-под ног бандитов, разрушить веками сложившуюся зависимость от богачей, и тогда кочевые охотники и беднейшее крестьянство полностью встанут на сторону Советской власти.

«Странно, — шутил позднее Григорий, — мне приходилось тогда быть не столько чекистом, сколько экономистом, историком, агитатором...»

...Ночи были длинные... Земля, покрытая чистым, нетронутым снегом, отражала звездный свет и разноцветные сполохи северного сияния. Тайга молчала, лишь изредка от мороза потрескивали стволы деревьев.

Северные олени тащили десятка полтора тяжело нагруженных саней по заснеженному руслу промерзшего до дна одного из притоков Алдана — золотой реки.

Держась за спинку передних саней, бежал высокий, могучий человек в коротком белом полушубке, из-под которого видны были черные кожаные штаны, заправленные в собачьи унты. Длинные уши пыжиковой шапки были завязаны узлом на затылке. На руках —

оленьи рукавицы с большими раструбами, доходившими почти до локтей. Иней от частого и глубокого дыхания оседал игольчатым кружевом по краям ушанки, на бровях и коротко подстриженных усах. Трехлинейный кавалерийский карабин висел поперек груди. Еще был на нем маузер в деревянной колодке, притянутый сбоку поясом, и полевой бинокль в футляре. Так выглядел командир чекистского отряда Григорий Сыроежкин.

Саный караван растянулся длинной цепочкой. На санях сидели, а чаще рядом с ними бежали, спасаясь от лютого мороза, товарищи Сыроежкина. Их было тридцать человек. От оленей, медленно трусивших ровной рысцой, валил пар и, как бы застывая над ними, тянулся туманным облачком. Вековая тайга угрюмо стояла по горным склонам. Местами она чернела непролазным буреломом. Под недавно выпавшим снегом, под легкими провалами угадывались редкие тропки, проложенные в тайге четвероногими, а быть может, и двуногими зверями. Здесь все было возможно...

Каждый раз, заметив такую тропку, Григорий испытующе смотрел на тунгуса-проводника, взятого из стойбища за Нельканом. Но лицо у того было непроницаемым, глаза всегда прищурены. Ничего не прочтешь на этом желто-коричневом лице с задубевшей кожей и множеством тонких морщинок, разбегающихся от глаз. У проводника под оленьим малахаем угадывалось щедрое тело, и ростом он был чуть ли не в два раза меньше Сыроежкина. Однако шел он ходко, привычным беглым шагом, не показывая признаков усталости. Изредка присаживался на сани, чтобы набить свою прямую трубку, благо теперь его кисет был наполнен пахучей махоркой, подаренной этим большим русским начальником.

Свой поход на север Григорий подчинил двум основным задачам: самому изучить обстановку, чтобы найти наиболее действенные и правильные способы изменить ее, и, во-вторых, пресечь деятельность иностранных разведок.

О том, как энергично действовал Григорий Сыроежкин со своим малочисленным, плохо вооруженным отрядом, можно теперь судить лишь по сохранившимся в архивах отрывочным донесениям. Не любил он писать, да и обстановка тяжелой экспедиции не способствовала «разведению канцелярии», как он выражался. За время с 10 марта по 3 апреля со своим отрядом он

побывал в Моме, Абые, Аллаихе, Казачьем и Средне-колымске. Не обошлось без боевых столкновений с белобандитами. 20 марта из Абыя он сообщил в Верхоянск об отправке туда конвоя с шестью захваченными белогвардейцами...

Активные действия Сыроежкина насторожили вожаков-белогвардейцев, и они решили разделаться с ним, как разделялись до него с другими чекистскими отрядами в тайге. За передвижением небольшого отряда неусыпно следили.

Проводник отряда, к которому он безуспешно присматривался, оказался предателем. Он завел отряд в протоку таежной реки, где была организована засада. Исключительная отвага и самообладание чекистов сорвали планы белогвардейских вожаков. Отбив нападение, Григорий оторвался от преследователей и ушел в таежные дебри.

Неизвестно, как вышел он с отрядом из тайги, но вышел и спас своих людей. А в апреле опять был в Аллаиховском районе, теперь уже преследуя более опасного врага — американского шпиона Шмидта.

Гражданская война показала, что отечественная контрреволюция, не имея опоры в широких массах, с первых же своих шагов становилась орудием в руках иностранных империалистов. Белое движение в Якутии не было исключением из этого правила. Разведки США и Японии соревновались в своем стремлении захватить богатую Сибирь, в том числе Якутию с ее золотоносными землями.

Руководителем и организатором американской разведки в Якутии стал бывший офицер царской и колчаковской армий некий Шмидт. Кадровый военный по профессии, авантюрист по натуре, Шмидт как нельзя лучше соответствовал «должности» руководителя резидентуры американской разведки в Якутии. Еще в 1922—1924 годах, выполняя задания американцев на Дальнем Востоке, он проявил себя способным шпионом. В те годы, занимаясь спекуляцией наркотиками, он разъезжал по Якутии, собирая сведения о численности и дислокации красноармейских отрядов, а также вербуя агентов среди купцов и тойонов. Исколесив много районов, он хорошо изучил местные условия и наладил нужные связи среди людей, не успевших бежать за границу.

По намеченному плану Шмидт должен был поднять контрреволюционный мятеж на севере Якутии, укреп-

питься там, а затем с помощью американцев организовать дальнейшее продвижение в глубь Якутии.

В январе 1926 года Шмидт был переброшен на американском военном корабле из Маньчжурии в Японию. Там под руководством американских инструкторов на протяжении пяти месяцев прошел специальную подготовку. Затем его снабдили подложными документами на имя советского гражданина. Это позволило Шмидту устроиться матросом на советский пароход «Красный якут», совершавший заграничные рейсы, и прибыть в Охотск.

Дальнейший путь Шмидта лежал в Абыйский и Аллаиховский районы, где американская разведка рассчитывала создать центр вооруженного восстания. Выбор этих районов был не случайным: для него характерна большая политическая отсталость населения, просветительская работа там только начиналась, влияние Советской власти чувствовалось весьма слабо, к тому же отдаленность и плохо налаженная связь с центром Якутии. По расчетам американской разведки, эти обстоятельства должны были облегчить Шмидту организацию там политического бандитизма. Неграмотность населения и плохое понимание сущности происходивших событий облегчили вовлечение их в борьбу против Советской власти. С военной точки зрения американцы учитывали полное отсутствие дорог и средств связи с этими районами, а это исключало возможность посылки туда из центра значительных вооруженных отрядов для подавления очагов восстания.

Наконец, еще одно весьма важное обстоятельство: Аллаиховский район имел выход к Ледовитому океану. Это давало возможность в летний период оказывать морским путем помощь повстанцам из Америки и Японии.

В конце 1926 года Шмидт появился в селе Русское Устье. По дороге в Аллаиху ему удалось установить связи и договориться о совместных действиях с некоторыми бывшими главарями банд на севере Якутии, скрывавшимися в Абые. В Аллаиховском районе Шмидт начал энергично выявлять единомышленников из числа всевозможных темных элементов, недовольных Советской властью.

Действуя обманом и подкупом, обещаниями и угрозами, он сколотил первый отряд, который, по его расчетам, должен был составить ядро будущей «повстан-

ческой армии». На созванном им совещании главарей банд открытое выступление было намечено на апрель 1928 года.

Подготовка заговора проводилась Шмидтом в глубокой тайне. Действовал он очень осторожно, используя хитроумные конспиративные методы. Но осуществить свой замысел до конца ему помешали органы госбезопасности, сумевшие с помощью местных жителей отдаленных районов раскрыть преступную деятельность этого агента американской разведки. В марте 1928 года Шмидт во главе своей банды был арестован Северной оперативной группой ОГПУ, которую возглавлял Григорий Сыроежкин. Так бесславно закончилась еще одна вылазка иностранных разведок и их агентов в нашей стране.

К сожалению, об этом важном и исключительно интересном деле в архивах сохранилось совсем немного документов. Мы не знаем многих подробностей, которые дали бы возможность в полной мере представить, как действовал Григорий Сыроежкин в период Северной экспедиции.

Предельно краткие сведения, дошедшие до нас, говорят лишь о том, что Шмидт со своими ближайшими сподвижниками был наконец арестован в глухом Аллаиховском районе. Сыроежкин повез его в Нижнеколымск. Путь был далекий и трудный. На одной из ночевок в тайге Шмидт напал на часового и бежал. Но был настигнут, оказал бешеное сопротивление и в перестрелке убит.

История со Шмидтом — лишь эпизод в длительной и трудной борьбе чекистов с происками иностранных разведок в Сибири. Японская разведка не меньше, чем американская, прилагала усилия к свержению Советской власти в Якутии. Григорий Сыроежкин хорошо знал об этом.

В отличие от американской японская разведка действовала другими методами. Она не очень доверяла своим агентам из числа местных контрреволюционеров и предпочитала руководить ими не из Японии, а на месте, в самой Якутии. Для этой цели на советский Дальний Восток, в частности в Якутию, посылались кадровые разведчики-японцы.

Органам ОГПУ было известно, что за несколько лет до этого, в период последней авантюры Пепеляева, вместе с его бандой на побережье Охотского моря вы-

садились два японских офицера-разведчика. Выявить этих людей было значительно сложнее. Близкие по типу лиц якутам, тунгусам и людям других племен, живущих в Якутии, японские разведчики как бы растворялись в массе местных жителей.

Два японских офицера долго орудовали в северных районах Якутии. Значительно позднее Шмидта один из них, по следу которого шли чекисты, не выдержав преследования, бежал обратно в Японию. Другой же еще долго появлялся в разных районах Дальнего Востока, но в конце концов все же был разоблачен, выслежен и арестован органами ОГПУ.

Для утверждения Советской власти в Якутии нужно было не только обезвредить иностранных агентов и связанных с ними главарей контрреволюционных формирований. Важно было помочь местным работникам преодолеть неблагоприятные условия, сложившиеся на протяжении многих десятилетий.

Всю получаемую информацию Григорий по установленному правилу всегда старался перепроверить, опираясь на людей, заслуживающих доверие. Одним из таких людей, встретившихся на пути Григория Сыроежкина на просторах Северной Якутии, был Борис Александрович Леванов, начальник экспедиции и торговли в системе Госторга РСФСР и Дальвнешторга на северо-востоке страны. В задачу этого человека входило обеспечение населения продуктами средствами охоты, орудиями лова, а также закупка у населения пушнины, шкур морского зверя, моржовых бивней.

Борис Леванов не только торговый представитель. По натуре он был исследователем, не боявшимся трудностей. К тому же он был еще и тонким дипломатом, умел устанавливать взаимоотношения с местным населением.

Сыроежкин увидел в Леванове энтузиаста, ценнейшего и энергичнейшего помощника. Человек, исходивший и изъездивший вдоль и поперек этот дикий край, знал все пути, множество людей и мог безошибочно оценить их.

Ежегодно к побережью Северного Ледовитого океана прибывали правительственные суда, доставлявшие продукты и товары. Правительство широко практикова-

ло дотацию беднейшему населению и кочевникам. Но доставленные продукты и товары попадали через Якутторг и кооператив «Холбос» в руки тех же кулаков. Дело в том, что на Крайнем Севере долго существовала только меновая торговля. Якутторг и «Холбос» не стремились внедрять денежные расчеты с населением. Так происходило, например, с хлебом: кочевое население не имело печей и по этой причине не выпекало хлеба. Если удавалось достать немного муки, то на сковородах пекли лепешки, которые служили не столько продуктом питания, сколько лакомством. (Кочевник за пуд ржаной муки стоимостью 2 или 2 рубля 50 копеек платил 7—8 песцами.) Транспортные средства (олени и собаки) находились в руках кулаков и купцов — хозяев тайги и тундры. Якутторг, чтобы перебросить грузы в низовья Лены и Яны, через своих руководителей заключал соглашения с богатеями — владельцами транспортных средств, оплачивая их услуги продуктами: мукой, табаком, чаем. Получив эти продукты от Якутторга в уплату за перевозку, кулачье везло их сперва к себе в амбары, а затем уже как свои собственные сбывало в низовья и стойбища кочевников, устанавливая свои грабительские меновые цены.

Собранную пушнину кулаки не спешили сдавать государству, а хранили у себя. Так снижались богатейшие экспортные возможности Якутии. Несмотря на огромные затраты правительства, закабаленному долги беднейшему населению и кочевникам легче не становилось. Кулаки продолжали богатеть. В конечном итоге такая ситуация расширяла поле деятельности белобандитов. Им удавалось поднимать на восстания не только кулаков, но и бедняков.

«Как изменить положение?» — лихорадочно думал Сыроежкин. Он понимал необходимость вырвать из рук богатеев транспортные средства и таким путем в корне изменить сложившийся порядок снабжения продуктами питания и товарами бедняцкого и кочевого населения. Но как это осуществить?

С помощью все того же Бориса Леванова Сыроежкин продолжал изучать историю края, стремясь найти ответ на мучивший его вопрос. Основной неразрешенной задачей оставалась доставка товаров и продовольствия в глубинные районы Северной Якутии по Колыме и Индигирке.

Архивные документы говорили, что еще по инициа-

тиве Ломоносова, в царствование Анны Иоанновны и при других царях делались попытки проникнуть в Индигирку со стороны моря, но все они заканчивались трагически: люди и суда погибали, будучи не в состоянии сойти с мели. А между тем недалеко от устья, у селения Русское Устье, река Индигирка имеет глубину до десяти метров, а дальше она распадается на мелкие протоки, образует рукава и дельту.

Перед отъездом в Якутию Григорий долго рылся в библиотеках и архивах. Исписал несколько толстых общих тетрадей. Говорил с бывалыми людьми...

Леванов, оказывается, тоже перерыл якутские архивы. Тщательно изучив местную обстановку и исторические факты, он пришел к выводу: попытки выйти в море или войти из него в Индигирку оканчивались неудачей лишь потому, что суда строились килевыми. Русские люди с незапамятных времен пробирались на Аляску, спускались до Сан-Франциско, возможно, еще до открытия Америки Колумбом! На каких же судах они могли добраться до Анадыря и до Аляски? Не на килевых. А как сооружают свои байдары эскимосы, живущие на побережье Чукотки? В форме яйца, опрокинутого тупым концом вниз.

И вот Борис Леванов предлагает Сыроежкину направить на север мелкосидящие плоскодонные суда с подвесными моторами и, используя их, войти в реки Колыму и Индигирку со стороны океана, по пути открывать фактории вблизи мест кочевья. Он предлагает не продавать товары оптом, чтобы они не попали в руки кулаков. Независимо от расстояния на все товары нужно сделать единую транспортную наценку; запретить натуральный обмен и ввести денежные расчеты; установить единые цены на скупаемое у населения сырье и, наконец, предоставлять охотникам кредит на приобретение средств охоты и продуктов питания.

Для осуществления этого плана было сделано все возможное: шхуна, катер и лодка с подвесным мотором были доставлены с Аляски в Нижнеколымск. На шхуне вместо американского флага был поднят советский. Один буксирный катер был направлен вверх по Колыме для промеров глубины выше Среднеколымска, выясняя возможности достижения судами самой крайней южной точки. Таким путем предполагалась доставка грузов до нынешних Магаданских приисков. Доставка эта должна была обойтись в десять раз дешевле гужевого транспор-

та. Промеры на перекатах были сделаны, фарватер обставлен флажками.

Но осуществить намеченную Сыроежкиным и Левановым экспедицию не удалось: когда грузы были уже погружены на специально построенную плоскодонную баржу, за два часа до отплытия на буксирном катере загадочным образом возник пожар. Катер был выведен из строя. Пришлось Леванову со своими работниками впрягаться в ляжки и тянуть баржу на протяжении 500 километров до Нижнеколымска.

Настойчивые попытки выбить экономическую почву из-под ног кулачества, естественно, вызывали бешеное противодействие и злобу со стороны богатеев и контрреволюционеров. Неугомонным Сыроежкину и Леванову грозила смерть, но ничто не могло их заставить отказаться от намеченных планов.

Не раз чекистская группа попадала в трудное положение, нуждалась в самых необходимых продуктах и одежде, но Сыроежкин никогда не использовал своего положения и отказывался от помощи Леванова, считая, что его люди не имеют права на продукты и вещи, присланные для местного населения.

В таких условиях чекисты выполняли свою трудную миссию и успешно ликвидировали банду за бандой, стремясь прежде всего обезглавить их.

На Крайнем Севере в труднодоступных местах еще бродила опасная банда атамана, скрывавшегося под именем Индигирского. Ее путь был отмечен кровавыми зверствами, изощренными пытками и убийствами всех, кто выражал симпатии к Советской власти. Кольцо вокруг банды сжималось все уже, и она все дальше уходила к побережью Ледовитого океана. Это были остатки «организации» шпиона Шмидта.

Сыроежкин получил сведения, что купленную Левановым на Аляске парусно-моторную шхуну, пригнанную к советским берегам и груженную мехами, банда Индигирского намеревается захватить и угнать в Америку или Японию. Были приняты все возможные меры: предупредили надежных людей в тунгусских кочевьях, чтобы они следили за передвижением банды к побережью и всеми средствами препятствовали ее проникновению к месту стоянки шхуны.

Леванов приказал мотористу снять с двигателя магнето и доставить ему. Но этих мер было мало, так как шхуна могла уйти и под парусами. Где взять лю-

дей, чтобы надежно перекрыть все пути, по которым банда могла пройти к побережью? Пришлось вызвать подкрепление.

Из Якутска чекисты двинулись в Оймякон, Моме и Абый. С одной из групп на самый Крайний Север отправился и сам Сыроежкин. По пути в стойбищах они захватывали пепеляевцев, бандитов-кулаков, укрывавшихся после разгрома банд. Эти операции Григорий провел без потерь с помощью очень энергичного и смелого чекиста Курашева, носившего кличку Дед (было ему не больше тридцати лет).

Сыроежкин опасался, что бандиты все же доберутся до шхуны. Эта мысль не давала ему покоя и заставила его еще раз попытаться проникнуть в банду. Он полагал, что только таким способом можно добиться успеха. Он отдавал себе полный отчет в том, что в этих отдаленных и диких местах не раз испытанный им прием внедрения сопряжен со значительно большим риском.

Григорий нащупал пути. В Охотске, куда он прибыл как служащий «Холбоса», в этом отдаленном краю советской земли в то время осело много темного люда, по разным причинам не сумевшего или не успевшего бежать за границу. Там-то Сыроежкин и решил сделаться «своим».

Он появился в полутемном, приземистом трактире на окраине Охотска: были там пришлые русские, среди них старатели, промывавшие золото в тайге на одних им известных ручьях и речках, были забежавшие в эти отдаленные края белогвардейцы и просто бандиты, были и местные, таежные охотники — якуты и эвенки.

В трактире можно было многое услышать о том, что происходило в огромном, засыпанном снегом краю. Сыроежкин знал: здесь были лазутчики Индигирского. Они скупали золото. Для тех, кто намеревался бежать в Америку или Японию, золото самый нужный товар. У Григория припасен мешочек из оленьей замши с золотым песком. У него хотели купить здесь золото, но он дал понять, что сам намеревается бежать из страны и за эту возможность заплатил бы золотым песком и самородками.

Человек общительный, умевший поддержать компанию, он внушил обитателям трактира доверие, его приняла за своего. И согласились свести с Индигирским.

...В отдаленном таежном зимовье банда расположилась на отдых. Григорий был принят в нее как бывший колчаковский офицер.

За столом из толстых, грубо оструганных досок сидело человек десять бандитов во главе с атаманом. Остальные — у стен этой приземистой избы, тускло освещаемой жировыми плашками. Напротив Григория сидел амурский казак из кулаков, тоже подвизавшийся в колчаковской армии. Неожиданно он сыграл важную роль при внедрении Григория в банду. Судя по всему, казак спутал его с кем-то и сказал атаману, что знал или видел Сыроежкина в рядах колчаковцев. С тех пор он держался поближе к Григорию.

Маленькие, узкие глаза носили отпечаток какой-то животной свирепости. Это выражение особенно отчетливо проявлялось, когда он ел. А ел он всегда жадно и много. Его потное лицо имело оттенок кирпичной смуглости. Он никогда не расставался с оружием: кавалерийский карабин и казачья шашка с медным оголовьем лежали рядом с ним на лавке, а рукоятка нагана торчала на уровне груди из-за борта казачьего бешмета. У пояса на ремешках болтались две ручные гранаты.

Сидя за столом в избе, срубленной из могучих листовенниц, Григорий внимательно наблюдал из-за полуопущенных век за разношерстным народом — высокими и крепкими казаками, маленькими худощавыми якутами и таежными охотниками.

По мере того как опорожнялись бутылки, голоса становились громче и воинственней. Банда намеревалась напасть на факторию Леванова, взять там продукты и товары, а затем захватить нагруженную мехами шхуну и уйти на ней за границу. Пьяные бандиты заранее похвалялись успехом. Главарь вынул из деревянной колодки маузер и, размахивая им, выкрикивал страшные угрозы в адрес «советчиков» и коммунистов. В пьяном азарте он выстрелил в потолок. Пример оказался заразительным — за ним стали стрелять и другие.

Между Григорием и главарем сидел ближайший помощник атамана. Он тоже стрелял, размахивая над головой наганом. В низком, плохо освещенном помещении от курева и выстрелов стоял туман. С видом уже совсем осоловевшего человека Григорий сидел, откинувшись к стенке, прикрыв лицо левой рукой. Правую руку, в которой он держал короткий морской наган (он с ним никогда не расставался), протянул за спину человека, си-

девшего между ним и атаманом. Когда сосед выстрелил в очередной раз, Григорий нажал на спуск. С простреленной головой вожак повалился на стол.

На несколько мгновений установилась жуткая тишина, все сразу отрезвели и налитыми кровью глазами смотрели друг на друга. Затем заорали, поднялся невообразимый шум. Быстро спрятав наган в карман, Григорий обхватил голову руками и издал какой-то нечленораздельный звук. Казак, «приятель» Сыроежкина, вопросительно посмотрел на него. Не столько увидев, сколько почувствовав его взгляд, Григорий как бы непроизвольно качнулся в сторону сидевшего рядом с ним помощника атамана.

Казак понял его по-своему.

— А, гад! Атаманом захотел быть! — заревел казак и в тот же миг в упор застрелил помощника атамана, не успевшего даже ничего сказать...

С гибелью атамана банда была обезглавлена. В ней не оказалось человека, способного подчинить эту преступную ораву. Теперь каждый думал только о себе, не хотел признавать авторитета другого и подчиняться ему. Разрушилось главное звено, объединявшее этих людей. Но все сошлись на одном — надо идти к побережью, захватить шхуну и на ней добираться до Японии или Америки. На этом пути банду ждала чекистская засада, и Григорий привел ее туда.

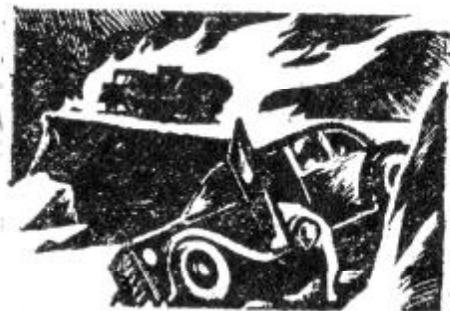
Теперь уже глубокий старик, Борис Леванов писал мне в 1971 году:

«Появление товарища Сыроежкина, с его ясным умом и трезвой оценкой событий и людей, делавших тогда в Якутской Автономной Республике экономическую и политическую погоду, помогло очистить атмосферу авантюризма и беззакония, царивших тогда на крайнем северо-востоке далекого, большого и богатого края нашей страны, к которому жадно тянулись руки всяких отечественных и иностранных авантюристов».

С ликвидацией банды Индигирского заканчивалась северная эпопея Григория Сыроежкина, и он смог покинуть Якутию после двух лет напряженной борьбы, лишений и смертельного риска. С бандитизмом в Якутии было покончено. Оставшихся бандитов-одиночек переловили местные чекисты.

Какие еще дела ждали Григория? Об этом он думал

уже в поезде, уносившем его из Сибири. Путь по магистрали казался бесконечным. Все перепуталось, днем спал, ночью бодрствовал и часами стоял в коридоре вагона у окна, за которым проносились ночные пейзажи. Скорей, скорей...



ЕЩЕ НЕМНОГО ВОСПОМИНАНИЙ

Еще до поездки в Якутию Григорий Сыроежкин, работая в Ленинграде, встретился там с Львом Озолиным, талантливым чекистом-контрразведчиком, позже ставшим разведчиком, и крепкая дружба связала их. Григорий не был женат, и семья друга стала для него родной семьей. Сколько незабываемых ночных бесед прошло в гостеприимном доме Озолиных!

Лев Озолин вышел из пограничников — одно время он был начальником погранохраны в Карелии — и в Ленинградской ЧК работал с начала 20-х годов. С Григорием они познакомились в 1926 году. В то время оба боролись с отечественной контрреволюцией и иностранным шпионажем.

Самым значительным делом Льва Озолина была работа по пресечению деятельности германской разведки в Ленинградском военном округе и промышленном районе в 1933—1936 годах. В генеральном консульстве Германии в Ленинграде было много кадровых разведчиков гитлеровской Германии. На территории округа существовало несколько самостоятельных германских разведывательных резидентур. Кроме сотрудников генконсульства, прикрывавшихся дипломатическими паспортами, шпионажем занимались и работавшие на советских промышленных предприятиях немецкие специалисты. Действовать приходилось очень осторожно, избегая возможных дипломатических осложнений. Но Лев Озолин в этих условиях сумел раскрыть шпионскую

деятельность нескольких германских резидентов — инженеров Шица, Демеша и других.

Ему не довелось получить законченного систематического образования, но он достиг многого путем настойчивого самообразования и к моменту выезда за границу был не только достаточно широко образованным человеком, но свободно владел немецким языком и несколько слабее — английским.

Озолин в Испании носил имя Крафт. Мы были там в одно время, но большую часть из двух лет я провел на Центральном фронте и в Мадриде, тогда как он — в Барселоне. У него были свои задания, а у нас не было привычки без нужды интересоваться делами другого.

Среднего роста худощавый шатен, нос с горбинкой, немного бледное лицо, внимательные, настороженные глаза — таким был Лева. Женился он на дочери потомственного ленинградского рабочего. В те годы Женя Озолина, маленькая, сероглазая блондинка, была третьим неперменным членом этого небольшого дружного коллектива.

При всей своей любви к Жене Лева не все рассказывал ей. Скрытность мужа объяснялась одним: он не хотел давать ей лишних поводов для волнений, их хватало и без того.

Белыми ленинградскими ночами Григорий и Лева выходили на Гороховую и шли домой к Озолиным. Иногда они прихватывали с собой одного или двух товарищей. Лева осторожно открывал дверь, и как можно тише, шикая друг на друга, все вваливались в квартиру. Чинно усаживались в столовой, и хозяин начинал понски съестного.

Сохранить тишину не удавалось: то роняли ложку, то кто-нибудь забывался и басил. И просыпалась Женя. Она накидывала халат, проводила гребенкой по волосам и обязательно пудрила нос. Затем быстро раскрывала обе створки дверей. Лева называл это «явлением злого духа». У него в такие мгновения был удрученный вид. Он грустно смотрел на товарищей.

Гриша подымался и начинал смущенно и ласково уговаривать Женю не сердиться, уверяя, что все они скоро уйдут, только выпьют по стакану чая. Каждый раз все кончалось тем, что Женя усаживалась со всеми за стол, предварительно выставив на стол все, что было в доме. Обрадованный Гриша говорил: «Я же знаю, ты

добрая, совсем не злая, ты хорошая, и зря Лева тебя побаивается, а еще лев!»

Сидели до утренней зари. Назавтра — опять к своим трудным делам. А они не переводились в то время...

В середине 1936 года в ночных разговорах в доме Озолиных все чаще вспоминалась Испания. Впрочем, о начавшихся в этой стране событиях говорили тогда все. Женя полагала, что все это меньше всего касается Левы и Гриши. Но оба уже втихомолку подготавливали свой отъезд. Они не могли остаться в стороне от начавшейся борьбы. На полях Испании советские люди впервые скрестили оружие с фашизмом, и среди первых добровольцев были два боевых друга — Сыроежкин и Озолин, сменившие оружие ЧК на солдатскую винтовку.

Когда позади остались все формальности, Лева привел Григория, чтобы при нем объявить Жене о своем отъезде в Испанию. К их удивлению, она очень спокойно приняла это известие, заявив: «Нужно было сразу оформить и меня. Я все равно тоже там буду!»

Месяц в Москве перед отъездом в Испанию они были неразлучны. Каждый день газеты приносили с Пиренейского полуострова все более тревожные вести. Но Гриша и Лева не говорили об опасности, о риске, обо всем том, что могло ждать их в далекой стране.

И вот настал вечер расставания.

Белорусский вокзал. Почти пустынный перрон. Женя крепилась, не плакала, старалась улыбаться. Обняла обоих. Она еще не знала, удастся ли ей самой поехать в Испанию.

А через месяц Женя последовала за ними, и все трое были вновь вместе. Маленькая ленинградка мужественно помогала мужу в его нелегкой работе, никогда не жаловалась и стойко переносила тяготы войны. Она получила боевой орден Красной Звезды и медаль за участие в национально-революционной войне испанского народа.

Порой мучительно острые приступы ностальгии возвращали нас к пережитому на далекой Родине. Наше прошлое казалось нам еще прекраснее, еще дороже. И мы мыслями погружались в него, на время забывая Испанию. Свои воспоминания мы перемежали комсомольскими песнями, связанными с нашей молодостью, с на

шим комсомольским прошлым, с огневыми годами гражданской войны.

И вот сейчас, погрузившись в воспоминания, которым посвящены страницы этой книги, я, видимо, слишком далеко ушел от начала рассказа о встрече с «Кондором» и с запозданием возвращаюсь к нему.

...Шел третий день пребывания в Заорехасе, на границе мрачного Альбаррасина. Белесый зимний рассвет наступал медленно. За подслеповатым окошком старого деревенского дома все было бело. В трубе камина завывал ветер. Временами его порывы вгоняли в комнату дым, и тогда остро пахло угаром.

Григорий закончил свой немногословный рассказ о Якутии. Он вытянул затекшие ноги, сделал руками несколько широких движений и поднялся, чтобы подбросить в затухающий очаг поленьев. Старое сухое дерево вспыхнуло сразу и горело, потрескивая, давая совсем мало дыма. Было восемь часов утра. Пора вернуться группе, но ее все не было. И опять медленно потянулись дневные часы в закопченной хижине. А снаружи продолжал неистовствовать ветер, он косо нес снег, и это было похоже на пургу.

Наконец вернулась группа Табы.

В ночь с 1 на 2 января 1938 года Таба благополучно привел ее в Заорехас. Они принесли важные сведения о движении частей противника к Теруэлю, который республиканские войска с трудом продолжали удерживать.

С «Кондором» у нас были особые счеты. Гитлер, как и Муссолини, прислал в помощь мятежникам тысячи танкистов, артиллеристов, военных советников и летчиков. Наши советские летчики-добровольцы сражались с асами Гитлера. Это была неравная борьба — немцев было несоизмеримо больше, но наши превосходили их отвагой и героизмом. Одной из задач, поставленных Григорием перед группой Табы, была диверсия против немецкого аэродрома в Каламоче. Задача не из легких: путь был далеким, трудным, и к тому же стояли необычные для Испании морозы.

Под Новый год группа Табы минировала мост на дороге у аэродрома Каламоча. Большой грузовик-бензовоз подорвался на нашей mine и ярко пылал на узкой горной дороге. Почти следом за ним шли несколько легковых машин с немецкими летчиками. Водитель первого автомобиля, выскочившего из-за поворота у пылавшего

бензовоза, мог лишь отвернуть в сторону и свалить машину под откос, за ней последовали другие. Было самое подходящее время захватить нескольких оставшихся в живых немцев, но на месте аварии тотчас же появился большой автобус с испанскими жандармами.

Мог ли я, слушая рассказ Табы, думать в то время, что спустя тридцать лет мне доведется прочесть об этом в книге известного гитлеровского аса Адольфа Галлана, командовавшего в Испании одной из эскадрилий легиона «Кондор», пострадавшего в ту новогоднюю ночь. В своей книге «Первые и последние», изданной в ФРГ в 1953 году, Галлан писал:

«...Коньяк лился рекой, особенно за ужином при встрече Нового года, который мы закончили «галлюционирующим» пробегом на автомобилях по самым страшным горным дорогам. Естественно, при этом были происшествия... Мой уже латанный череп получил серьезную рану. Хирург с грехом пополам заштопал его».

Пьяный тогда до беспамятства Галлан, возможно, так и не узнает, кому он обязан еще одной раной на черепе, полученной в ту морозную новогоднюю ночь.

Ну что ж, несколько летчиков из легиона «Кондор» усилиями нашей группы были выведены из строя. Это все равно что победа в воздухе. Но мы все же сожалели, что не удалось кого-либо из них привести на нашу сторону.



ПРОРЫВ В КАТАЛОНИЮ

После разгрома фашистами Арагонского фронта в марте 1938 года началась агония республиканской Испании, длившаяся еще целый год. Уже давно республиканское правительство из Валенсии перебралось в Барселону. И вот теперь, готовясь к решительному удару, франкисты и германо-итальянские интервенты всеми

средствами пытались усилить разброд в республиканском лагере, подорвать в народе дух сопротивления и посеять панику.

Все было пущено в ход: активизировалась «пятая колонна», усилились бомбежки дорог и городов. Главным объектом стала Барселона.

В середине марта германо-итальянская авиация обрушила на Барселону невиданный до этого удар. Два дня и три ночи, шестьдесят часов, длился налет авиации интервентов. Две тысячи убитых, тысячи раненых, целые кварталы сметены с лица земли! Ожидали десанта с моря. Правительственные учреждения жгли документы. Наши товарищи были готовы ко всему. Обстановка складывалась так, что порой казалось: выхода нет и не будет...

Спустя много лет Женя Озолина в письме ко мне писала: «Все французские газеты писали о небывалой бомбежке Барселоны. Связь с внешним миром была прервана. В те дни я была уверена, что мы из этого ада не уйдем, бомбы ложились и на Тибидабо...»

В апреле войска мятежников и интервентов прорвались к побережью Средиземного моря между Валенсией и Барселоной, таким образом расчленив республиканскую территорию на две части.

За несколько дней до этого Григорий Сыроежкин приказал мне с группой бойцов Мадридского отряда прибыть в Валенсию и ждать там дальнейших указаний. Я был уверен, что речь пойдет об очередном походе, на сей раз на фронте Леванта. Это было для меня новое, неизвестное еще направление. Среди отобранных мною бойцов были неизменный Таба, маленький Карлос Пинтадо, неистовый андалузец Хосе Гарсиа и еще один, Виктор, белоэмигрант, бывший морской офицер. О нем речь пойдет дальше. Фронт на Леванте и в южной части Арагона рушился. Италиянская авиация усиленно бомбила единственную приморскую дорогу, связавшую Каталонию с зоной Центр — Юг, в которую входили теперь отрезанные противником фронты: Мадридский, Эстрамадурский, Андалузский и Левантийский. Обстановка становилась угрожающей и менялась буквально с каждым часом. Вскоре я получил из Барселоны, на этот раз открытым текстом по радио, второе приказание: немедленно прибыть в Барселону, захватив с собой семьи некоторых испанских товарищей.

Через полтора часа после получения приказа мы тро-

нулись из Валенсии на семи автомашинах. Итальянские самолеты, прилетавшие с базы на Балеарских островах, часто появлялись над дорогой и бомбили мосты. Передовые части противника были где-то близко и с часу на час могли выйти к морю, перерезав единственную дорогу на Барселону. Двигаться пришлось медленно, с потушенными фарами. Мост у Тортосы был поврежден авиационной бомбой: в его проезжей части зияла большая сквозная пробоина, которую нам все же удалось объехать. Но за мостом, метрах в пятидесяти, поперек дороги, как баррикада, лежал перевернутый грузовик, наполненный мешками с бобами. Все говорило об умышленной аварии. Здесь могла таиться засада. И действительно, как только наши машины остановились перед неожиданно возникшим препятствием, из соседнего темного дома загремели выстрелы. Их вспышки были отчетливо видны в темноте. «Пятая колонна» — группа местных фашистов, скрывавшихся до поры, давала о себе знать. Судя по всему, их было немного, и, опасаясь нарваться на сильное противодействие, они стреляли издалека. Трое наших бойцов ринулись в темноту, и вскоре послышались разрывы брошенных ими в окна дома гранат. Стало тихо.

Единственным способом открыть дорогу было взорвать грузовик, на что потребовалось два килограмма тола. Бобы из мешков градом сыпались на дорогу, треща под колесами наших машин. Мы двинулись дальше и к утру добрались до Барселоны. В то же утро франкисты и их союзники — итальянцы вышли к побережью Средиземного моря. С этого дня Каталония оказалась отрезанной от центральных областей Испании.

Встретив меня, Григорий сказал:

— Оставайся в Барселоне. Ты и так побил все рекорды, просидев в осажденном Мадриде полтора года. Для тебя и здесь найдется работа.

— А как же отряд?

— Пока там останется Рабцевич, а потом я подошлю кого-нибудь еще... В общем, там будет видно...

В Барселоне, на улице Тибидабо, 28, испанские власти отвели нам великолепный дом, вернее, богатый особняк, принадлежавший текстильному магнату Каталонии, бежавшему на сторону мятежников. В полутемном вестибюле, у стен, окрашенных в цвет бычьей крови, в полный рост стояли средневековые рыцарские доспехи с большими двуручными мечами. Казалось, что за опу-

ценными забралами шлемов скрываются лица мрачных рыцарей. Под потолком висела большая черная кованая люстра. В простенках тяжелые резные кресла с высокими спинками и сиденьями, обтянутыми тисненой кожей. Дорогая мебель, картины, множество красивых и изящных ваз, тонкая посуда, столовое серебро.

Мы относились ко всему этому бережно. Можно себе представить, как удивлен был владелец, вернувшийся в Барселону после захвата ее войсками Франко, найдя свой дом и все имущество в нем в целости и сохранности. Известно было, что немцы и итальянцы, присланные Гитлером и Муссолини, не стеснялись увозить дорогие «испанские сувениры». Когда в первые месяцы перехода власти в Мадриде к республиканскому правительству коммунисты по распределению получили дворец герцога Альбы с его бесценными художественными богатствами: картинами Веласкеса, Гойи, Тициана, Мурильо, уникальной, богатейшей библиотекой старинных рукописей, скульптурами и многим другим, они отказались использовать его под свои учреждения и на протяжении всей войны охраняли.

Нам приходилось спать то в овчарнях, разрушенных домах или в ямах у подножия скрюченных стволов в оливковых рощах, а то в старинных богатых особняках типа барселонского. Удивительно быстро привыкли мы к контрастам жизненных условий в Испании, они не тяготили и не поражали нас.

ПОХОД НА БАЛЕАРСКИЕ ОСТРОВА



На протяжении летних и осенних месяцев 1938 года, когда шли упорные бои на реке Эбро, наши группы вели разведывательные поиски на правом фланге этого фронта от района Уэски до предгорий Пиренеев. С Григорием мы часто выезжали на фронт и побывали в шта-

бах почти всех дивизий и корпусов, участвовавших в этом большом сражении.

Наступила глубокая осень. Обстановка на фронте Эбро резко изменилась: республиканская армия израсходовала все свои резервы и запасы вооружения. Под давлением превосходящих во всех отношениях сил противника она медленно отступала. Потеря Каталонии становилась все более неизбежной. Блокада смыкалась непроницаемым кольцом.

В один из таких тревожных дней я подъехал к нашему дому на Тибидабо. «Паккард» Григория стоял у подъезда, и невозмутимый Пако сидел за рулем. Я поспешил войти в дом, полагая, что мой начальник собирается куда-то ехать, и встретил Григория на лестнице.

— Поедем в парк на гору, там поговорим без помех, — сказал он, пожимая мне руку.

В парке, на горе Тибидабо, мы уселись на скамье у обрыва. Внизу, под нами, полого спускаясь к морю, расстилались ровно расчерченными квадратами кварталы Барселоны.

— Положение республики трагично, — начал Григорий. — Она блокирована с суши и с моря. Полностью сформированные бригады ждут оружия, и оно уже выгружено с советских кораблей во французских портах. Но правительство Даладые не пропускает это оружие в Испанию... Вот тебе и радикал-социалист... Ползут слухи о готовящемся франкистами десанте с Балеарских островов.

Как выяснилось позднее, распускали эти слухи враги, чтобы посеять панику и заставить республиканское командование снять с фронта часть войск для защиты побережья. Но тогда никто точно ничего не знал. Республиканская разведка по-прежнему оставалась слабой, многие ее люди — ненадежными...

Горечь звучала в голосе Григория. Мы смотрели в даль Средиземного моря, широко раскинувшегося до горизонта.

— Там, — он махнул рукой в сторону моря, — готовить десант могут только на острове Майорка. — Он потер лоб, помолчал и, пристально взглянув на меня, спросил: — Пошел бы ты туда? Очень важно проверить этот слух. Мы окажем испанцам огромную услугу... Если слухи о десанте ложны, то войска с фронта не будут сняты, а ведь речь идет о нескольких бригадах. Все это

нужно обстоятельно проверить, узнать точно. Ошибка здесь исключается. Ради такого дела стоит рискнуть! Как думаешь?

Предательский холодок закрался в душу: отправиться на Майорку, где нет ни одного нашего человека. Но и показать свои опасения Григорию, человеку, не раз шедшему на куда более рискованные дела, я не решился.

— Ты хочешь, чтобы я отправился на остров?

Гриша кивнул и, помолчав, добавил:

— Надеяться там не на кого, рассчитывай только на себя. Может случиться и так, что возвращаться придется не в Барселону, а в отрезанную центральную зону, в Валенсию или Картахену, а то, быть может, и в Африку... Дела могут обернуться самым неожиданным, самым худшим образом... Не скрою — риск большой... — И опять он помолчал, а затем взглянул на меня, и в его всегда немного грустных глазах, как мне показалось, сверкнул огонек. — Нет, ты только подумай, — продолжал он, — куда мы с тобой забрались! Советские добровольцы отправляются на подводной лодке на остров в Средиземном море, в логово врага... На подводной лодке! Как в приключенческом фильме...

— Ладно, Гриша, ты меня уже сагитировал. Я согласен, — смеясь, ответил я.

— И не думаю тебя агитировать. Но ты часто говоришь о романтике нашей профессии — вот она! Всю жизнь, с юных лет, я отдал этому делу и, ей-богу, если пришлось бы начать все сначала, пошел бы той же дорогой...

Я слушал Григория и созвучно его словам думал: «Конечно, риск большой, но разве мы не рисковали здесь каждый раз, каждый день? Разве нет здесь уже могил близких нам людей?..»

Война в Испании для всех нас была суровой и вместе с тем хорошей школой закалки боевого духа. Нам довелось участвовать в прекрасной революционной эпопее, где в то время в наиболее яркой форме проявился дух интернационализма, беззаветной преданности коммунистов из многих стран, огромное стремление разгромить фашизм и, если окажется возможным, содействовать рождению в Испании социалистической республики.

Слова Гриши, что называется, били в самую точку. Мои страхи и сомнения отпали. Да, теперь я страстно хотел выполнить это задание.

— Когда нужно отправляться?

— Сегодня ночью!

— Сегодня?

— Да, сегодня. Нельзя терять ни дня. Я уже обо всем договорился с Прадо, начальником морского штаба. Ты знаешь его? Это надежный товарищ, коммунист, кроме того, никто в штабе не будет знать, что на подлодке С-4, уходящей сегодня в Маон, пойдут еще какие-то люди. Поведет лодку наш советский моряк-доброволец. План поездки обсудим вечером, а пока обдумай, кто пойдет с тобой. Я думаю, что больше двух человек брать не следует... Но это должны быть люди, в которых ты совершенно уверен...

Мы пообедали вместе. Нас было человек десять, живущих в доме на улице Тибидобо. За столом никто ни слова не сказал о предстоящем походе. Впрочем, по своему обыкновению Гриша никого не посвящал в свои планы, разве что поделился ими с Львом Озолиным, поглядывавшим порой на меня.

После обеда мы заперлись в Гришиной комнате и приступили к детальному обсуждению плана. Он развернул на столе большую карту Балеарских островов. Указывая на остров Минорка с узкой, глубоко вдавшейся в берег бухтой, в глубине которой находился порт Маон, Гриша напомнил, что остров оставался надежной крепостью республики в Средиземном море. Мятежники не могли его взять. Он отлично укреплен, на нем есть мощная береговая и зенитная артиллерия, все мужское население от 18 до 50 лет обучено отражению возможных атак с моря. И вот теперь командование этой крепости передано в руки пораженца, если не сказать предателя, адмирала Луиса Убиета. До последнего времени он командовал республиканским флотом и буквально парализовал его деятельность, что дало возможность более слабому флоту мятежников захватить господство на море.

— Когда придете в Маон, познакомьтесь с этим адмиралом, поговори с ним, посмотри и понюхай, чем там пахнет. По документам ты военно-морской советник, — продолжал Гриша. — Документы эти предьяви при первом знакомстве. Ну а остальное сообразишь сам. Если спросит, куда пойдете из Маона, скажи, что возвращаетесь в Барселону...

Затем мы перешли к изучению карты острова Майорка, самого большого в группе Балеарских островов, за

хваченного мятежниками еще в начале войны, в 1936 году. Мы решили произвести высадку моей группы у мыса Форmentor. Десант, если он действительно готовился, мог быть посажен на корабли только там. Невдалеке размещалась база итальянской гидроавиации. Место это было ближе других к каталонскому побережью, десант можно легко укрыть от наблюдений республиканской авиации, а десантные корабли мятежников могли незаметно подойти к Барселоне, проделав весь путь за несколько часов.

Теперь настала моя очередь рассказать Грише о людях, намеченных мною для выполнения задания. Их будет только двое, очень разных по своему складу, характеру и биографиям.

Одним из этих двух был Виктор, русский, белый эмигрант, бывший офицер царского флота, служивший затем на флоте у Деникина и Врангеля. В 1920 году, когда армия Врангеля была разгромлена, миноносец, на котором служил Виктор, оказался в африканском порту Бизерта, куда был уведен белыми в числе других кораблей Черноморского флота. Поняв авантюрный характер и безнадежность белого движения, Виктор порвал с ним и уехал в Испанию. Там он нанялся к частному судовладельцу штурманом. Ряд лет плавал на рыболовецких судах в Средиземном море и Атлантике, служил в Валенсийском порту, скитался по Средиземноморскому побережью. Когда в 1936 году в Испании началась гражданская война, он остался на республиканской территории, а с прибытием советских военных советников предложил им свои услуги. Так он попал к нашему старшему военно-морскому советнику переводчиком, а спустя некоторое время оказался и в моем Мадридском отряде. Он прошел проверку огнем: не раз посылался в тыл к мятежникам с заданиями, всегда честно и смело их выполнял.

Жила в Викторе такая укоренившаяся офицерская лихость: любил он поиграть с опасностью, пококетничать со смертью. На мои замечания по этому поводу он обычно отвечал: «Моя ставка еще не бита, из колоды мне пока идут только козыри...» В нем сочетались остатки аристократизма флотского офицера — подчеркнутая изысканность в обращении с людьми и безупречная вежливость, с одной стороны, и с другой — напускная небрежность, ирония не без остроумия — черты, приобретенные за время скитания в эмиграции.

При всем этом Виктор был точен, дисциплинирован и никогда не изменял данному слову. О своем отношении к Советскому Союзу он говорил:

— Хочу вернуться в Россию, а там пусть хоть повесят! Хотите верьте, хотите нет, но теперь для меня служить русскому народу — большая честь. Конечно, понял я это поздно, но в России, кажется, до сих пор говорят: лучше поздно, чем никогда...

Этим, пожалуй, и ограничивалось его политическое кредо. В той обстановке оно нас устраивало. Белоэмигранты, сражавшиеся на стороне Испанской республики, хотели заслужить право вернуться на Родину. Храбрый, знающий моряк, не раз побывавший на острове, был очень полезен нашей небольшой группе. Ведь ни я, ни Таба никогда не бывали на Балеарских островах.

Однако таких русских эмигрантов, осознавших свои ошибки и заблуждения, было совсем немного в республиканской армии. Мы знали, что в армии мятежников против испанского народа воюют и наши старые враги — белогвардейцы.

Белоэмигрантская печать восхваляла генеральский мятеж и германо-итальянскую интервенцию в Испании, призывая русских эмигрантов вступать в ряды франкистской армии. В иностранный легион Франко шли бывшие офицеры белой армии, про которых даже В. Шульгин в своей книге «1920 год» писал, что на фоне идейного краха белого движения многие из них потеряли человеческий облик и превратились в грабителей и погромщиков.

В разведывательно-диверсионные отряды 14-го партизанского корпуса из интербригад брали белоэмигрантов-добровольцев. Сыроежкин выбирал из числа добровольцев наиболее подготовленных и проверенных. Однажды командир 11-й интербригады, австрийский коммунист Штерн, известный в Испании под именем генерала Клебера, предложил нам в отряд одного немца, носившего имя Виктор. Он знал русский язык и, как полагал Клебер, мог оказаться нам полезным. Настоящее его имя было Гарри Домела, он был немец родом из Прибалтики. В 20-е годы, живя уже в Германии, он был артистом варьете, однажды его приняли за германского кронпринца, на которого он был похож, и он с удовольствием стал выдавать себя за такового. Когда же возникла опасность разоблачения, он бежал во Францию, не без основания опасаясь за свою жизнь.

Я склонялся к тому, чтобы взять этого лихого лейтенанта-«кронпринца» в наш отряд. Но Григорий, выслушав его историю, не согласился со мной. Он считал, что этот человек вряд ли оказался в лагере антифашистов по глубоким идейным убеждениям, и не доверял ему.

Но вернемся к нашему походу на Балеарские острова. Вторым попутчиком я выбрал болгарина Табу, человека иной социальной среды и судьбы. Сын крестьянина, в восемнадцатилетнем возрасте он бежал из болгарского порта Варна в трюме английского грузового парохода. Затем скитался по свету в поисках счастливой жизни. Где только он не побывал, земли каких стран не поливал своим потом! В Ираке с артелью рабочих-арабов прокладывал нефтепровод через пустыню. Бастовал и восставал с арабами против английских эксплуататоров; плавал матросом на грузовом судне; работал на знаменитых бойнях в Чикаго; рубил лес в канадских лесах. Наконец, перебравшись во Францию, работал массажистом у боксеров на стадионе. Вступил в компартию и одним из первых добровольно поехал в Испанию сражаться в интернациональных бригадах.

Коротконогий крепыш с широченной, мощной грудью и длинными цепкими руками, привыкшими к тяжелому труду, Таба был некрасив: лицо смуглое от загара, орлиный нос, густая рыжеватая борода; он напоминал хищную птицу.

Военный костюм только подчеркивал внешнюю несуразность фигуры Табы: узкая рубашка плотно обтягивала богатырскую грудь, а суконные штаны были непомерно длинны и широки для его коротких и слегка кривых ног. В дополнение ко всему он носил марокканский бурнус из толстой коричневой шерсти в редкую полоску — военный трофей, взятый в первых же боях под Мадридом.

Храбрый воин, без всякой рисовки или бравады, сознательный боец-коммунист, Таба был незаменимым, прямо золотым человеком в боевом коллективе. Такой никогда не оставит в беде. Любой человек, поговорив с ним несколько минут, переставал замечать его непривлекательность и проникался к нему чувством дружбы, признавал его авторитет, покоряясь его глубокой житейской мудрости и революционной убежденности.

Таба был человеком высоких моральных качеств.

Про таких испанцы говорят, что им не нужно вытаскивать ноги из грязи. Этот человек, умудренный жизненным опытом, людей принимал такими, как они есть: был снисходителен к их слабостям и недостаткам. Это, конечно, относилось к единомышленникам. В бою же Таба преобразался. Напряженное чувство опасности не делало его, как многих, рассеянным, невнимательным и ослепленным. Наоборот, его чувства обострились, он видел, казалось, не только то, что было впереди него, но зримо ощущал все вокруг, мог предугадывать неожиданности.

Гриша Сыроежкин хорошо знал Табу и только одобрительно кивнул, когда я назвал его имя.

— Уходите сегодня ночью, — сказал наконец Гриша. — Приказано быть в порту к двадцати трем часам. То, что произойдет в этом плавании, ты подробно изложишь в донесении...

— Если вернусь... — невольно вырвалось у меня.

— Вернешься!.. Обязан вернуться, — уже тоном приказа сказал Григорий.

Поздно вечером в перерыве между двумя налетами итальянских бомбардировщиков мы приехали в порт. На пирсе Моррот — импровизированное бомбоубежище, сооруженное из огромных бетонных кубов, предназначенных для волнолома. В узких коридорах мы пережидали второй налет бомбардировщиков, обрушивших свой груз на город и порт. Барселонетта, портовое предместье, населенное грузчиками, рыбаками и моряками, было объято пламенем. Что-то горело и в самой Барселоне. Старинная крепость на горе Монтжуич четко выделялась на фоне зарева. Гора Тибидабо сверкала вспышками зенитных орудий.

Во время воздушного налета подводная лодка С-4 лежала на грунте недалеко от порта. Она появилась неожиданно, бесшумно скользнув черной тенью к причалу. Два темных силуэта виднелись на мостике рубки.

— Грузитесь быстрее! — раздался голос командира.

— Мас рапидо!* — повторил по-испански это приказание переводчик.

* Мас рапидо — быстрее (исп.).

На палубу полетели мешки и несколько ящиков. Матросы ловко подхватили их и опустили внутрь лодки. Мы перескочили на маленькую площадку впереди пушки у открытого носового люка. Под нами — слабо освещенный отсек торпедных аппаратов.

В последний раз я посмотрел на темную Барселону, где все еще, как свечи, полыхали непотушенные пожары. Легкий бриз гнал к порту дым, копоть и чуть сладковатый запах тротила. Как не хочется лезть внутрь холодной стальной коробки!

В носовом отсеке — четыре торпедных аппарата, по два в ряд. В свете неярко горящих электрических ламп слегка поблескивают их крышки. На тонких цепях подвешены узкие койки матросов. Сквозь запах соляра и металла пробивается аромат свежих овощей и фруктов, сложенных в этом же отсеке. Живительный дух земли держался долго, на протяжении всего плавания, и, когда при длительном пребывании под водой становилось трудно дышать от нехватки кислорода, я приходил в торпедный отсек вдохнуть эти запахи...

Матрос, последним спустившийся с палубы, задраил люк. Я посмотрел на своих спутников. Таба сидел на мешке с картофелем и проверял содержимое своих карманов. Виктор стоял, по-морскому расставив ноги, и выражение его лица говорило о том удовольствии, которое он испытывал, оказавшись вновь на военном судне.

Дверь в задней переборке отсека была открыта, за узким коридором виднелось ярко освещенное помещение. Вскоре оттуда появился молодой человек с усталым лицом и светлыми волосами — второй русский в экипаже лодки, переводчик командира. Он передал нам распоряжение командира перейти в кают-компанию и на время плавания расположиться там. За трехметровым коридором, стенка которого отделяла крохотную каюту командира, находилось самое обширное помещение лодки — кают-компания. Ближе к левому борту, перед кожаным диваном, одновременно служившим койкой для старшего помощника, к полу был привинчен продолговатый стол. Над диваном, в специальных держателях, — ручной пулемет (по тревоге его выносят наверх). У передней переборки — небольшой квадратный стол, место штурмана; над столом навигационные приборы и койка на цепях. Четыре круглых стула ввинчены в пол с трех сторон стола, по правому бор-

ту — проход в центральный пост управления. Оттуда доносятся отрывистые команды.

Запустили дизели. Их работа отозвалась легкой дрожью палубы. По отсекам прошел легкий сквозняк. Дизели то замирали, то начинали стучать сильнее. Лодка совершала сложный маневр в лабиринте минных полей, который, как мне показалось, продолжался слишком уж долго. Но вот дизели застучали часто и ровно — мы легли курсом на Минорку.

Таба сел за стол, положил на него натруженные руки, склонил голову и явно намеревался подремать. Виктор стоял у открытой двери переборки и смотрел, что происходит в центральном посту.

— Виктор!

— Есть! — отозвался он.

— Вы плавали на подводных лодках?

— Всего два раза, да и то вблизи Севастополя. Я служил на эсминцах... Люблю эти быстрые корабли... На них все видно, а здесь идешь как впотьмах... Железный ящик...

— Железный ящик, — машинально повторил я.

— Должно быть, страшно умирать здесь... захлебываясь, задыхаясь... Уж лучше там, наверху, под солнышком...

Виктор понимал обреченность республиканской Испании и все же пошел на это задание добровольно. Ведь теперь он мог остаться в стороне от борьбы или уйти на ту сторону, к франкистам.

Об этом у нас был откровенный разговор уже позже, когда мы вернулись из похода в Барселону.

— Когда мы отошли от пирса, в первый час плаванья, из которого, по правде сказать, я не надеялся вернуться, вспомнилась вся моя беспутная жизнь, — говорил Виктор, наливая себе крепкого кофе. — Не знаю, возьмете ли вы меня, белогвардейца, с собой в Россию. Возможно, и не возьмете... Зачем я вам там нужен? Но мне до боли в сердце хочется верить, что я опять увижу Россию и пройду по родной земле...

— Зря сомневаетесь, Виктор. Мы обязательно вас возьмем. Вы ведь теперь наш, совсем свой... Правда, есть одно «но», — сказал я, пристально посмотрев на своих собеседников.

— Какое? — с тревогой в глазах спросил он.

— Это «но» существует для всех нас. Мы все вернемся домой, если нам удастся живыми уйти отсюда...

— Да, да, это верно... конечно... — пробормотал Виктор, опуская голову.

Таба тоже кивнул в знак согласия. Мои слова, невольно сорвавшиеся с губ, нарушили благодушное настроение, охватившее нас в тот вечер, и вернули к суровой действительности. Война проиграна.

— Мы уйдем последними, — сказал Таба, облизнув сухие губы.

— Это будет непросто, — добавил Виктор.

Но я несколько забежал вперед. В то время наш поход только начинался.

В кают-компании вновь появился переводчик, передавший мне приглашение командира подняться на мостик. Вслед за ним я полез по отвесному трапу наверх. Засасываемый дизелями воздух с силой входил через открытый люк, продувая отсеки лодки. На мостике командир в большой бинокль осматривал ночное небо. Переводчик, вахтенный офицер и сигнальщик — каждый из них наблюдал за своим сектором. Лодка низко сидела в воде, готовая в любой момент скользнуть в глубину.

— Займите место поближе к люку, — сказал мне командир. — По тревоге первым прыгайте вниз.

В эту совсем не холодную осеннюю ночь горизонт сливался со спокойным морем. Мерцающие звезды отражались в водной глади, и не различить, где кончается небо и начинается море. Мы шли по краю оживленной средиземноморской дороги. Слева светились огни кораблей, и только опытный глаз моряка отличал их от звезд у горизонта. Из Африки дул теплый упругий ветер. В полночь недалеко прошел большой пассажирский лайнер, держа курс на Марсель. Откуда он шел? Из Африки, Америки? В бинокль я видел людей на ярко освещенных палубах. Сквозь ровный шум моря мне чудилась доносящаяся оттуда музыка. А может быть, и не чудилась... Там — мирная, приятная жизнь... Испарения поднимались с поверхности моря, и в их потоках дрожали огни проходящих кораблей и свет далеких звезд.

Долгая ночь идет к концу. На востоке наметилась линия горизонта. Наступило время погружения. Дизели остановлены, и в тихом журчании воды наша лодка уходит в глубину. Электромоторы медленно вращают винты и, как удары сердца, толкают лодку вперед.

Идем двухмильным ходом, что обеспечивает максимальное время пребывания под водой.

Наверное, на горизонте уже видна Минорка, но об этом знает только командир. Временами он поднимает перископ и осматривает море...

С-4 — старая лодка. В борту рубки видны латки на нескольких пробоинах. Они слезятся, и кое-где бьют тонкие волосяные струйки воды. Изношенные аккумуляторы при больших нагрузках плохо держат заряд, и мы ползем, как ленивая рыба, едва шевелящая плавниками.

К десяти часам утра подходим к мысу Кавалерия, на северной оконечности Минорки. Всплываем и идем в тени высокого берега. Свежий воздух врывается в отсеки лодки, пьянит, слегка кружит голову. Мы почти у цели, вблизи порта Маон. Командир спускается к себе в каюту, чтобы переодеться и явиться к коменданту острова по всей форме, — такова незабываемая традиция военных моряков.

Завтракаем в кают-компании: отварной картофель, португальские сардины, хлеб и чашка плохого кофе.

— Самолет по курсу! — неожиданно раздается сверху, и тут же звучит боевая тревога. Полуодетый командир выскакивает из каютки, на ходу засовывая полы белой рубашки в брюки.

— Пулеметы наверх, оружие к бою!

Матрос врывается в кают-компанию, вскакивает на стол, за которым мы завтракаем, срывает со стены пулемет и убегает с ним. Я устремляюсь следом, но уже в рубке слышу отбой. Едва успеваю отступить на полшага к борту, как вниз с грохотом чуть ли не падает пулеметчик со своим оружием. Вылезаю на мостик и вижу, что в стороне, низко над морем, гудя четырьмя моторами, проносится огромная пассажирская «летающая лодка», она летит из Алжира в Марсель. Мы провожаем ее взглядом. На передней палубе оружейный расчет убирает снаряды в герметический люк и по-походному закрепляет пушку,

В полдень показался маяк у входа в бухту Маона. Мы обмениваемся условными сигналами, разворачиваемся и медленно входим в узкий проход бухты. Там, в нескольких километрах от входа, находится Маон — небольшой порт и городок, амфитеатром взбегающий

по склону холма. Швартуемся в северной части порта, у пирса, предназначенного для подводных лодок. Черные змеи проводов от береговой электростанции спускаются в кормовой люк — здесь мы основательно подзарядим свои слабые аккумуляторы.

Командир берет пакет с почтой. Мы отправляемся в город нанести визит коменданту и губернатору острова. С удовольствием ощущаю под ногами твердую землю. Солнце светит ласково. Легкий ветерок едва колыхает большие деревья инжира и гранатов. По поднимающейся к дому губернатора улочке бредут немногочисленные прохожие. Одеты они просто, по-крестьянски: подпоясаны широкими матерчатыми поясами, на головах черные береты.

Двухэтажный дом губернатора сложен из больших прямоугольных камней, выпиленных из местного песчаника. Он украшен небольшими колоннами и сводчатыми окнами, монументален, солиден — построен, наверное, лет триста назад. Широкая каменная лестница двумя маршами ведет из обширного вестибюля на второй этаж. Все это я рассмотрел, пока флаг-офицер вел нас к массивной двустворчатой резной двери кабинета губернатора.

Луис Убиета, капитан де фрегато испанского военного флота, поднялся нам навстречу. Он был человеком средних лет, с неприятным, хитрым лицом, на котором изобразил не очень естественную радость по случаю нашей встречи. Говорил он о чем угодно, только не о тревожной обстановке, сложившейся в эти дни.

Позади его кресла на стене висела большая золоченая рама размером, наверное, два на полтора метра, где на голубом фоне были выписаны столбцами фамилии и имена всех губернаторов острова за несколько веков. Их было очень много. Убиета не нашел ничего лучшего, как рассказать нам историю этого списка и показать свое имя, стоявшее последним в еще не законченном столбце. Он даже не вскрыл привезенного нами пакета, настолько его, видимо, не интересовало то, что могли сообщить ему из главного штаба.

Наша аудиенция была короткой, и спустя несколько минут мы распрощались, сказав, что после зарядки аккумуляторов возвращаемся в Барселону.

Флаг-офицер церемонно проводил нас до выхода. Проходя анфиладу комнат, я рассеянно скользил взглядом по висевшим на стенах картинам и рыцарским до-

спехам — всему тому, что я уже не раз видел в богатых испанских домах, замках и музеях. Луис Убиета со своей слащавой, предательской улыбкой провожал нас.

Пройдет совсем немного времени, и Убиета сыграет свою черную роль: 8 февраля 1939 года в бухту Маон войдет английский крейсер «Девоншир», на борту которого будет находиться эmissар Франко, губернатор соседнего острова Майорка граф де Сан Луис, которому Убиета безоговорочно сдаст остров со всем гарнизоном, обрекая таким образом на смерть сотни людей.

Покинув дом губернатора, мы бродили по городку, посидели в портовом кабачке. День клонился к закату. Истекали четыре часа, отведенные для подзарядки аккумуляторов лодки. Мы вернулись на пирс.

Когда заходящее солнце коснулось горизонта, С-4 отошла от пирса. Малым ходом мы прошли по узкой бухте, отсалютовали форту и ушли под воду, сразу же изменив курс.

Спустя три часа в кромешной тьме зимней ночи мы всплыли. На западе небо затягивалось тяжелыми тучами. Ветер заметно усилился, по морю бежали барашки. Стоя рядом с командиром, я пытался в бинокль увидеть недалекий берег Майорки и гору Морей на нем. Медленно, промеряя глубины, мы подошли к берегу. Он возвышался над белым буруном прибоя. Была полночь. Теперь можно было точно определить свое место: мы находились в середине залива, юго-восточнее Алькудии. Берег был пустынный, и до ближайшего населенного пункта, километрах в семи от моря, шли поля и оливковые рощи. За Алькудией опять врезался в берег небольшой глубокий залив с портом Польенса в глубине. Если готовился десант, то здесь было самое удобное место для его погрузки. Едва двигаясь, лодка подошла метров на пятьдесят к берегу.

Матросы быстро подготовили небольшую надувную лодку и погрузили в нее наше снаряжение. Изобретательный Виктор упрятал взрывчатку, патроны, пистолеты, гранаты и все, что нужно предохранить от сырости, в два молочных бидона. Герметически закрывающиеся пятидесятилитровые бидоны очень неудобно носить, но зато в них не проникает вода. Лодка была слишком мала, чтобы поднять нас троих со всем грузом, и мы погрузили в нее бидоны, карабины и консервы. Команда С-4 проводила нас добрыми пожеланиями, Виктор сел на весла, я и Таба пустились вплавь, дер-

жась за веревочные петли, пришитые к бортам. Волны разбивались о прибрежные камни, вздымая белую пену...

Вот наконец и берег. Стоя по пояс в воде, Таба держал лодку, пока мы с Виктором ее разгружали, а затем выпустили из нее воздух, нагроузили камнями и затопили у берега. Только длинный линь, привязанный к кусту на обрыве, удерживал теперь пустую оболочку, и на обратном пути нам будет легко ее найти...

Втаскиваем груз по крутому склону. Глаза привыкают к темноте, и мы уже различаем ближайшую оливковую рощу. Тучи несутся быстро, и в их просветах все чаще видны звезды. Над нами бесшумно летают маленькие летучие мыши, и их черные тени порой видны на фоне неба. Идти по вспаханной земле неудобно, и мы решаем отделаться от громоздких бидонов, перегрузив их содержимое в заплечные мешки. В шести километрах от Алькудии пересекаем дорогу и выходим на берег маленького залива. В яме среди кустов устраиваемся на дневку.

С рассветом нам виден весь залив, порт Алькудия и на северной стороне — Польенса. В бинокль я изучаю берег. В бухте спуют катера, на якоре — небольшой пароход, рядом — маленький танкер. Он, наверное, привез горючее для итальянской базы гидросамолетов.

Днем ведем круговое наблюдение за заливом и дорогами. Ни одной колонны с войсками или грузами, что могло подтвердить подготовку десанта, мы не заметили. Ни в Алькудии, ни в Польенсе нет сосредоточения войск. В таких маленьких городах войска были бы сразу заметны, но на улицах малоллюдно. Никаких признаков десанта.

Днем перед нами открылись дали острова. За проходящей вблизи дорогой росли тополя и несколько ив у ручья. Дальше шли поля и луга, расстилавшиеся ковром разноцветных трав и цветов, еще дальше — оливковые рощи, за ними опять луга и зеленое море посевов. Над этим простором неслись облака, их тени скользили по земле. Виднелись деревни, они краснели черепицей крыш, белели колокольнями церквей...

Наблюдая за своим участком, Виктор рассказывал занимательную историю о своей учебе в морском корпусе в Петербурге и службе на миноносце на Черном море. Разглядев что-то заслуживающее внимания, он, не делая перерыва и не меняя тона, сообщал мне о своих

наблюдениях, ждал, пока я запишу, а затем продолжал свой рассказ. Таба, не прерывая своих наблюдений, слушал Виктора молча.

По очереди мы немного поспали. Но это был не сон, а так, дрема с полузакрытыми глазами...

В сумерках группа итальянских гидросамолетов, пробороздив воды залива, взлетела и, пройдя в сторону мыса Форментор, легла курсом на Барселону: полетели бомбить...

Виктор хорошо владел испанским языком. Долгие годы общался с моряками, докерами и рыбаками. Он был похож на южанина, к тому же сильно загоревший, немного картавил, одевался как все простые приморские жители. Короче говоря, Виктор ничем не выделялся из общей массы испанцев, обитавших в южных, приморских городах и на островах.

Два дня мы изучали район возможного сосредоточения десанта, вели наблюдение за движением на дорогах и в населенных пунктах Пуэрто-де-Польенса, Польенса и Алькудиа. Нет, там не было войск, если не считать итальянской гидронавигационной части, не было судов для перевозки десанта. Но в семнадцати километрах от Польенсы, в складке невысокого лесистого хребта, находился городок Эскорка, а под ним, на северо-западном склоне, на берегу острова — небольшой порт Сольер и несколько маленьких заливов. Оттуда до Барселоны было всего 195 километров. А что там?

Эта мысль не давала мне покоя, и я считал нашу миссию невыполненной до тех пор, пока мы не обследуем и этот небольшой район. Однако идти туда всем рискованно. Я водил пальцем по карте, когда Виктор, как бы угадывая мои мысли, сказал, указав на Эскорку и северо-западный берег.

— Важно посмотреть и там...

— Пойдете туда? — спросил я.

— Пойду, — ответил он тоном, говорившим, что мой вопрос был лишним. — Вы командир, приказывайте...

— Документов-то никаких нет. Что вы предъявите, если потребуют?

В двойной седельный мешок, какие носят крестьяне, перекинув через плечо, или кладут на спину осликам, Виктор положил две ручные гранаты-«лимонки» и свой крупнокалиберный «стайер» с запасными обоймами.

— Вот это и предъявлю, — сказал он своим обычным не то шутливым, не то ироническим тоном. — Хотя

уверен, что до этого не дойдет. Они здесь непуганые. Я потолкаюсь на рынке, поболтаю осторожно с людьми в кабачках, угощу вином, затем пройду по городку, спущусь по склону и посмотрю, что делается в Сольере. К заходу солнца вернусь... Ну а если не вернусь, вы меня не ждите, — просто, но уже серьезно добавил он.

Виктор крепко пожал нам руки и скрылся в кустарнике, обрамлявшем шоссе. А мы остались у дороги, под старыми дубами с густыми кронами.

Было еще темно, когда в сторону Польенсы пронеслись два крытых итальянских грузовика с солдатами, возвращавшимися, видимо, с гулянки в Эскорке. До нас донеслось их нестройное пьяное пение.

С наступлением дня движение на дороге должно было усилиться, и мы решили укрыться в кронах дубов. Вскоре потянулись крестьянские возы с кукурузой, мешками с зерном и древесным углем. Почти у каждого воза бежала собака. Один пес подбежал к дубу, на котором сидел Таба. Он задрал лапу по своим собачьим делам, но, почувствовав присутствие человека, поднял голову и яростно залился лаем. Хозяин, шагавший рядом с возом, позвал его, но пес продолжал лаять и прыгать у подножия дуба. Тот еще раз окликнул собаку, а затем направился к дереву, стараясь разглядеть, что же привлекло внимание пса. А воз тем временем продолжал двигаться по дороге, и возница в замешательстве смотрел то на него, то на свою собаку. Наконец он решительно зашагал к дереву, взял собаку за ошейник и потащил к дороге.

Дождавшись, когда дорога опустеет, мы спустились на землю и отошли подальше, укрывшись в густых кустах тамилары у небольшого ручья.

День в ожидании возвращения Виктора тянулся томительно долго. С наступлением темноты мы подошли к условленному месту встречи — белому дорожному столбику с цифрой «пять». Здесь был прямой участок дороги, отлого поднимавшийся в сторону Эскорки. Шоссе хорошо просматривалось в обе стороны. Но с наступлением сумерек дали постепенно расплывались и стусывывались. С моря дул ветер, шумели дубы, журчал ручей, сбегавший с хребта. Ночь наполнялась таинственными звуками. Наш настороженный слух ждал условного сигнала.

Наконец близко ухнул филин. Мы замерли в ожидании. Крик ночной птицы повторился еще два раза. Это

был условный сигнал Виктора. Таба ответил. Через несколько секунд тень Виктора легла на светлую ленту шоссе.

— Буэнос noche, компаньерос, — своим обычным тоном произнес он.

— Не будем терять времени, пошли, — приказал я. — Расскажите все по дороге.

— У них там ничего нет, кроме жандармов, шатающихся парами по рынку и пьющих вино в кабаках. Я говорил с людьми, расспрашивал... Войск здесь нет.

Наступала третья ночь пребывания на острове Майорка. Все было ясно. Надо поскорее возвращаться. Подлодка должна приходиться за нами три ночи подряд. Вчера ночью она уже впервые, должно быть, подходила к высокому берегу у места нашей высадки и, не получив ответа на сигнал, опять ушла в море. Придет она и сегодня. Если мы не появимся в течение трех ночей подряд, она уйдет в Барселону, и товарищи будут считать нас погибшими...

До места встречи с С-4 предстояло пройти напрямик километров пятнадцать.

Южнее Ла-Пуэбла мы вышли на дорогу в Муно. В темноте можно было идти по проселку, что тянулся среди оливковой рощи. Полями мы обошли спящее Муно и вновь вышли на дорогу, ведущую в Санта-Маргариту. На полпути нужно было свернуть влево к берегу и пройти еще три километра до места встречи с подводной лодкой.

Ясная ночь. Над нами южное небо, усеянное звездами. Слышится треск цикад. У земли зеленоватыми огоньками носятся светлячки.

Мы тихо говорим о том, что все было бы по-иному, имей мы на острове своих людей, у которых можно укрыться.

— Арре, арре! — раздалось за поворотом дороги.

Мы залегли. Послышался легкий скрип. Два рослых мула, запряженных цугом, вытащили из-за поворота тяжелую повозку на двух огромных колесах. Высоко от земли, над мулами, под круглым матерчатым тентом сидел возница и что-то вполголоса напевал. Его лицо чуть-чуть розовело при каждой затяжке сигаретой. Не сговариваясь, мы вышли на дорогу.

— Ойга ме, омбре*, — негромко сказал Виктор,

* Ойга ме, омбре — послушай, парень (исп.).

вплотную подходя к повозке. Таба шагнул вслед за ним и взял за узду переднего мула. Повозка остановилась.

— Кто там? — спросил возница, машинально натягивая вожжи. Собачонка, бежавшая под телегой, меж колес, подошла обнюхать нас.

— Спички есть? — спросил Виктор.

— Есть, — спокойно ответил крестьянин и спрыгнул на землю. Это был человек лет двадцати пяти. Из кармана короткой куртки он достал спички и протянул нам. Мы угостили его куревом, не торопясь начать разговор.

«Если удастся договориться с этим человеком, то Виктор отправится в Барселону, а мы с Табой на некоторое время останемся на острове», — подумал я.

— Алеманос? * — спросил возница, пытаясь лучше разглядеть нас.

— Нет...

— Итальянос?

— Нет...

— Кто же вы? — без тени тревоги спросил испанец. Видимо, наше произношение выдавало в нас иностранцев.

— Республиканос! — с расстановкой произнес Виктор.

— Реп... — Возница запнулся на этом слове. Рука с сигаретой повисла в воздухе, и, не говоря ни слова, он полез в повозку.

— Не спеши, приятель. Мы ничего плохого тебе не сделаем. Ты должен помочь нам. Мы сражаемся за свободу, против помещиков, за то, чтобы отдать землю крестьянам. Разве ты не слыхал об этом? — начал я. — Помоги нам, устрой на ночлег, расскажи, кто у вас сочувствует республике...

— У меня нет своего дома, я работаю у алькальда **, ну как я вас спрячу? У нас в деревне уже несколько крестьян расстреляли — тех, кто был недоволен... а у меня семья, дети... Чем я могу помочь вам? Нет, вы уж меня не просите. Я никому не скажу, что вас видел... Вот у меня есть немного хлеба, — и возница протянул нам маленький, круто замешенный хлебец.

Мы молча переглянулись.

— Пусть едет, — сказал Таба и, обращаясь к испан-

* Алеманос — немцы (исп.).

** Алькальд — деревенский староста (исп.).

цу, спросил: — Ты никому не скажешь, что встретил нас?

— Клянусь пресвятой девой Марией, пусть покарает меня всевышний, если я скажу хоть слово про вас. Идите с богом, я вас не выдам.

Мы постояли на дороге, пока поскрипывающий воз не скрылся за поворотом, затем зашагали по целине к морю, шумевшему невдалеке. Еще не дойдя до обрыва, услышали, как вдали, в направлении Алькудии, прозвучал глухой взрыв и слабая зарница на мгновение осветила небо. Сработала наша мина на мосту у перекрестка дорог. Взрыв подхлестнул нас, и мы почти скатились с обрыва к воде, где волны, как бы приветствуя, окатили нас своими солеными брызгами.

— Подымется теперь у них суматоха! — весело проговорил Виктор. — Вот забегают, начнут искать, настожатся. Все время жили здесь спокойно, и вдруг...

— Это полезно, — заметил Таба, нащупав уже линь от надувной лодки.

Общими усилиями мы вытащили ее на берег и быстро накачали маленьким мехом. Войдя в воду, Таба удерживал ее на накате. Оставалось ждать появления «С-4».

Эти последние полчаса ожидания, пожалуй, были трудными. Сидя на камнях, мы до боли в глазах вглядывались в темноту и вслушивались в прерывистый гул прибоя. Многочисленные ссадины на теле ныли, и нервное напряжение последних дней сильно давало о себе знать.

— Есть! — вдруг воскликнул Таба.

В кабельтове от берега, словно светляк, два раза мигнул слабый зеленый огонек. Виктор тотчас ответил сигналом своего электрического фонаря и засек направление по компасу. Он первым залез в лодку и взялся за весла. Я последовал за ним и зачерпнул в нее воды.

— Кладите оружие и одежду, держитесь за корму, а я вас отбуксирую. Так будет скорее, — предложил Виктор.

Мы ухватились за петли и энергично заработали ногами. Виктор взмахнул веслами, и, преодолев накат, мы поплыли к невидимой подводной лодке, откуда нам подавали голоса. Вскоре появилась ее темная масса. Моряки быстро втащили нас на палубу и, не дав опомниться, опустили в люк.

Не забыть мне теперь эти три ночи под оливами!..

Подводная лодка бесшумно скользнула во мрак и, запустив дизели, пошла полным ходом, оставляя на поверхности фосфоресцирующий шлейф и пляшущие в струе отражения звезд.

Командир спустился к нам в кают-компанию и за чашкой кофе сообщил, что теперь мы пойдём к порту Пальма-де-Майорка, а оттуда возьмем направление на Кастельон-де-ла-Плайя, чтобы пройти дозором вдоль берега и вернуться в Барселону. Уходя к себе, он сказал, что на подходе к берегу видел сильную вспышку где-то в районе мыса Форmentor. Это была все та же мина!

К десяти часам утра мы пришли в залив у Пальма-де-Майорки. Военные корабли мятежников стояли в порту за противолодочными сетями. До наступления темноты опять лежали на грунте, вслушиваясь в редкие шумы винтов проходивших судов и изредка осторожно высывая перископ.

В темноте отошли мористее, всплыли и на дизелях пошли к материку. Утром у Оропесы командир заметил стоявший у берега легкий крейсер мятежников «Серверу». Заманчивая цель для торпедного удара! По сигналу боевой тревоги, когда все заняли свои места, мы уселись на диване в кают-компании, чтобы никому не мешать. Лодка маневрировала и легла на боевой курс. Две торпеды с шипением вышли из носовых аппаратов, но одна сразу же затонула, а вторая всплыла, выдав противнику наше присутствие.

— Третий, четвертый — пли!

Третья торпеда тоже затонула, а четвертая стала описывать циркуляцию, угрожая нашей лодке. Чтобы уйти от нее, лучше всего было всплыть и на дизелях уйти на большом ходу. Однако на виду у вражеского крейсера сделать это было слишком опасно. Пришлось погрузиться на предельную глубину и дать максимальные обороты на валы, почти полностью разрядив аккумуляторы.

Командир неистово ругался и говорил о вредительстве агентов Франко в морском арсенале Картахены, поставляющем торпеды.

Нам повезло: командир вражеского крейсера был основательно напуган попыткой атаковать его и не пытался нас преследовать. Не слыша погони, мы легли у берега на грунт, чтобы сохранить остатки заряда в аккумуляторах. Томительно тянулись часы. В старой лодке к концу дня стало трудно дышать. Но вот наступила

желанная темнота, можно было всплыть и проветрить отсеки.

В двенадцатом часу ночи подошли к Барселоне, маневрируя меж минных заграждений. Итальянская авиация вновь появилась над городом. Гора Тибидабо, как и в ночь нашего отплытия, сверкала вспышками зенитных орудий. В темном небе сверкали разрывы снарядов, гудели моторы вражеских самолетов... Опять горела Барселонетта и дома вблизи порта. Ветер доносил до нас дым и запах тротила.

Когда налет закончился, лодка подошла к своей стоянке на пирсе Моррот. Опасаясь второй волны бомбардировщиков, командир торопил всех покинуть С-4. Мы тепло распрощались с командой. Наш brave матрос Пинент, повез нас на Тибидабо. Так закончится наш поход...

Григорий и Лева Озолин ждали в полуосвещенном нижнем холле. Григорий обнял меня, затем отстранил и несколько секунд молча рассматривал, как бы стараясь что-то прочесть в моем лице. Стоявший рядом Озолин улыбался и, подойдя, крепко, без слов, пожал мне руку.

Мы поднялись на второй этаж, в большую прохладную комнату Гриши и уселись на диване перед низким столиком.

— За благополучное возвращение! — сказал Григорий, разливая коньяк в граненые стаканчики. — Даже теперь, когда сражение на Эбро закончилось и армия с боями отходит к Барселоне, важно знать, что десанта не будет и не нужно снимать войска с фронта. А это даст возможность продлить сопротивление, выиграть время. Быть может, правительству наконец удастся преодолеть саботаж генералов-капитулянтов в зоне Центр — Юг и заставить их начать наступление имеющимися у них большими силами. Тогда все еще может измениться к лучшему...

Гриша задумался и глубоко вздохнул. Молчал и Лева Озолин.

Я посмотрел на них, и чувство еще не осознанной тревоги охватило меня.

— Тебе придется сегодня же ночью написать подробный доклад о своем походе... Отдохнешь потом... — проговорил наконец Гриша.

— Сегодня ночью...

— Да, сегодня ночью... Завтра я уезжаю домой!

Меньше всего я ожидал услышать такое.

— Почему?

— Вызывают. Надо ехать.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ВМЕСТЕ...



Сборы не заняли много времени. На следующее утро я поехал проводить Гришу до французской границы.

Все время в Испании мы были рядом. Сколько пережили вместе! Ночи в горах Сьерра-де-Гвадаррамы под высокими соснами у костров в окружении таинственного лесного мрака или среди выжженных солнцем гор и пыльных холмов Альбаррасина; споры в Мадриде, в моей комнате, в «Гэйлорде», или неторопливые беседы за скромной трапезой. Тревожные дни и ночи. Я вспоминаю его медленный жест, когда сломанной рукой, несколько скованный в движениях, Гриша проводил по своей буйной шевелюре.

И вот настало время разлуки. Казалось, такого никогда не случится и всю дальнейшую жизнь мы прошагаем рядом с Гришей Грандэ.

У Мальграта, где шоссе сворачивает от моря в горы, он приказал остановить машину. Здесь, у самой дороги, находилась маленькая вилла, брошенная владельцем. В ней размещалась промежуточная база одного из отрядов 14-го партизанского корпуса.

Несколько раз мы прошли по тенистой аллее. В густых зарослях гнездились птицы. При нашем приближении они с писком вылетали из кустов.

— Не провожай дальше... Простимся здесь, — сказал Гриша.

— Но я...

— Не надо...

Мы крепко обнялись. Несколько секунд Сыроежкин не отпускал моей руки, а затем толкнул ладонью в

плечо, вложив в этот жест столько невысказанных чувств.

Рядом шумело море, начинался шторм, и упругий ветер срывал пенные верхушки прибоя. Гриша сел в свой «паккард», и верный Пако помчал его в последний раз по испанской земле. Я стоял на дороге и смотрел им вслед, пока машина не скрылась за дальним поворотом.

Я думал о том, что сердце Гриши Грандэ навсегда было отдано тому делу и тем людям, которым он верил... Он уехал. Мог ли я предполагать тогда, что «предназначенное расставание» уже не обещало нам впереди встречу?..

То утро нашего прощания разгоралось мучительно медленно. Бледное солнце едва пробивалось сквозь туманную вуаль соленой морской влаги, поднятой штормовым ветром. Я не мог заставить себя уйти с дороги и все время смотрел и смотрел туда, где скрылась машина, уносившая Гришу.

Но время шло, и нужно было возвращаться. Мой постоянный спутник Игнасио Пинент сидел за рулем нашего тяжелого «испано-сюиза». Его красивое оливкового оттенка лицо с черными тонкими усиками, бледное от постоянного недосыпания, было бесстрастным и спокойным. Рядом с ним Таба. Когда я наконец заставил себя подойти к машине, Таба вышел навстречу. Взгляд его говорил: ничего не поделаешь, жизнь полна расставаний, и от этого никуда не уйти...

Пинент, как всегда, стремительно повел машину. До самой Барселоны мы не проронили ни слова.

РАЗОРВАННЫЕ ЗВЕНЬЯ ЦЕПИ



Представляя сложную жизнь Григория Сыроежкина как цепь событий, с горечью приходишь к выводу, что многие звенья этой цепи отсутствуют. Оказалось труд-

ным, просто невозможным собрать и связать звенья цепи, из которых складывалась такая яркая и сложная жизнь человека с немного смешной фамилией Сыроежкин. Порой у него были и другие фамилии, когда этого требовали обстоятельства и дела, в которых ему доводилось участвовать. Но Сыроежкин была его настоящая фамилия.

Со дня его трагической гибели прошло более тридцати лет. В живых уже нет многих его соратников, трудно найти документы о его работе, да и многих документов нет. Все меньше остается свидетелей: жизнь сверстников Григория Сыроежкина у финишной черты или уже за нею.

Говорят, что каждый человек приходит из страны своего детства. Григорий не был исключением из общего правила. Он родился среди пшеничных полей Поволжья. Вокруг его родного села Волкова разливалось золото хлебов Самарщины. Там жили крепкие, высокие и сильные люди. Это была их земля. Куда бы ни забрасывала его судьба, в какой бы стране он ни был, глаза его теплели при виде полей, рука тянулась к земле, которую он набирал в горсть таким характерным для крестьянина жестом, разминал пальцами, нюхал. Это был человек от земли, поэтому так близки и понятны были ему иссушенные солнцем на помещичьих полях, озлобленные андалузские батраки, с которыми встретился он в Испании. Они полюбили его и прозвали не только за большой рост Гришей Грандэ...

Таким он был всегда — непримиримый к врагам, бесконечно доброжелательный и добрый к друзьям, к простым людям, из среды которых он вышел сам.

Григорий Сыроежкин не проявлял забот о накоплении, не обрастал вещами. Работавшие с ним люди рассказывали мне, что помнят его всегда в одном и том же хорошо вычищенном и отглаженном костюме, в чистой рубашке и аккуратно починенных ботинках. Обувь он носил до тех пор, пока сапожники не отказывались ее чинить.

Деньги, казалось, для него не существовали. Получая зарплату, он обычно клал ее в проволочную корзинку для бумаг, стоявшую на его письменном столе. И когда кто-то из товарищей приходил просить взаймы, Григорий, указывая на корзинку, говорил:

— Возьми сколько надо. В получку положи обратно...

Не раз он вступал в смертельные схватки с врагами, был беспощаден к ним, рука его была твердой. Но к нуждам и страданиям близких ему по духу людей проявлял исключительную чуткость, внимание и трогательную заботу.

В 20-е годы на улицах наших городов встречались беспризорные дети и нищие. Их вид всегда производил гнетущее впечатление на Григория. Он мрачнел, становился печальным. Однажды, получив зарплату, он целиком отдал ее женщине с ребенком на руках. В другой раз, в холодный дождливый день, встретив такую же женщину с ребенком, он тут же на улице отдал ей свое новое пальто.

Все это делал он просто, без позы. Не любил, когда товарищи рассказывали о его поступках, и вообще если бы не было свидетелей, то никто так бы и не узнал многого.

Я не устану повторять, что Григорий Сыроежкин был удивительно непосредственным человеком, каких я на протяжении своей достаточно долгой жизни не встречал ни разу. Не смелость, не отвага, не хитрость и изобретательность (людей с такими качествами можно встретить часто), а именно непосредственность отличала его. Он умел держать себя так естественно, что соприкасавшиеся с ним очень осторожные люди проникались к нему полным доверием. Так бывало даже в самой напряженной и рискованной обстановке, обычно заставляющей людей быть особенно подозрительными и недоверчивыми. Как я уже говорил, умение внушить к себе доверие совсем не определялось тонко и хитро построенной речью, умением уговорить нужного ему человека какими-то особенно убедительными словами, неопровержимой логикой, всем тем, к чему обычно долго и тщательно готовятся. Ничего этого не было! Получалось это у него просто и естественно, как бы интуитивно. В непосредственности выражалась его убежденность. В этом и таилась его сила, я бы сказал, неотразимая сила воздействия на людей.

Из тройки неразлучных друзей — Григория Сыроежкина, Льва и Жени Озолиных — в живых уже никого не осталось. Последней ушла из жизни в 1971 году Жени. Так уж получилось, что нашел я ее в 60-х годах, спустя двадцать семь лет после возвращения из Испании. По-прежнему она жила в Ленинграде, все в той же квартире, в которой провела столько счастливых лет со

своим любимым Львом, где за ее гостеприимным столом собирались друзья чекисты-полуночники и где она, уже в одиночестве, прожила 900 страшных дней блокады. Каждая вещица напоминала ей о счастливых и трудных днях, о дорогих людях, ушедших преждевременно, навсегда. Ничто не изгладило память о них, с грустной улыбкой она говорила: «Это было так давно, это было совсем недавно...»

Так уж было и, наверное, так будет всегда, когда в исключительных по своему значению делах участвует очень ограниченное количество чекистов. В распоряжении руководителей для таких важных дел имелись люди, обладавшие отвагой, острым умом, огромной выдержкой и готовностью идти на любые личные жертвы.

Таких людей можно было пересчитать по пальцам, и совсем не потому, что смелых и решительных чекистов не доставало. Нет, их было всегда много. Но для очень уж серьезных и тонких дел нужны были люди, обладающие совершенно особыми качествами. Это не просто объяснить словами. Такие люди поразительно угадывались Дзержинским и Менжинским, умевшими как бы проецировать на сотрудников часть своих личных качеств. Им не было необходимости приказывать. Их понимали с полуслова и сами предлагали себя для дела. И неудивительно, что такие люди навсегда вошли в историю органов ВЧК — ОГПУ.

«Одно можно сказать, что ВЧК — ГПУ создавалось и развивалось с трудом, со страшной растратой сил работников, — писал Менжинский. — Дело было новое, трудное, требовавшее не только железной воли и крепких нервов, но и ясной головы, кристальной честности, гибкости неслыханной и абсолютной, беспрекословной преданности и законопослушности партии».

Григорий Сыроежкин отвечал этим качествам в полной мере.

Вот еще одно звено...

Начало 20-х годов. В Белоруссии бесчинствуют банды Бориса Савинкова. Они то появляются из-за границы, то уходят. Их укрывает, снабжает и вооружает панская Польша, используя в своих разведывательных целях против Советского государства. Грабежами, убийствами, пожарами отмечен их путь. Небольшие города подвергаются нападениям. Борьба с бандитами трудна:

их покрывают и им помогают различные антисоветские элементы, кулачество и духовенство, в то время еще обладавшие заметным влиянием в захолустных местах и приграничных районах. Отряды ЧОН и ОСНАЗ * преследуют бандитов, но ликвидировать не могут. Исчезая в одном месте, банды появляются в другом. Они осведомлены о всех передвижениях правительственных отрядов.

Одной из самых крупных и активных была банда сподвижника Савинкова — полковника Даниила Иванова. Она периодически переходила из Польши на советскую территорию. Пограничная охрана находилась в то время в стадии становления, была еще малочисленной, недостаточно вооруженной и подвижной.

Органы ВЧК и до Сыроежкина засылали в банду Иванова своих людей, но какими-то неведомыми путями бандитам удавалось их разоблачить. За разоблачением следовали зверские пытки и убийства. Так бандиты поступали не только с мужчинами-чекистами, но и с женщинами.

В 1923 году были получены сведения о том, что Иванов замышляет совершить «громкое» дело в Москве. Речь могла идти только о террористическом акте в отношении одного из руководителей Советского государства. Савинков всегда носился с такими идеями, имея еще с дореволюционных времен большой опыт в подобных делах. Полученные сведения настораживали. В памяти были свежи покушения на В. И. Ленина, убийства Урицкого и Володарского и ряд крупных диверсий, совершенных в Москве и в других городах. Рисковать в подобных делах недопустимо: нужно было принять все необходимые и возможные меры к предотвращению и срыву этих вражеских замыслов.

И вот тогда Григорий Сыроежкин просит руководство ВЧК разрешить ему влиться в банду Иванова с целью выяснения его замыслов и предотвращения каких бы то ни было попыток совершить террористический акт. Ф. Э. Дзержинский подробно расспрашивает его, как он намеревается осуществить свой рискованный план. Ведь на карту поставлена жизнь! Выслушав Григория, он в конце концов дает свое согласие.

Осень 1923 года. Третий день в ватнике, болотных сапогах и в надвинутой на глаза ушанке бродит Григо-

* ОСНАЗ — отряд особого назначения.

рий Сыроежкин по сырым лесам Оршанского района Белоруссии. Третий день — все безрезультатно, хотя по всем данным банда Даниила Иванова должна быть где-то здесь. Но вот он уловил едва слышный треск ветки под чьими-то ногами. Наверное, они!..

Усилием воли подавил невольное волнение. Теперь он отчетливо слышал шорох крадущихся шагов. Кто-то неумело шел по насту.

Сейчас главное выдержка. Не показать им, что боишься.

Григорий останавливается возле старого дуба. Неторопливо разжигает небольшой костер и, согрев над ним руки, развязывает тугой узел заплечного мешка. Достав кусок сала и хлеб, открывает большой нож. Медленно прожевывая куски, он, не оборачиваясь, напрягает слух.

Шаги неизвестных людей все отчетливей и ближе. Ноги напряжены, готовые подбросить тело, рука крепче сжимает нож... Он готов ко всему. И вот с трех сторон на полянку выходят вооруженные люди.

— Руки вверх!

Григорий спокойно смотрит на них и, продолжая жевать, неторопливо поднимает руки до уровня плеча. Так же невозмутимо переводит взгляд с одного человека на другого. Три бандита держат его на прицеле.

— Бросай оружие!

Усмехаясь, он швыряет им под ноги финский нож и английскую гранату-«лимонку».

— Это все?

— Все...

— Куда идешь?

— К Иванову.

— Зачем?

— Это я ему скажу... Ведите! — уже почти приказывает он, завязывая мешок и поднимаясь с земли.

Бандиты переглядываются между собой. Один из них подходит сзади, выворачивает Григорию руки и крепко скручивает их за спиной. Затем ему завязывают глаза и так ведут в глубь леса.

Он считает шаги и повороты. Бандиты нарочно путают след. Судя по всему, прошли они немного. Через полчаса с глаз Григория снимают повязку.

Небольшая поляна в лесной чащобе. Землянка и несколько палаток. Чадающие костры. В сыром лесу дым застревает где-то у вершин, расплываясь облаком над

землей и смешиваясь с туманом. Из землянки появился человек в кожаной тужурке с погонами, в офицерской фуражке. Григорий узнал Данила Иванова. Именно таким описывали его жители разграбленного городка. Некоторое время Иванов молча рассматривал Сыроежкина, постукивая прутиком по голенищу сапога.

— Кто такой?

Григорий пошевелил связанными руками.

— Скажите, чтобы развязали... Или опасаетесь? — презрительно бросил он.

На бандитов, профессиональных убийц, всегда отвращающе действует поведение людей, не проявляющих панического страха перед ними.

Спокойный тон неизвестного озадачил Иванова.

— Развязать!

Приказание было тут же выполнено.

— Кто вы такой? — повторил он свой вопрос, почему-то переходя на «вы».

— Кто, кто... Бежал из тюрьмы в Орше и вот шел к вам. Принимайте...

— За что был осужден?

— А как, по-вашему, за что десять лет дают? — пробурчал Григорий, растирая затекшие руки. — Это длинный разговор. Так как, принимаете к себе аль нет?

Иванов с любопытством смотрел на пришельца.

— Чекист? Ну, признавайся... живо! — Иванов положил руку на колодку маузера.

Григорий молчал, спокойно разглядывая атамана.

— Чего молчишь? — снова переходя на «ты», свирепо спросил Иванов. Бандиты зашумели.

— Оружие есть?

Григорий полез за пазуху и из-под левой руки достал пистолет «вальтер».

— Возьмите...

— Почему сразу не сдал, когда тебя задержали?

— Кто же сразу сдает...

Иванов впервые встретил такого человека. Он, конечно, вызывал опасения, неясные сомнения, желание проверить. Уж очень необычно он вел себя. Впрочем, решил Иванов, сейчас мы его проверим, и скомандовал:

— Кругом! Шагом марш!..

Как только Григорий повернулся, атаман выстрелил из пистолета почти над самым его ухом.

Но тот даже не остановился, не повернулся и продолжал не спеша шагать.

— Стой! Подойди ко мне! Говори, зачем пришел?

— А куда же мне идти?! Десять лет сидеть в ката-
лажке кому охота.

— Сбежал, что ли?

— Сами же не выпустят... Ну, чего боитесь? Я ведь
в ваших руках. Оставляйте, а то пойду на ту сторону.

— Так тебя там и приняли, — насмешливо и уже не
так злобно проговорил Иванов.

— Примут, — уверенно ответил Григорий.

— Ну так как, оставим его у себя? — обращаясь к
окружавшим его бандитам, спросил Иванов.

Спокойный тон новенького, его невозмутимость и
непосредственность произвели впечатление на бандитов.

— Оставим! — слышались голоса из толпы.

— Ну оставайся, — сказал наконец Иванов, криво
усмехаясь и многозначительно поглядывая на Григо-
рия. — На, бери, — он протянул ему «вальтер».

— У меня еще забрали нож и гранату. Пусть вер-
нут, — недовольно буркнул Григорий.

Оставляя его в банде, Иванов в тот же день дал ука-
зание двум своим людям не спускать с Григория глаз,
следить за каждым его шагом и докладывать ему о всех
разговорах.

Потекли дни и дни — в кочевках с одной тайной лес-
ной базы на другую. Григорий заметил, что к Иванову
приходили какие-то люди, он уединялся с ними и что-
то записывал. Это была агентура бандитов, доставляв-
шая разведывательные сведения, которые потом Ива-
нов передавал польской разведке.

В лице новенького Иванов видел человека, заслужи-
вающего того, чтобы с ним советоваться, быть может,
офицера.

Григорий вошел в банду после ее очередного нале-
та на один из районных городов. Теперь им нужно было
замести следы, сбить со следа отряды ЧОН, разыски-
вающие банду, а поэтому отсидеться в лесных дебрях.

Григорий не форсировал событий. Он ждал.

Рано или поздно Иванов сам должен был заговорить
с ним. И такой момент наступил.

— Ну как, тебе еще не надоело сидеть в лесу без
дела? — неожиданно спросил как-то Иванов.

— А что ты предлагаешь, атаман? — помолчав,
спросил Григорий. — Опять налет на какой-нибудь го-
родишко?

— Это блошинные укусы, а я хочу настоящего дела!

— Это какого же дела? — спросил Сыроежкин, продолжая ворошить палкой угли в костре.

— Такого, чтобы прогремело на весь мир! Вот Борис Викторович Савинков все время об этом говорит...

Григорий ничего не сказал и продолжал сидеть с таким видом, как будто и не слышал слов Иванова.

— А ты как смотришь на это?

— На что?

— Если мы, к примеру, в Москве совершим акцию? Убьем Дзержинского или еще кого-нибудь из их главарей?

— Ишь ты, — усмехнулся Григорий и мельком бросил взгляд на Иванова. — А как ты до них достанешь?

— Достану! — решительно сказал Иванов. — Пойдешь со мной на такое дело?

Григорий молчал. Дзержинский говорил чекистам, что когда они входят в логово врагов, то не должны быть инициаторами каких-либо антисоветских акций и особенно террористических. Они должны нейтрализовать антисоветчиков, срывать их опасные замыслы или, если это невозможно, принимать все меры к их аресту и ликвидации. Иванов был слишком опасен, и о его нейтрализации нечего было думать. Такого врага нужно было обезвредить радикальными методами.

— Ну так как? Пойдешь или боишься? — торопил Иванов с ответом.

— Раз к вам пришел, то чего уж тут бояться!.. — Это был не прямой ответ, но Иванов принял его как согласие. Он стал развивать возникший у него план:

— Сперва надо разведать в Москве. Возьмем за цель Дзержинского. Когда он приезжает в ЧК, когда уезжает, есть ли у него охрана... Говорят, что он не любит охраны возле себя... У тебя в Москве есть какая-либо зацепка? — неожиданно спросил Иванов.

Это был опасный вопрос, могущий таить в себе еще одну проверку. Григорий быстро оценил все «за» и «против». Сказать, что у него есть верные люди, у которых можно скрыться, было крайне неосторожно.

— Откуда же у меня там зацепки. Я там никого не знаю, да был я в Москве раза два... проездом и оставался там всего несколько дней...

— Это плохо, — хмуро проворчал Иванов и снова посмотрел на Григория. Нравился ему этот неразговорчивый человек.

В банде Иванова таких не было.

«Есть, конечно, отчаянные ребята, — размышлял атаман, — но их хватает на налет, когда знают, что не встретят серьезного сопротивления. В Москве нужна звериная хитрость, уметь не выделяться из общей толпы, найти пристанище, не вызывая никаких подозрений, наконец, суметь уйти и замести следы». Судя по всему, на это был способен новенький, о таком человеке мечтал Иванов, замышляя «громкое дело». Даже своего заместителя, Василия, он не считал вполне подходящим компаньоном в такой акции.

— Пойдешь или нет? — еще раз спросил Иванов и замолчал.

Григорий не спешил с ответом. Он делал вид, что раздумывает, и после довольно долгой паузы сказал:

— Один не пойду...

Такой ответ устраивал Иванова. Он и не думал посылать Григория одного. Проверить все... Тысячу раз проверить. Григорий пойдет не один, а с человеком, в котором он, атаман, не сомневается. В роли наблюдателя его помощник Василий как раз и сойдет!.. Нужно, чтобы толковый и умный человек все разузнал и подготовил, а выполнять — это он сам решит кому.

— Зачем один? Поезжай с Василием и возьми еще трех или четырех человек. Разведайте там все, понаблюдайте и возвращайтесь назад. Здесь мы все сообща обсудим, и тогда я поеду с вами. Эх, и прогремим же мы на весь свет, — мечтательно протянул бандит и добавил: — А главное, Борис Викторович будет доволен.

Прошло несколько дней. Группа Василия — Сыроежкина ехала в разных вагонах. В Москве на вокзале командование перешло к Григорию, и получилось это само собой. Не то чтобы бандиты сробели, но большой город был для них непривычным, кругом много народа, чуть не в каждом им виделся чекист.

С вокзала уходили по одному и только на следующее утро должны были собраться к определенному часу в указанном Григорием месте на окраине города, в небольшом заброшенном саду. Василию эти указания Григория понравились. «Осторожный, дьявол. Видать, стреляный», — подумал он, без возражений принимая все, что теперь говорил тот.

В первый день пристанище на ночь каждый должен был найти сам, порознь: меньше опасности провала. Только Василий и Григорий действовали вместе. Под вечер, устав от беспрерывной ходьбы, они забрели отдох-

нуть и подкрепиться в чайную у Рижского вокзала, битком набитую ломовыми извозчиками. Улучив момент, когда Василий отлучился по нужде, Григорий всыпал ему в стакан чая снотворного. Бандит выпил и, положив голову на стол, заснул.

Григорий осторожно, без шума, поднялся с места и, поймав за рукав пробежавшего полового, спросил:

— Телефон у вас есть?

— За конторкой...

Убедившись, что Василий крепко спит, он направился к телефону. Центральная станция долго не отвечала. Наконец в трубке послышался голос телефонистки. Григорий назвал номер и вслед за этим услышал «соединяю». Пузицкий был на месте и тотчас же ответил.

— Это я, Григорий. Прибыл с грузом...

— Ты можешь говорить свободно?

— Нежелательно...

— Хорошо. Отвечай только «да» или «нет». Вас больше трех?

— Да.

— Четверо?

— Нет.

— Пятеро?

— Да.

— Где находитесь?

— Чайная у Рижского.

— Ясно... Сможешь задержаться там хотя бы на час?

— Попробую.

— Вас поведут. Завтра часам к девяти утра приводи всех на Пушечную. Там и будем брать... Всех сразу. Понял?

— Вполне.

С этого вечера Григорий был уже не один — боевая группа чекистов страховала его.

Утром следующего дня, в семь часов, Григорий назначил бандитам сбор в пивной в Зарядье, находившейся в грязном, запущенном доме в одном из мрачных закоулков этого старинного района Москвы. Когда все собрались, он приказал к девяти часам перейти всем в другую пивную, на Пушечной улице, напротив гостиницы «Савой». По изложенному им плану, с которым согласился Василий, они должны были вести наблюдение за главным подъездом ВЧК на Лубянке, чтобы устано-

вить время приезда и отъезда Дзержинского и Менжинского.

К девяти часам все были в сборе и сидели в разных углах пивной на Пушечной. Григорий с Василием заняли столик у прохода в мойку. Убедившись, что все собралось, Григорий как бы нечаянно сбросил локтем на пол свою кепку. Сидевший за соседним столиком подвыпивший человек поднялся, бросил на тарелку scomканную кредитку и, пошатываясь, направился к выходу. Через несколько минут группа вооруженных чекистов в черных кожаных тужурках спустилась с улицы в пивную.

— Всем оставаться на местах. Проверка документов! — проговорил один из вошедших, вынимая наган из кобуры.

Григорий схватил Василия за руку и потащил за собой в мойку:

— Уйдем через черный ход, — шепнул он бандиту.

Там, в узком коридоре, их уже ждали и быстро обоим скрутили руки. Когда их выводили во двор, в пивной слышались выстрелы и крики, впрочем, быстро смолкшие.

Согласно разработанному плану Сыроежкин был для виду арестован вместе с Василием и сидел с ним в одной камере во внутренней тюрьме ВЧК. Там ему удалось повлиять на помощника Даниила Иванова, страшно подавленного всем случившимся и уверенного в неизбежности расстрела. Григорий убедил Василия, что единственное средство сохранить жизнь — покончить с бандитизмом и оказать помощь советским органам в ликвидации банды Иванова. Только так открывался для Василия путь к спокойной, трудовой жизни, к семье. Василий хватился за это предложение.

В лес они вернулись вдвоем. Вряд ли Григорий не испытывал сомнений и опасений, совершая этот сверх меры рискованный шаг. Не мог он до конца доверять такому человеку, как Василий, но он был тонким психологом, и обмануть его было трудно. Наверное, мысли о предательстве блуждали в голове бандита, когда они возвращались в лес, но в одном он был твердо уверен: Сыроежкин всегда начеку и в случае малейшей опасности первую пулю выпустит в него. Итак, единственным выходом было покончить с Ивановым, а не с Сыроежкиным.

Григорий убедительно, со всеми подробностями и

деталями рассказал Иванову о проделанной ими подготовительной работе в Москве и о том, что оставленные там трое бандитов якобы имеют надежные места укрытий и держат под неослабным наблюдением ВЧК и его руководителей.

Через некоторое время Иванов сам отправился в Москву. На этом кончилась эпопея и его банды.

В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ...



Советская власть крепла, и почва все больше уходила из-под ног ее врагов, менялись методы борьбы с остатками контрреволюции в нашей стране.

Все мы, кому довелось пройти с Григорием Сыроежкиным хотя бы один из этапов славного и трудного чекистского пути, навсегда сохранили память о нем, теплые чувства и благодарность в сердце.

И вот нашлось еще одно звено из потерянных в цепи его жизни. В 1970 году журнал «Молодой коммунист» опубликовал две главы из этой тогда еще не опубликованной повести. Они вызвали отклики читателей. Из Красноярска пришло письмо соратника Сыроежкина — Ивана Механикова. В нем говорилось об одном из периодов работы Григория в Сибири: о борьбе с остатками контрреволюционного повстанчества.

Рассказ Механикова дополнил деталями то, что рассказал мне однажды сам Сыроежкин.

В полночь я приехал из отряда и поднялся в свою комнату. Хотелось в темноте постоять у открытого окна, послушать звуки мадридской ночи. С хребта Сьерра-де-Гвадаррамы дул ветер. Рядом, в парке Ретиро, шумели деревья. Пахло пылью, гарью. В соседнем квартале упал снаряд. Раскатистый грохот разрыва эхом отозвался в лабиринте улиц, розовый отблеск полыхнул над крышами, и опять наступила тишина, нарушаемая то

выстрелом, то короткой дробью пулемета, то глухим ударом пушки. Обычная для Мадрида ночь. По улице Алькала с воем промчалась машина, но вой ее оборвался, потонул в наступившей тишине...

Спать не хотелось, и, взяв купленную недавно книгу о похождениях английского разведчика Лоуренса, я прилег и углубился в чтение.

Григория не было.

Приехав этим утром с Андалузского фронта, он отправился к своему старому другу — командиру 13-й интернациональной бригады, старому польскому коммунисту Каролю Сверчевскому, и до сих пор не возвращался от него. Он появился около часа ночи и, сбросив кожанку, молча лег на соседнюю кровать, погрузившись в свои думы. Так прошло с полчаса.

— Что читаешь? — неожиданно спросил он, садясь на постели.

— О похождениях Лоуренса Аравийского.

— Ну и что о нем пишут?

— Описывается, как он под видом арабского шейха входил в доверие вождей племен и поднимал их на восстание против турок, склоняя сотрудничать с англичанами.

— И здорово у него это получалось?

— Да, получалось. Во всяком случае, так пишется в этой книге. Он гримировался под араба, носил национальную одежду и даже выдавал себя за мусульманина.

Григорий взял у меня книгу, полистал ее и вернул мне.

— Говоришь, гримировался, переодевался? Все это бред. А вот идти в логово врага, если это нужно, мы обязаны, но не для того, чтобы устраивать заговоры и поднимать восстания, а чтобы ликвидировать их. И стараться сделать это без кровопролития. Такая работа благородней, сложнее и тоньше. Как ты думаешь?

Не ожидая моего ответа, он задумался, вспоминая что-то, потом встал с постели, зашагал по комнате. По всему было видно, что вспомнилось ему прошлое.

— Да, наш брат многое обязан делать, только совсем не то, что твой Лоуренс. Вот я расскажу тебе одну историю. И была она совсем не так уж давно, года четыре тому назад...

Григорий опять сел на постель, провел рукой по непослушным волосам и начал рассказывать своим ровным глуховатым голосом.

— В Западной Сибири в начале тридцатых годов еще скрывалась в тайге крупная банда. Я получил задание ликвидировать эту банду без кровопролития. В банде было много обманутых людей, которые только и мечтали вернуться домой. Предводитель Боровских — бывший колчаковский офицер из эсеров, на его совести было много невинно пролитой крови. Своих людей держал он в ежовых рукавицах, под страхом жестоких репрессий...

Я слушал Григория прямо-таки затаив дыхание. Меня загипнотизировала фраза «без кровопролития», я не представлял себе борьбы с бандитами иными средствами, кроме оружия.

— Долго я думал над этим и решил пойти к Боровских в тайгу, чтобы поговорить с ним начистоту. Не влиться в его банду под видом единомышленника, а прийти как чекист, представитель Советской власти, с которой он так долго борется. Это были уже не двадцатые годы. Многое изменилось в сознании людей, окрепла наша власть, и народ безоговорочно шел за ней. Вот я и пошел в тайгу искать Боровских.

— Зачем? — спросил я, пытаюсь оценить в полной мере решение Григория.

— Как зачем? Уговорить его явиться с повинной и распустить свою организацию.

Не скрою, для меня подобный ответ был настолько неожиданным, что я с недоверием посмотрел на Григория.

— Чего смотришь? Начальство тоже побаивалось за меня и не соглашалось, но я им все же доказал. Долго я скитался по тайге. Ну, ходил-ходил и все же набрел на резиденцию Боровских. Конечно, меня схватили, скрутили и привели к нему. Я ему без обиняков сказал, что являюсь представителем ЧК и предлагаю явиться в Новосибирск с повинной, чтобы избежать кровопролития и физического уничтожения всей его организации. Очевидно, он был поражен. Это обстоятельство мешало трезво обдумать мое предложение. Возмущение и озлобление взяли верх, и он приказал меня расстрелять...

...Человека три повели меня на расстрел. Отошли мы шагов двадцать, слышу, Боровских кричит: «Посадите его в землянку, да смотрите, чтобы не сбежал. Расстреляем утром!..» Услышав его приказ, я подумал, что раз утром, то мы еще посмотрим...

Прошла ночь, наступило утро. На рассвете меня никто на расстрел не ведет. Ну, думаю, и не поведут. Прошли еще сутки, и меня опять поволокли к Боровских. Он приказал развязать мне руки и говорит: «Ладно, посоветовались мы здесь, я согласен поехать в Новосибирск к представителям Советской власти». Кругом нас стоят бандиты — обыкновенные мужики. По их лицам вижу — надоело им шататься по тайге, осточертело прятаться по таежным буреломам. Это им я обязан жизнью...

Не удержавшись, я перебил его:

— Гриша, но ты ведь шел на верную смерть!

— Не скажи. Нам надо учитывать все факторы, и в первую очередь политические. Уж кого-кого, а нашего мужика я хорошо знал, сам из мужицкой семьи. Ты посуди, тогда мы имели уже полную победу Советской власти, а это значило, что даже самые отпетые в банде люди понимали, что их игра проиграна. Во-вторых, большинство крестьян из повстанческих формирований спали и видели, как бы им вырваться из этой чудовищной западни, куда затащили их обманом. В-третьих, психологический фактор: что могло дать главарю убийство одного чекиста? А Боровских не был дураком. Он понимал, что и без того пролито много крови. Учитывая все это, я надеялся на то, что мне удастся найти с ними общий язык.

— Ну а дальше? — сгорал я от нетерпения.

Григорий с улыбкой посмотрел на меня.

— «Слушай, — говорит мне Боровских. — На что ты надеялся, когда шел сюда? Если я сдамся вам, мне же пощады не будет! Как же я на такое могу пойти?!»

«Врать не хочу, — отвечаю ему. — Это не в наших правилах. Судить вас будут обязательно. Но вот если вы сами добровольно сдадитесь и ты выведешь свой отряд из тайги, то суд учтет это смягчающее обстоятельство. Это точно».

«А где гарантия?»

«Наше слово и советский закон!»

«Я подумаю! — И, обращаясь к своим: — Уведите пленного!»

Я глянул на него и говорю: «Я не пленный, а парламентар».

«Кто вас разберет — парламентар или разведчик», — отвечает он.

Я засмеялся и говорю, что разведчики так не ходят.

«Я же в открытую. А потом судите сами: пришел я к вам без оружия, зачем же мне бежать?»

«Резонно, — ответил Боровских и, помолчав, приказал меня накормить. — Ладно, утром все решим», — закончил он.

В эту ночь ни он, ни я не спали. Я опасался, что ночью все же они могут меня прикончить и банда уйдет в тайгу заметать следы. Боровских тоже было над чем подумать.

— Что же он придумал? — опять не удержался я от вопроса.

— Согласился. Утром мы с ним вдвоем на санках выехали из тайги, а к вечеру сели на иркутский поезд. Проехали несколько часов, я задремал, а пан атаман дал деру.

— Как так?

— Сбежал. Испугался. Передумал, подлец!

— И что же ты?

— Отправился обратно в тайгу. Через сутки добрался. Снова нашел банду. Вижу — ребятки митингуют. Я — к атаману. «Что же ты, такой-растакой, — говорю, — обманываешь? Не держишь слова! Что мне, делать нечего, — за тобой взад-вперед гоняться?..» В общем, я его убедил. Поехали снова...

— А что было потом?

— Потом? — машинально повторил Григорий. Видимо, мысли его от воспоминаний уже переключились на что-то другое. — Потом банда сдалась... В полном составе...

— Но согласишься, что ты рисковал головой...

— Может быть... Может быть... А ты что бы предпочел? — неожиданно резко он встал с постели и заходил по комнате. — Ты бы предпочел, чтобы мы поставили под пулеметы и виноватых, и ошибающихся, и просто сбитых с толку людей, ничего плохого Советской власти еще не сделавших. Если бы мы окружили банду без предупреждения, был бы бой. А в бою некогда разбираться. Сколько народу погубили бы зря... Не думать об этом человек не имеет права...

Он помолчал немного, а затем, с лукавой улыбкой глядя на меня, добавил:

— Я ведь не с закрытыми глазами. Сперва под видом кооператора походил по деревням, где жили семьи членов бандитской шайки. Их жены, матери и отцы бы-

ли настроены против главаря... все хотели жить без тревог и волнений, без страха за жизнь близких им людей. Всех звала земля... хлебушко хотели сеять и мирно жить. Ведь был 1934 год... Все сомнения и трудности остались позади... Я знал, что темными ночами мужики из банды нет-нет да пробирались к своим, и бабы пилили их, ругали... Вот так-то было дело... — И Григорий рассмеялся, хлопнул себя по колену и, раздеваясь, сказал: — А теперь давай спать!

Из скупых строк личного дела мы узнаем еще, что в 1924—1925 годах Григорий Сыроежкин участвовал в подавлении контрреволюционного повстанчества в Чечне, в 1929 году командовал отрядом, боровшимся с бандами в Монголии и Ойротии, а в 1936-м участвовал в ликвидации в Ленинграде террористической и шпионско-фашистской организации, созданной германской разведкой. Бывал в Германии, Польше, Маньчжурии, Корее и некоторых других странах, имел много поощрений и боевых наград. Но все это уже утерянные звенья в цепи его героической жизни.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА ИСПАНСКОЙ ЗЕМЛЕ



Прошел месяц после возвращения с Балеарских островов. Мятежники продолжали стремительное наступление. Пала Барселона. Десятки тысяч людей бежали к границе Франции. Бесконечной вереницей двигались машины, повозки и толпы беженцев. Временами появлялась вражеская авиация и безнаказанно расстреливала бегущих. Трупы убитых лежали по краям дороги. Отряды республиканской армии прикрывали это бегство, спасая раненых и беженцев от жестокой мести фашистов.

Последнюю ночь на испанской земле мы провели в горном лесу на склонах Пиренеев. Запомнились мне мокрые черные стволы вековых пробковых дубов, плотный туман, застрявший меж деревьев, и в нем — расплывчатое пятно дымного костра. Казалось, нас окружала пустыня, а мир, наполненный людьми, оставался где-то далеко-далеко, за тысячи километров... В душе — щемящая тоска, грусть и печаль.

На рассвете группа из восьми человек, бойцов Мадридского отряда, оказавшихся в Каталонии, отходила по дороге на Льянос, к последнему пограничному городку Портбу, когда-то первому для меня на испанской земле. До него оставалось тридцать шесть километров.

Виктор и Таба шли последними. Они минировали мосты. Пока Виктор пристраивал заряд, Таба бил из ручного пулемета по марокканскому разъезду, который шел по пятам. Виктор поджигал бикфордов шнур от горящей сигары. «Готово!» — говорил он. Тогда они садились на велосипеды и мчались к следующему мостику.

А дождь все шел, нудный, холодный. Свирепый ветер дул с Пиренеев. Наступал вечер. Виктор стоял за скрученным стволом старой оливы. Он был простужен, приступы затаенного кашля заставляли его сгибаться чуть ли не вдвое. Когда проходил приступ, он тяжело дышал, закрывая глаза. Прядь спутанных мокрых волос опускалась с непокрытой головы на бледный морщинистый лоб. Отдышавшись, он присоединялся к Табе, посылая пулю за пулей в маячивших на дороге всадников. На Табу, казалось, ничего не действовало — ни усталость, ни дождь, ни бессонные ночи. Он сбросил наконец свой марокканский бурнус, ставший слишком тяжелым от дождя.

Все ближе пограничный хребет. Лишь бы дойти до него. Ночь мы провели невдалеке от приморского городка Росас, в маленькой долине, на берегу ручья в оливковой роще. Это была последняя ночь под оливами на земле Испании.

На рассвете мы перешли границу с Францией. Рослые негры, сенегальские стрелки колониального полка, бесстрастно смотрели вслед измученным людям.

Как хорошо, подумалось мне, что Грише Грандэ всего этого не довелось увидеть. Хотя я знал, что он не из сентиментальных людей, но пережить такое действительно было нелегко.

ЭХО, ПРИХОДЯЩЕЕ ПО НОЧАМ



Только на закате жизненного пути начинаешь понимать, как стремительно летит время. Войны и мятежи сотрясали планету. Мы не были в них наблюдателями, и никто не может объяснить, как удалось нам уцелеть. «Пули, проходящие у виска или сердца, могли взять чуть левее или правее...» — говорил один мой товарищ.

Почта приносила мне письма Жени Озолиной. Они как отсвет далеких, давно погасших звезд.

Передо мной на столе — небольшая кожаная коробочка для разных мелочей. Это единственный сувенир от Гриши Сыроежкина, сохранившийся у меня после многолетних поездок по свету.

В один из дней относительного затишья на Мадридском фронте мы бродили по городу, заглядывая в редкие магазины. Стоило мне только взять какую-либо вещь с прилавка или витрины, чтобы рассмотреть ее, все равно что: рубашку, нож, безделушку, — как Гриша тут же покупал ее и совал мне в руки.

— Что, у меня самого нет денег?! — протестовал я. — Ну зачем, Гриша!

— Бери, бери на память, — бурчал он и совал покупку мне в карман или за борт тужурки.

В Барселоне мы заглядывали в магазин известной немецкой фирмы механических игрушек «Меркель», захваченный анархистами. Магазин продавал действующие модели паровых и электрических машин, модели судов, автомобилей, самолетов. Гриша тоже любил игрушки и покупал их, чтобы подарить друзьям и особенно Жене Озолиной. Однажды он купил довольно большого, с кошку величиной, заводного тигра. Этот обтянутый полосатым мехом «зверь» с усами и белыми клыками рычал, приседал и прыгал. Принеся его домой, Гриша осторожно приоткрыл дверь Жениной комнаты и впустил в нее тигра. Спросонья Женья испугалась, а

Грише пришлось ее успокаивать. Этот человек, живущий суровой жизнью бойца, не раз смотревший смерти в глаза, мог среди друзей шалить как ребенок.

Мелочи. Но и такие мелочи не уходят из памяти. Да и такие ли уж это мелочи? Доброжелательность, душевная щедрость — разве без них можно представить себе Григория Сыроежкина?!

Я был моложе Григория на три года, и в условиях революции это была значительная разница. В 1917 году мне было лишь четырнадцать лет, а ему — семнадцать. Он принадлежал к тому поколению первых лет революции, на плечи которого сразу легла полной мерой ответственность за ее судьбы. В какой-то степени он стал для меня своего рода мерилom в отношении людей, встречающихся на жизненном пути.

Наверное, в каждой профессии есть люди, наиболее полно воплощающие лучшее в ней. Из известных мне советских разведчиков таким человеком во многом был Григорий Сергеевич Сыроежкин. Он входил в когорту первых чекистов, солдат Феликса Эдмундовича Дзержинского, коммуниста кристальной чистоты, высочайшей идейности, служившего образцом самоотверженного и самоотрешенного служения великому делу революции.

Среди товарищей, с которыми сводила меня работа в разведке, было много способных и по-настоящему талантливых людей. Их объединяла преданность партии, которой они самоотверженно служили, и, если это было нужно, отдавали самое дорогое — жизнь. В Григории Сыроежкине самоотреченность ощущалась почти зримо. Для меня он олицетворял само понятие «чекист» — щит и меч революции.

Время безжалостно. Все чаще попадаются в газетах некрологи со знакомыми именами. Но живые хранят память умерших.

Где они теперь, бойцы стальных интернациональных бригад? Они разбросаны по всему свету, их связывает нерушимое братство, рожденное в первой схватке с фашизмом. У многих из них был знак, знакомый знак на руке: треугольная звезда на цепочке означает солидарность народов.

В Испании нас окружал целый мир людей из многих стран, со всех частей света. Гриша Грандэ часто говорил об этих людях, они привлекали его внимание, к ним он питал братские чувства. Мне кажется уместным рас-

сказать здесь о дальнейшей судьбе некоторых из них, в первую очередь о судьбах тех, чьи имена названы в этом повествовании.

Прежде всего о моих побратимах, с которыми по приказу Григория Сыроежкина поздней осенью 1938 года ходил я на подводной лодке С-4 в памятный поход на Балеарские острова.

Отважный, милый и мудрый Таба геройски погиб на парижской улице во время августовского восстания 1944 года, где он сражался в одном из отрядов французского Сопротивления. Совсем немного он не дожид до победы, чтобы вернуться в свою родную освобожденную Болгарию.

Не удалось вернуться на Родину и моему второму спутнику, отважному Виктору. После поражения Испанской республики, в 1939 году, ему удалось из Франции уехать в Мексику, ведь у него был паспорт испанского гражданина. Там, в Мехико-Сити, он работал, как и тысячи испанских эмигрантов. Там он и умер в 1944 году с мыслью о далекой, любимой им России.

Был у нас в Мадридском отряде еще один человек, к которому Гриша Грандэ относился с большим уважением и теплотой, ценя его мужество и преданность революции. Это женщина-переводчица, человек интересной судьбы, педагог колледжа в Эскориале.

Когда мы прибыли в Мадрид, испанские товарищи предложили нам двух испанок, знающих русский язык. Это были сестры Родригес-Данилевские, Юлия и Елена, внучки известного русского писателя XIX века Г. П. Данилевского. Вот что написал в своем «Испанском дневнике» об этой семье Михаил Ефимович Кольцов, бывший тогда в Испании корреспондентом газеты «Правда»:

«Книгу Григория Данилевского дала мне его дочь, Александра Григорьевна, генеральша Родригес. Романтический дух передался потомству автора «Княжны Таракановой» и «Мировича». Александра Данилевская пустилась в странствие по Европе, забралась за Пиренеи, и здесь в нее, харьковскую красавицу, влюбился испанский офицер. Она вышла за него замуж, осталась на всю жизнь в чужой, незнакомой стране, но дала себе обет — детей воспитать хоть наполовину русскими. С огромным терпением и любовью занималась она с двумя своими девочками, обучала их чтению, письму, затем литературе, создала в доме маленькую русскую

библиотеку и декламировала с дочерью хором русские стихи, на удивление и простодушный восторг добряка Родригеса. Он был, как говорят, человеком левых убеждений, обожал семью, умер после долгой болезни несколько лет тому назад. Мамаша Родригес явилась однажды в «Палас», красивая седая женщина. Дочери Юлия и Елена совсем испанского облика, они предложили служить всеми силами и знаниями дружбе Советского Союза с их новой родиной. Момент был самый критический, враг подходил к Мадриду».

Младшая из сестер, Елена, попала в наш отряд. Ее муж, тоже педагог, сражался в одной из испанских дивизий.

Молодая женщина, привыкшая к комфорту большого европейского города, безропотно переносила нелегкую жизнь в нашем отряде, деля с нами все опасности походов. Она была нашим скромным и чутким товарищем, внимательным, спокойным, терпеливым и бесконечно трудолюбивым.

Елена приехала в Советский Союз в 1939 году. И сейчас живет в Москве. Здесь несколько лет назад она похоронила свою замечательную мать. Она преподает испанский язык, пишет учебники, переводит. Ее дом заполнен книгами. Над ее рабочим столом — бронзовый бюст деда, автора многих исторических романов.

Наконец, я не могу умолчать еще об одном человеке. Это Игнасио Пинент, военный моряк, дни и ночи возивший меня и Гришу Грандэ по тревожным дорогам Мадридского фронта. Гриша любил его и никогда не обходил своим вниманием. Уже больше тридцати лет Игнасио живет в Москве. У него русская жена и прекрасные дети.

Убитый фашистами в августе 1936 года великий поэт Испании Гарсиа Лорка оставил нам грустные строки:

И тополя уходят —
но свет их озерный светел.
И тополя уходят —
но нам оставляют ветер.
И он умирает ночью,
обряженный черным крепом.
Но он оставляет эхо,
плывущее вниз по рекам...

Я вспоминаю Испанию. Годы не заглушат голоса погибших друзей, и память не становится равнодушнее. Испания навсегда осталась в моем сердце.

На страницах книг и на экранах кинотеатров все чаще появляются знакомые имена и образы, в которых я пытаюсь угадать черты тех, кто шел когда-то со мной рядом. В жизни они были проще — и человечней и выше. Каждый из них — это огромный мир, и, наверное, никогда не смогут слова и краски оказаться достовернее живой улыбки, грусти, тревоги и мужества «парня из нашего города», которого звали в Испании Гриша Грандэ.

ЭПИЛОГ, КОТОРОГО НИКТО НЕ МОГ ПРЕДВИДЕТЬ



Прошло, пролетело тридцать четыре года. На улице щедрым весенним паводком бушевал апрель 1971 года. Я сидел над рукописью этой книги. Из далекого далека, как едва слышное эхо, доносились знакомые голоса, и казалось, я снова иду по широким бульварам Барселоны, по мадридским площадям и в предгорьях Пиренеев.

Словно вчера это было. Я задумался, мысленно подбирая подходящее слово, когда в передней раздался звонок. Никого не ожидая в этот час, я решил, что пришел почтальон. Открыв дверь, я почувствовал, как сжалось сердце: передо мной стоял Гриша Сыроежкин, такой, каким он запечатлен на фотографии 1925 года, стоящей на моем столе. Вероятно, гость прочел смятение на моем лице. Он переступил порог.

— Олег Сыроежкин, — назвал он себя.

— Сын?

— Сын...

Те же глаза, то же лицо, те же непокорные русые кудри и крепкая фигура сильного мужчины. Он родил-

ся, когда Григорий был в Испании. Теперь с ним пришла его жена. Милая, белокурая, с голубыми глазами, она была взволнована нашей встречей не меньше, чем я.

Это была тайна Григория — сын от женщины, с которой он намеревался связать свою судьбу по возвращении из Испании. Тогда еще не родившемуся сыну покупал он игрушки, которые мельком я видел в его чемодане.

Я долго рассказывал Олегу об отце, которого он никогда не видел. Наверное, это был сумбурный рассказ. Волнение не проходило, а только усиливалось в нас обоих... Показывал сыну Гриши фотографии, сделанные в Испании. С чего начать, чем кончить рассказ об отце, я не знал...

После ужина мы долго втроем бродили по ночным московским улицам.

Олег был молод, он годился мне в сыновья. Но сложное чувство поднималось во мне, и я не мог отделаться от мысли, что беседую не с ним, а с Григорием — так велико было сходство сына с отцом.

Мы расстались у подъезда моего дома ночью, утром Олег с женой улетал в Ленинград, где живет постоянно. Он крепко пожимал мою руку, повторяя: «Живите долго! Живите долго!» А мне казалось, будто я вновь расстаюсь с Гришей Грандэ...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

События, о которых идет речь в этой книге, происходили 50 лет тому назад. 18 июля 1936 года большинство гарнизонов Испании, а днем раньше — Испанского Марокко подняли мятеж против правительства Испанской республики. События разворачивались стремительно. Как только стало известно, что значительная часть армии взбунтовалась, ушло в отставку левореспубликанское правительство Касареса Кирога. Крупнейшие профсоюзы страны — Всеобщий союз трудящихся (ВСТ) и Национальная конфедерация страны (НКТ) — объявили бессрочную забастовку и совместно с Коммунистической партией Испании (КПИ) и Испанской социалистической рабочей партией (ИСПР) призвали всех сторонников республики дать решительный отпор фашистским мятежникам.

Мятежники рассчитывали на молниеносную победу. У них был тщательно разработан план переворота. На их стороне выступила большая часть сухопутных войск. Они полагали, что республиканцы не смогут, потеряв армию, организовать сопротивление. Но народные массы подавили мятеж в Мадриде и Барселоне, а также в большинстве провинций южной и центральной Испании. Почти весь флот и вся авиация, а также часть сухопутных частей остались верны присяге и вместе с вооруженным народом сражались против мятежников, удерживавших в своих руках лишь три изолированных друг от друга района — Испанское Марокко, часть южной Андалусии и ряд северных провинций.

В возможности победы мятежников сомневались и за рубежом. Когда правительство Англии запросило своих консулов, как они оценивают ситуацию в стране, то 30 из 32 ответили, что победа будет на стороне мадридского правительства. Столь же пессимистично оценивал положение мятежников в своих донесениях в Берлин германский посол в Испании.

Какие причины вызвали выступление армии против республики? Почему в Испании вспыхнула гражданская война, почти на три года расколовшая страну на два враждебных лагеря, ведущих друг против друга ожесточенную и кровопролитную борьбу? Для того чтобы понять события, происходившие в 1936—1939 годах, необходимо вернуться к началу 30-х годов. Тогда Испания представляла собой аграрно-промышленную страну, занимавшую одно из последних мест в Европе по уровню экономического развития. Основная масса земли принадлежала крупным землевладельцам, сдававшим крестьянам землю в аренду на кабальных условиях или обрабатывающим ее с помощью сельскохозяйственных рабочих. Промышленность была развита преимущественно в северных районах — в Астурии, Стране Басков и Каталонии. Здесь же была сосредоточена и основная масса рабочего класса.

В политическом плане Испания представляла собой конституционную монархию, в которой власть принадлежала помещичьей и финансовой олигархии, церкви и армейской верхушке.

В апреле 1931 года в Испании произошла буржуазно-демократическая революция, свергнувшая монархию и провозгласившая республику «трудящихся всех классов». У власти оказалась коалиция республиканских буржуазных партий и социалистов, приступившая к осуществлению назревших социально-экономических и политических реформ и преобразований. В течение 1931—1933 годов в Испании была проведена аграрная реформа, несколько ограничившая всевластие помещиков и передавшая часть земли в руки крестьян,

принято социальное законодательство, облегчившее положение трудящихся, получила статут национальной автономии Каталония, ликвидирован орден иезуитов, принята республиканская конституция, значительно расширившая демократические свободы, и др.

Однако все эти реформы были ограничены. Правительство республики проявляло терпимость в отношении реакционных группировок правящих классов, которые пытались подорвать республиканские институты, организуя заговоры, и в то же время подавляло выступления рабочих и крестьян, боровшихся за свои права.

В 1932 году правые силы попытались свергнуть республику и подняли мятеж, но потерпели поражение. Тогда было решено покончить с республикой конституционными методами. Объединившись вокруг клерикальной партии — Испанской конфедерации автономных правых (СЕДА), реакционные силы в ноябре 1933 года одержали победу на парламентских выборах. Пришедшее к власти правительство правых радикалов приступило к осуществлению политики «контрреформ». В стране стала быстро нарастать угроза установления авторитарного режима фашистского типа. Рабочий класс под руководством коммунистов и левого крыла социалистов давал решительный отпор правым силам. Однако глубокий раскол его рядов, отсутствие единства и взаимопонимания между тремя основными течениями — коммунистическим, социалистическим и анархистским — создавали серьезные препятствия для организации отпора растущей угрозе фашизма.

Только осенью 1934 года КПИ и ИСРП договорились о единстве действий. Это соглашение сыграло огромную роль во время вооруженного восстания рабочих, вспыхнувшего в октябре в ответ на провокационное включение в состав правительства представителей СЕДА, которую рабочие считали в то время главной силой испанского фашизма. Особый размах это восстание приобрело в Астурии, где возникла рабоче-крестьянская республика, просуществовавшая две недели.

Власти жестоко подавили рабочее восстание, но после октябрьских боев в стране возникло и стало стремительно нарастать движение за создание единого рабочего, а затем и Народного антифашистского фронта, инициатором которого выступила компартия. Вначале в этом движении участвовали преимущественно рабочие партии и находившиеся под их влиянием профсоюзные объединения и молодежные организации, а летом и осенью 1935 года к нему стали присоединяться мелкобуржуазные и буржуазные республиканские партии. В январе 1936 года левые партии и организации завершили создание Народного антифашистского фронта, подписав предвыборную программу, предусматривающую дальнейшее углубление демократических реформ и преобразований.

На состоявшихся 16 февраля 1936 года досрочных выборах в парламент Народный фронт одержал внушительную победу и обеспечил себе большинство мест. Левореспубликанское правительство приступило к осуществлению программы левых сил: были выпущены на свободу политические заключенные, возобновилось действие аграрной реформы, восстановлен автономный статут Каталонии и начата подготовка к предоставлению аналогичных статутов Стране Басков и Галисии, вернулись на работу те, кто был уволен по политическим мотивам.

Правые силы развернули лихорадочную деятельность по экономической и политической дестабилизации республики. И одновременно разрабатывали планы военного переворота. Главную роль

в его подготовке играла реакционно настроенная часть генералитета и офицеров армии.

Страна стремительно скатывалась в пропасть гражданской войны. Коммунисты и левые социалисты тщетно призывали левых республиканцев принять решительные меры против заговорщиков. И если бы не решимость и героизм народа, республика несомненно пала бы уже в июле 1936 года.

К тому времени между республиканцами и мятежниками образовалось примерное равновесие сил. Защитникам республики казалось, что еще одно усилие и они нанесут поражение фашизму. И если этого не произошло, то главным образом потому, что в гражданскую войну вмешались могучие силы извне. 25 июля прибывшая в Германию делегация мятежников была принята Гитлером, который отдал приказ о немедленном предоставлении им военно-технической помощи. Через два дня в Испанское Марокко прибыли первые германские транспортные самолеты, начавшие переброску в Испанию по воздуху через Гибралтарский пролив, блокированный республиканским флотом, марокканских полков и частей Иностранного легиона. Тогда же в Марокко прибыли первые итальянские самолеты. В начале августа в испанские территориальные воды вошли германская и итальянская военно-морские эскадры. В Германии и Италии были созданы специальные штабы, разрабатывавшие и осуществлявшие планы переброски в Испанию военной техники, специалистов, а затем и целых воинских соединений.

В конце октября 1936 года Германия направила в Испанию так называемый «Легион Кондор», состоящий из нескольких соединений авиации, танковых и артиллерийских групп, саперов, техников и обслуживающих частей. Всего за 32 месяца войны гитлеровская Германия пропустила через «испанский полигон» не менее 50 тысяч солдат и офицеров. Еще более активную помощь мятежникам оказывала фашистская Италия. На стороне мятежников сражалось не менее 160 тысяч итальянских солдат и офицеров. Если же учесть воевавшие на стороне мятежников марокканские части, так называемый Португальский легион, фашистских волонтеров, прибывших в Испанию из различных стран, то получится, что более 300 тысяч иностранцев помогали испанским мятежникам душить свой народ.

В то время как Италия и Германия осуществляли прямые поставки оружия и боевой техники, а также закупали для мятежников оружие на мировом рынке, из США на протяжении всей войны поступали нефть и нефтепродукты. Американские фирмы поставили мятежникам 12 тысяч грузовиков, бомбы, снаряды, стрелковое оружие. Английские, французские, бельгийские и шведские оружейные фирмы, часто через посредников, тоже вели торговлю.

Цели, которые ставили перед собой фашистские державы, оказывая помощь мятежникам, были четко сформулированы в ряде секретных документов: превратить Испанию в плацдарм, который позволил бы Германии, ведущей активную подготовку к войне за мировое господство, и Италии, лидеры которой стремились превратить Средиземное море во «внутреннее море» итальянской империи, установить контроль над морскими и воздушными коммуникациями в Атлантическом океане и в Средиземном море, обеспечить себе возможность проникновения в Северную Африку, окружить Францию и создать для нее опасность с юга.

В конце августа 26 стран Европы (в том числе и Советский Союз) выразили свое согласие на проведение в отношении Испании политики невмешательства и создали в Лондоне специальный ко-

митет, на который и возлагалась задача контроля над проведением в жизнь достигнутого соглашения. США соглашения не подписали и в комитет не вошли, что не мешало им активно проводить в отношении Испании политику эмбарго, закрывшую для республики американские рынки оружия. Лондонский комитет действовал до апреля 1939 года, на деле превратившись в своеобразную ширму, прикрываясь которой фашистские державы могли беспрепятственно расширять интервенцию в Испанию. Комитет выработал немало различных планов морского и сухопутного контроля испанских границ, отзыва из Испании иностранных волонтеров, но ни один из них так и не был осуществлен.

Правящие круги Англии и Франции, давая «зеленую улицу» интервентам, делали в то же время все от них зависящее, чтобы Испанская республика не получала никакой помощи извне. Испанская республика не могла покупать на мировом рынке то, что было необходимо для ее защиты, в том числе оружие и боевую технику. Американский писатель Джон Ф. Уайткер справедливо писал: «Политику «невмешательства» они (Англия и Франция. — Авт.) превратили в орудие фашистской победы... Сам Франко никогда бы не смог победить в Испании. Войну выиграли немцы и итальянцы... а также политика «невмешательства» и американская политика отказа предоставить оружие республике».

Единственным участником Лондонского комитета, который пытался последовательно, в соответствии с нормами международного права, проводить подлинную политику невмешательства во внутренние дела Испании, был Советский Союз. Он дал свое согласие на участие в политике невмешательства, стремясь не допустить расширения фашистской агрессии в Европе, сорвать создание единого фронта империалистических держав против Испанской республики. Как только стало ясно, что «невмешательство» превратилось в циничный сговор англо-французских правящих кругов с фашистскими агрессорами, правительство СССР в начале октября 1936 года заявило, что считает себя свободным от обязательств, вытекающих из соглашения о невмешательстве, и предоставило республике необходимую военную помощь.

За период с октября 1936 года по январь 1939 года республика получила из Советского Союза 648 самолетов, 347 танков, 60 броневых автомобилей, 1186 орудий, свыше 20 тысяч пулеметов, около 500 тысяч винтовок, а также боеприпасы и военное снаряжение. По просьбе правительства республики СССР направил в разное время в Испанию около 3 тысяч военных и гражданских специалистов: летчиков, танкистов, инструкторов, военных советников, инженеров — организаторов производства военных материалов и ремонта боевой техники. Героизм, стойкость и самоотверженность советских людей, сражавшихся на испанской земле, в воздухе и на море, навсегда вписаны в историю борьбы испанского народа.

Во всем мире развернулось движение солидарности с Испанской республикой, проходили мощные демонстрации протеста против фашистских агрессоров и их покровителей, митинги, в которых участвовали десятки тысяч людей, создавались комитеты действия, собиравшие средства на закупку продовольствия, медикаментов, одежды для гражданского населения и беженцев, проводились дни и недели солидарности и т. п.

По инициативе коммунистов широко развернулась мобилизация антифашистов, имеющих военный опыт, служивших в армии или

участвовавших в революционных боях, и формирование из них боевых частей, получивших название интернациональных бригад. Это движение возникло в один из самых тяжелых и драматических моментов в сопротивлении испанского народа фашизму. В начале августа 1936 года войска мятежников северной и южной групп, опираясь на растущую военно-техническую помощь Италии и Германии, перешли в наступление. Отряды народной милиции не смогли сдержать их натиск. В середине августа войска северной и южной групп соединились в районе города Бадахоса, устроив кровавую расправу над его защитниками, а затем повернули на восток и вскоре вышли на дальние подступы к Мадриду.

К тому времени выявились серьезные недостатки народной милиции. Ее отряды создавались различными партиями и организациями и не желали подчиняться единому командованию. Каждый отряд располагал собственным транспортом, казармами, базами снабжения. Отсутствие дисциплины приводило к тому, что части самовольно покидали позиции, огромная масса вооруженных людей не участвовала в боевых действиях на фронтах. Коммунисты призывали к созданию регулярной армии, и еще в начале войны они создали первую боевую единицу будущей народной армии — 5-й полк. Но не все партии Народного фронта понимали необходимость создания такой армии. Часть из них (республиканские партии) пыталась возродить армию старого образца, другие (левое крыло социалистов и анархисты) были убеждены в том, что только народная милиция обеспечит победу. Пока же шли споры, мятежные войска, которые к тому времени возглавил генерал Ф. Франко, продвигались к Мадриду. Положение на этом участке фронта становилось все более угрожающим.

В начале октября 1936 года было создано первое правительство Народного фронта во главе с лидером левого крыла ИСРП Ларго Кабальеро. В нем было представлено большинство партий и организаций, входивших в Народный фронт, в том числе и коммунисты. Перед лицом растущей угрозы поражения правительство приняло ряд мер по организации обороны столицы. Началось формирование первых бригад регулярной народной армии, строительство оборонительных линий. Большую помощь в решении этих задач республиканцам оказали советские военные советники. Но пока создавались первые части народной армии, отряды народной милиции под ударами войск мятежников откатывались к Мадриду. Именно в эти тяжелые дни в Испанию стали прибывать первые группы добровольцев-антифашистов, желавших сражаться с фашизмом на испанской земле. В городе Альбасете был создан центр формирования интернациональных бригад. За короткий срок были созданы, вооружены и обучены четыре интербригады, принявшие участие в сражениях за Мадрид в самые тяжелые дни, когда фашистские войска вышли к окраинам города.

В этих боях приняли активное участие и советские добровольцы: танкисты, летчики, артиллеристы. Однако число иностранных добровольцев, сражавшихся в интербригадах в разное время и на различных участках фронта, в несколько раз уступало численности интервенционистских войск. До октября 1938 года, когда интербригады были расформированы, через них прошло около 50 тысяч иностранных бойцов и столько же испанских. В них сражались представители 54 стран мира, люди самых различных политических убеждений, классовой принадлежности и религиозных взглядов. Но всех их объединяла «одна, но пламенная страсть» — нена-

висть к фашизму, приверженность демократии, желание помочь испанскому народу и предотвратить угрозу мировой войны.

В ожесточенных боях фашистские войска были остановлены у стен Мадрида. Тщетно они бросались в атаки, а авиация и артиллерия бомбили и обстреливали город. Полки и бригады молодой народной армии, отряды добровольцев и интербригады успешно отбивали яростные атаки врага. Рухнули надежды франкистов и на то, что когда они подойдут к столице, то находившиеся в тылу защитников города их сторонники — «пятая колонна» — ударят им в спину и облегчат захват столицы. В начале 1937 года фронт под Мадридом более или менее стабилизировался.

Передышка, которую получила республика благодаря героической обороне Мадрида, была использована антифашистскими силами для создания вначале на Центральном, а в дальнейшем и на других фронтах (кроме Северного, отрезанного от основной территории республики еще летом 1936 года) регулярной армии — дисциплинированной, обученной, с единым командованием. Помощь Советского Союза позволила вооружить ее боевой техникой, не уступавшей той, что получили франкисты от фашистских держав.

Рабочий класс, его партии и организации оказывали большое влияние на политическую жизнь страны. Его представители вошли в состав правительства Народного фронта (в том числе и анархисты, отвергавшие всякую государственность), в местные органы управления, пользовались необычайно широкими возможностями для своей деятельности. Они были главной силой Народного фронта, сплачивая на антифашистской платформе все социальные слои, в том числе часть буржуазии, заинтересованные в сохранении республиканского строя, демократических свобод и суверенитета Испании.

Внутреннее и международное положение республики оставалось сложным. К лету 1937 года блокада морских коммуникаций, установленная при молчаливом согласии Англии и Франции итальянским и германским флотами, на длительное время отрезала республику от внешних источников снабжения. Интервенция приняла настолько наглый характер, что фашистские державы не считали нужным ее скрывать. Франкистам удалось, несмотря на острые разногласия, существовавшие между различными правыми и ультраправыми группировками, укрепить свои позиции на захваченной территории. К тому времени Франко сосредоточил всю полноту государственной и политической власти в своих руках, стал главой государства (каудильо), главнокомандующим вооруженными силами и вождем (хефе) единственной партии — Испанской фаланги; деятельность всех других партий, профсоюзов и организаций была запрещена. Фашистский режим жестоко расправлялся с политическими противниками. Тысячи коммунистов, социалистов, анархистов, республиканцев были расстреляны, тюрьмы переполнены политзаключенными.

К весне 1937 года республика пришла на гребне успехов, одержанных народной армией. Но эти успехи не были подкреплены мерами, которые обеспечили бы ей решительный перелом в ходе войны, и прежде всего из-за острых разногласий между партиями и организациями Народного фронта по вопросу о том, что нужно делать, чтобы добиться победы.

Особенно бурные дискуссии шли между коммунистами, считавшими, что в первую очередь надо нанести поражение фашизму, и левозэкстремистским крылом анархизма, пользовавшимся поддержкой

левацки настроенной группы социалистов. Они считали, что главное — это «делать революцию», а уж потом бороться с фашизмом.

Левые экстремисты пытались осуществлять свою линию на практике. В деревне они проводили насильственную «коллективизацию», буквально загоня крестьян в «колхозы» и лишая их возможности пользоваться плодами своего труда. В городах они «коллективизировали» предприятия, парализуя на них производство. Созданные ими различные «комитеты» и патрули дезорганизовали тыл. Упорно сопротивлялись экстремисты созданию регулярной армии.

Поскольку именно компартия решительно выступала против подобной политики, они стали рассматривать ее как своего противника. В мае 1937 года анархисты совместно с другими экстремистскими группировками подняли мятеж в Каталонии, пытаясь захватить власть в свои руки. Мятеж был подавлен.

Новое правительство Народного фронта приняло энергичные меры по укреплению обороны республики. Началось быстрое формирование дивизий и корпусов народной армии. Был создан генеральный штаб, начало налаживаться военное производство. Были распущены различные комитеты, ликвидированы партийно-профсоюзные полицейские и военные формирования, ограничен анархистский произвол в городе и деревне. Укрепилось сотрудничество партий и организаций, входящих в Народный фронт.

Летом 1937 года народная армия предприняла несколько крупных наступательных операций в районе Мадрида, на южном и Арагонском фронтах. Осенью республиканцы потеряли Страну Басков и Астурию, но это не поколебало их уверенности в победе. А в канун нового года народная армия штурмом взяла город Теруэль.

Но именно в это время начало сказываться военно-техническое превосходство франкистских войск и итало-германских интервентов. Если франкистов питал широкий поток оружия и военной техники, идущей из Германии и Италии, то Советскому Союзу с большим трудом удавалось протолкнуть через постоянно закрывающуюся франко-испанскую границу лишь небольшие партии военных материалов, приходившие во французские порты.

В конце февраля 1938 года республиканцы вынуждены были оставить Теруэль, а в начале марта франкисты и войска интервентов перешли в наступление на Восточном (бывшем Арагонском) фронте, прорвали его в нескольких местах и двинулись в направлении Средиземного моря.

Поражение в Арагоне вызвало панику и капитулянтские настроения в некоторых кругах Народного фронта. Сомнения в возможности победы над фашизмом отдельные лидеры республиканских партий и различных групп в ИСРП высказывали и раньше, особенно после падения Севера. Но дальше сомнений они не шли. Теперь же, когда армии Восточного фронта откатывались к морю и возникла угроза расчленения территории республики, капитулянты заговорили о возможности «почетного мира» с мятежниками, о «посредничестве» великих держав в переговорах с Франко. Военный министр социалист Индолесио Прието призывал к немедленным переговорам о мире. Возникла прямая угроза поражения.

Однако по призыву компартии и той части других партий и организаций Народного фронта, которые верили в возможность остановить и отбросить врага, народ потребовал пресечь деятельность капитулянтов. Правительство Хуана Негрина было реорганизовано. Прието выведен из его состава. Десятки тысяч добровольцев влились в ряды народной армии.

В середине апреля франкистские войска прорвались к Средиземному морю, отрезали Каталонию от центральных и южных провинций страны и повернули к югу, пытаясь захватить Валенсию. Днем и ночью шли ожесточенные бои, но теперь продвижение фашистских войск измерялось метрами. Народная армия оказывала упорное сопротивление врагу и в конце концов остановила его.

В конце июля 1938 года республиканские войска нанесли мощный удар по франкистам. Они форсировали реку Эбро, создали на ее восточном берегу обширный плацдарм и заставили фашистские войска прекратить наступление на Валенсию. Но добиться радикального перелома в ходе боевых действий им не удалось. В свою очередь, и франкистам долгое время не удавалось ликвидировать этот плацдарм. Ожесточенные бои в этом районе шли три месяца, и только в конце октября под давлением превосходящих сил противника республиканцы оставили плацдарм.

С августа 1938 года военно-политическая обстановка в республике вновь стала ухудшаться. В республике стал открыто формироваться блок политических и военных сил, выступавший за немедленное прекращение сопротивления.

Осенью 1938 года правящие круги Англии и Франции встали на путь открытой капитуляции перед фашистскими державами. Политика умиротворения агрессоров привела их к Мюнхенскому соглашению с ними, в результате чего Германия и ее союзники захватили обширные территории Чехословакии. Англия и Франция резко усилили давление на Испанскую республику, требуя от нее капитуляции перед франкистами и итало-германскими интервентами и всячески поощряя к этому пораженцев в рядах Народного фронта. Республика оказалась в изоляции на международной арене, политика «невмешательства» стала приносить свои зловещие плоды.

Произошли серьезные изменения и в настроениях народных масс на республиканской территории. Страна испытывала нехватку продовольствия, топлива, электроэнергии, сырья. Население голодало. Фашистская авиация безнаказанно бомбила города и поселки. Пессимизм и апатия охватывали все более широкие слои населения.

Фашистские войска в конце декабря 1938 года начали наступление на Каталонию. Под давлением превосходящих сил врага части народной армии, оказывая упорное сопротивление, медленно отходили к французской границе. Вместе с ними отходили сотни тысяч людей, не желавших оставаться под властью фашизма. В конце января 1939 года пала Барселона.

11 февраля вся территория Каталонии была захвачена войсками мятежников. Отступившие на территорию Франции части народной армии и огромная масса беженцев были интернированы в лагерях, условия существования в которых были ужасающими.

Наступал последний акт испанской драмы. Республика еще располагала силами в центральной и южной зонах, но моральный дух армии и населения был подорван. Противники Сопротивления вели лихорадочную подготовку к государственному перевороту.

В ночь на 6 марта 1939 года анархистские части, дислоцированные в Мадриде, подняли мятеж против правительства, а командующий войсками Мадридского фронта полковник Касадо объявил о создании Национальной хунты обороны, обещая населению и армии «достойный и почетный мир». Только коммунисты и части, оставшиеся верными правительству, попытались оказать сопротивление заговорщикам. Но силы были неравны. В середине марта и они были вынуждены прекратить боевые действия. Франко отклонил

просьбу предателей о «почетном» мире. В конце марта члены хунты бросили страну на произвол судьбы и бежали. Вся территория республики была захвачена франкистскими войсками.

Гражданская война 1936—1939 годов, продолжавшаяся 32 месяца, принесла испанскому народу огромные бедствия. Экономика страны была отброшена далеко назад. В развалинах стояли сотни городов и поселков. Не менее 500 тысяч беженцев были вынуждены покинуть родину. На демократические силы обрушились жесточайшие репрессии. В первые месяцы после окончания войны в тюрьмах и концлагерях находилось около 2 миллионов бойцов и офицеров республиканской армии, членов антифашистских партий и профсоюзов. Только за период с весны 1939 года по осень 1944 года по приговорам чрезвычайных трибуналов и без всякого суда было расстреляно свыше 200 тысяч человек. Франкистская диктатура ликвидировала все демократические свободы и институты, объявила вне закона все прогрессивные партии, профсоюзы и организации. Были отменены все законы и постановления, принятые в период республики; земельная собственность, банки, предприятия возвращены бывшим владельцам.

И хотя последствия войны оказались столь трагичными, героическая борьба антифашистов Испании за демократию и национальную независимость по-прежнему вызывают восхищение во всем мире. Испанская тема нашла свое отражение в творчестве многих выдающихся писателей, поэтов, художников, композиторов, создавших произведения, вошедшие в золотой фонд мирового искусства. Достаточно вспомнить роман Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» или «Гернику» П. Пикассо.

Испания вдохновляла тысячи и тысячи борцов с фашизмом во всем мире. Антифашистское движение Сопротивления в годы второй мировой войны своими истоками уходит в испанскую почву.

Испания показала, какой огромный революционный потенциал заложен был в Народном антифашистском фронте. Именно потому, что антифашисты Испании были объединены в рамках этого фронта, и, несмотря на существование между ними разногласий, а иногда и противоречий, почти на всем протяжении войны сохраняли верность этому единству, они могли оказать столь длительное сопротивление внутренней и международной реакции.

Испания продемонстрировала огромную силу пролетарского интернационализма. Мощное движение солидарности с испанским народом, развернувшееся во всем мире, организация и боевая деятельность интернациональных бригад сказали сильное воздействие на борьбу испанского народа с фашизмом.

Политическая, дипломатическая, моральная и военно-техническая помощь, полученная Испанской республикой от Советского Союза, стала одним из факторов, способствующих ее стойкости в противоборстве с фашизмом. Советский Союз сделал в тех условиях все возможное и все от него зависящее, чтобы помочь испанским антифашистам выиграть битву с врагом. Тогда они потерпели поражение, но их вклад в борьбу всего прогрессивного человечества против фашизма был и остается значительным. И, отмечая 40-ю годовщину разгрома германского фашизма, Победы советского народа в Великой Отечественной войне, мы не должны забывать и об испанских антифашистах, о тех, кто первым встал на смертельную борьбу, стоившую человечеству десятки миллионов жизней.

М. МЕЩЕРЯКОВ, доктор исторических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Все началось с авиации...	4
Встреча в Валенсии	6
Мадрид — сердце Испании	13
В горах Сьерра-де-Гвадаррамы	16
Мы действуем на Мадридском фронте	25
Дни и ночи Мадрида	33
Товарищи по борьбе	39
Возвращение в отдаленное прошлое	42
Встреча с «пятой колонной»	50
Разговор в отеле	55
Анархисты открывают фронт	59
Новогодняя встреча с легионом «Кондор»	91
«Северная одиссея»	96
Еще немного воспоминаний	112
Прорыв в Каталонию	116
Поход на Балеарские острова	119
Последний день вместе...	141
Разорванные звенья цепи	142
В начале 30-х годов...	154
Последние дни на испанской земле	159
Эхо, приходящее по ночам	161
Эпилог, которого никто не мог предвидеть	165
Послесловие	167

ИБ № 4453

Лев Петрович Василевский

ИСПАНСКАЯ ХРОНИКА ГРИГОРИЯ ГРАНДЭ

Редактор **О. Ярикова**

Художник **В. Павлюк**

Художественный редактор **К. Фадин**

Технический редактор **В. Пилкова**

Корректоры **И. Тарасова, А. Долидзе**

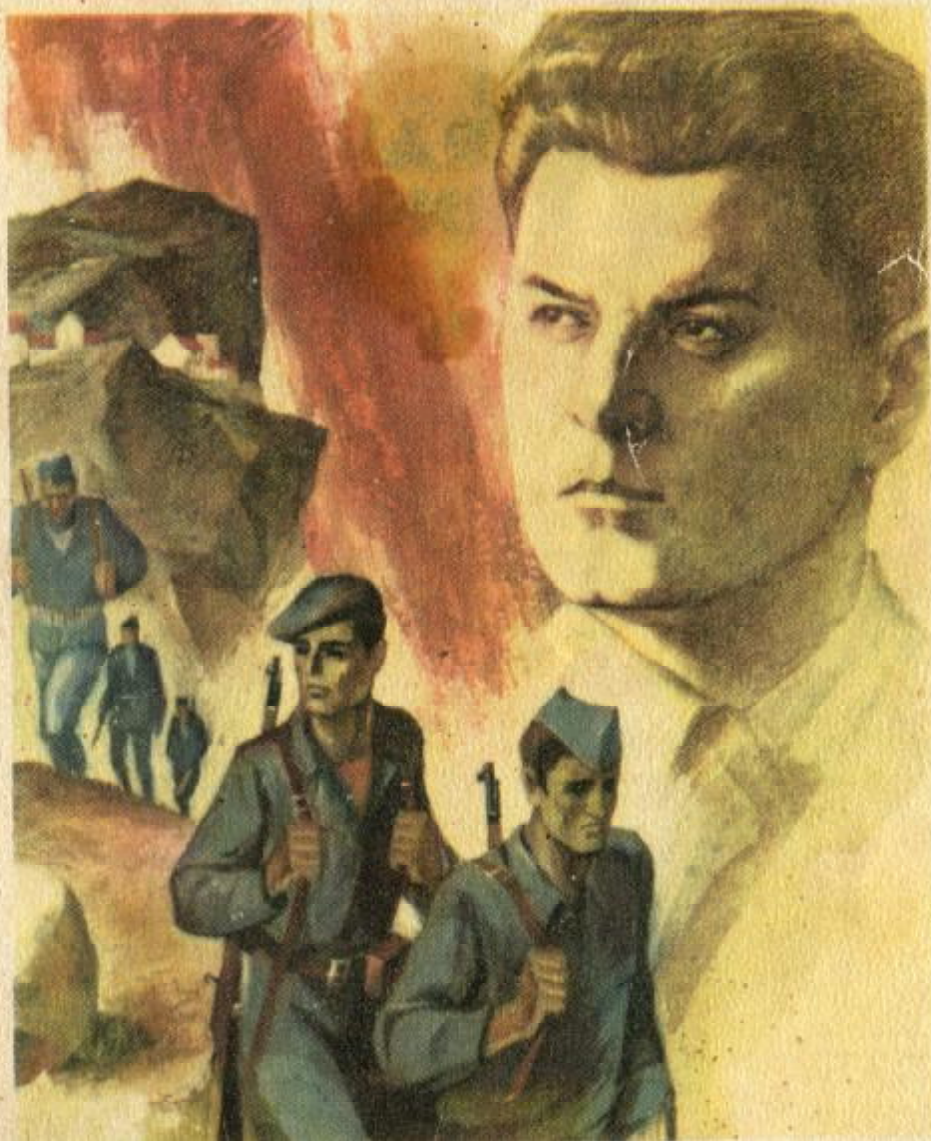
Сдано в набор 04.12.84. Подписано к печати 11.04.85.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 9,24+0,84 вкл.
Условн. кр.-отт. 10,5. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 150 000 экз.
(1-й завод 75 000 экз.). Цена 65 коп. Заказ 1836.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии:
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.



ЛЕВ ВАСИЛЕВСКИЙ

**ИСПАНСКАЯ ХРОНИКА
ГРИГОРИЯ ГРАНДЭ**





В горах Сьерра-де-Гвадарра-
мы. Слева направо:
Л. Василевский, Галарса Перес
Перегрин, Г. Сыроежкин и
бойцы отряда.





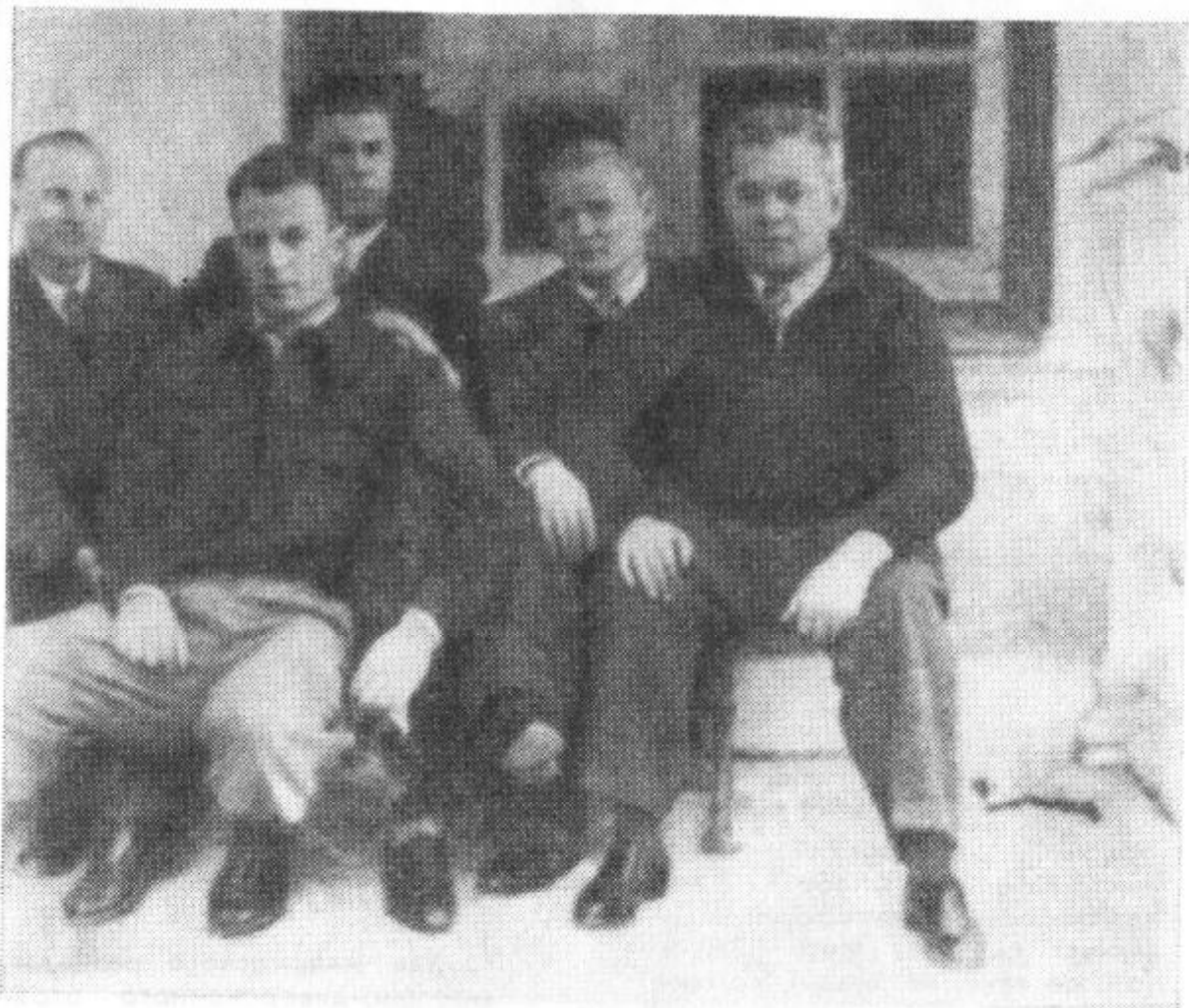
На фронт!



Григорий Сыроежкин. 1925 год.



Хуан Модесто и Энрике Листер — выдающиеся испанские военачальники-коммунисты.



В предместье Лас-Вегас (Мадрид). Слева направо: П. Боярский, А. Рабцевич, Г. Сыроежкин, Л. Василевский, К. Орловский.



Карлос Пинтадо (Чико) — боец мадридского отряда.



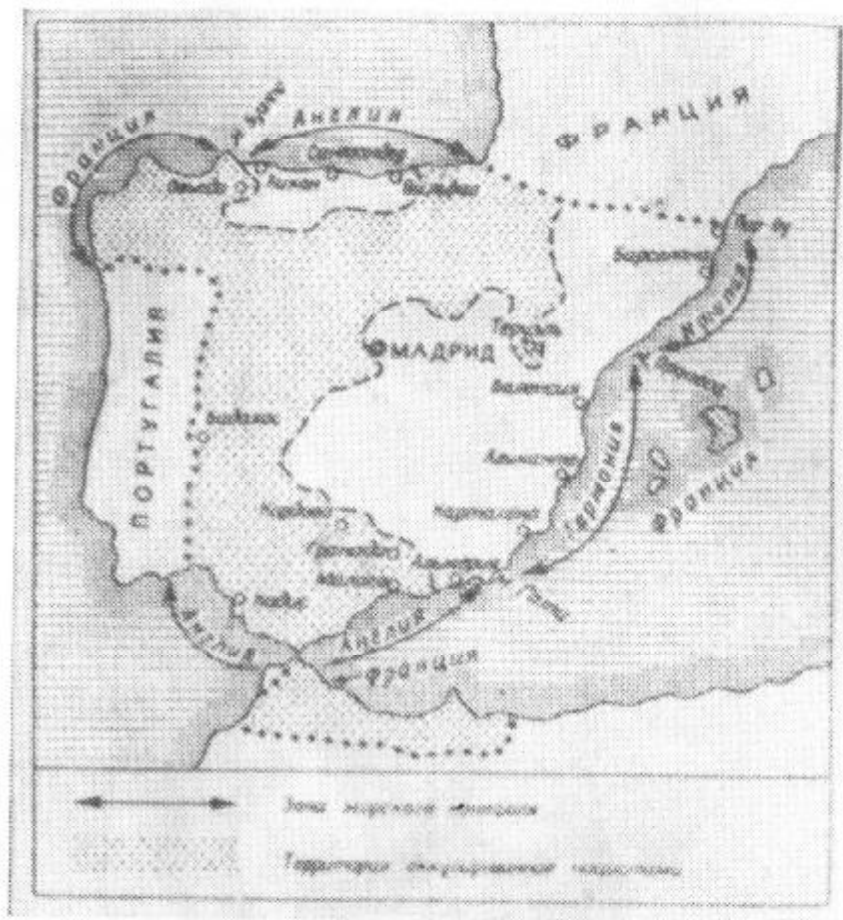
Белов — болгарский коммунист, начальник штаба 12-й интербригады, и венгерский коммунист писатель Мате Залка (он же генерал Лукач), командир 12-й интербригады.

Группа мадридского разведывательно-диверсионного отряда на дневке, Гвадалахарский фронт.





Защитник Мадрида (рис. испанского художника).



Л. Василевский на границе с Синцзяном. 1936 год.



Комбриг Е. С. Птухин.
1936 год.

Якутия. 1928 год. Первый
справа — Г. Сыроежкин.



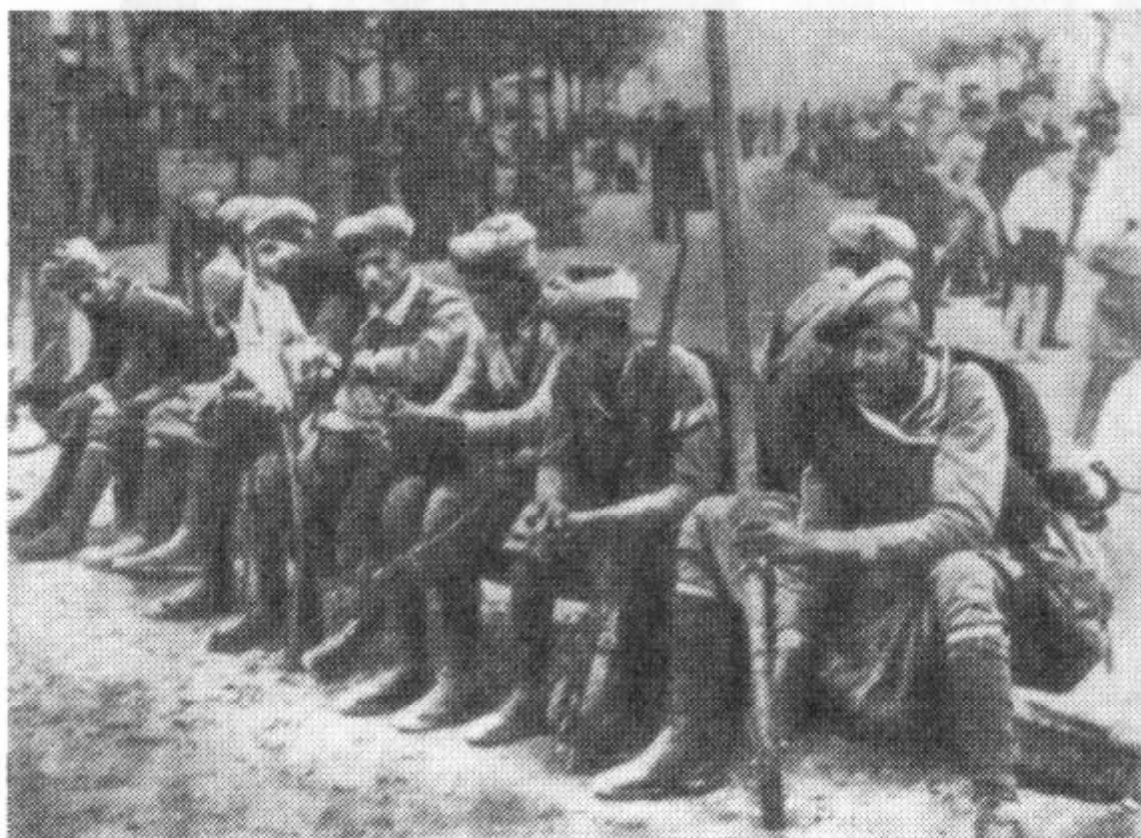


Долорес Ибаррури выступает на фронте.



Барселона. Дом на Тибидабо,
№ 28.

Марокканские стрелки.





После бомбежки.





Мадрид. Здание телефонной станции «Телефоника». На башне — наблюдательный пункт.



В бою под Теруэлем, на командном пункте (слева — Энрике Листер).

Гибралтар.





Московская комсомолка Симона Гринченко, переводчица в Испании.



Григорий Сыроежкин. 1936 год.

65 коп.

Лев Петрович Василевский родился в 1903 году в городе Курске. Трудовую жизнь начал в 14 лет: работал подручным электромонтера, после переезда в Харьков — смазчиком, а затем слесарем на паровозостроительном заводе.

В 1927 году вступил в ряды ВКП(б) и был направлен на работу в ОГПУ, где получил назначение на турецкую границу.

Служил в Батуми, Тбилиси. Там закончил авиационную школу, а позже — курсы комсостава и повышения квалификации при Военно-воздушной академии имени Жуковского.

По окончании курсов был направлен в пограничную авиацию Казахской ССР.

В начале испанской национально-революционной войны подал рапорт о зачислении летчиком-добровольцем и в мае 1937 года уехал в Испанию. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета» и медалями.

Л. Василевский — автор документальных повестей: «В оккупированном Париже. Воспоминания генконсула», «На земле Монтесумы», «После Зорге», «Дни и ночи Мадрида», «Испанская хроника Григория Грандэ», «Чекистские были», а также рассказов и очерков; много переводил с французского и испанского языков.

Умер в 1979 году.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ